

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

04201365767

Маринин Мстислав Оганесович

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В УСЛОВИЯХ
ЕВРОПЕЙСКОГО КРИЗИСА 1830-31 ГГ.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

научный руководитель –

профессор, доктор исторических наук

Павловская Анна Валентиновна

Москва – 2013

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Бельгийский кризис во внешней политике Российской империи.....	48
1.1. Причины участия Российской Империи в событиях бельгийского кризиса 1830-1831 годов.....	48
1.2. Деятельность российской дипломатии в период до созыва лондонской конференции.....	52
1.3. Дипломатические маневры Великих Держав вокруг бельгийского кризиса и эволюция позиции Петербурга.....	70
1.4. Политика Петербурга в ходе работы Лондонской Конференции.....	78
1.5. Создание Бельгии и позиция Петербурга.....	94
Выводы по главе 1.....	111
Глава 2. Восстание в Польше как определяющий фактор русской дипломатии.....	120
2.1. Причины влияния восстания в Царстве Польском на внешнюю политику России.....	120
2.2. Страны-союзники России.....	122
2.3. Страны-противники Петербурга.....	135
2.4. Политика нейтральных стран.....	150
Выводы по главе 2.....	159
Глава 3. Революция в Бельгии и восстание в Польше в восприятии русского общества.....	163
3.1. Восприятие русским обществом революции в Бельгии	164
3.2. Восприятие русским обществом восстания в Польше.....	172
Выводы по главе 3.....	188
Заключение.....	192
Библиография.....	202

ВВЕДЕНИЕ.

К началу 30-х годов XIX века внешнеполитическая карта Европы определялась решениями, принятыми по итогам наполеоновских войн, в Вене в 1815 году. Границы Великих Держав, закрепленные в итоговых венских соглашениях, охранялись военно-политическим союзом Австрийской империи, Великобритании, Прусского королевства и Российской империи. По числу участников союз был назван Четверным союзом. Оборонительная система союза была нацелена против Франции, так как именно она воспринималась главной потенциальной угрозой миру и спокойствию в Европе.

Вспыхнувшая в июле 1830 г. революция во Франции поставила Европу на порог новой общеевропейской войны. Активные внешнеполитические действия, предпринимаемые новым французским правительством, возглавляемым Луи-Филиппом, привели к распространению революции за пределы французского королевства, к волне восстаний, затронувшей многие регионы Европы. В этой связи закономерен тот интерес, который продолжает вызывать история июльского восстания в Париже как в рамках изучения истории Франции, так и в рамках изучения истории европейской внешней политики. Вопросы, связанные с революцией во Франции 1830 г., глубоко разработаны как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Однако многие события, спровоцированные июльской революцией, до настоящего момента остаются в ее тени и не получили должного отражения в исторической науке. В первую очередь это касается обстоятельств международного кризиса 1830-31 гг., который стал прямым следствием революционных событий в бельгийских и польских землях, вызванных революцией во Франции.

Отечественная историография расценивает польское восстание исключительно как событие внутренней политики страны. Главный аргумент подобной позиции кроется в том, что русское правительство не признало ни самопровозглашенного польского правительства, ни факта независимости

Польши, и даже после принятия поляками акта о детронизации Романовых рассматривало события русско-польской войны лишь как подавление польского мятежа. Подобный взгляд на события кажется логичным, но при дополнительном анализе он позволяет продолжить исследование и уточнить оценки. Проведенное в диссертации сравнение внешнеполитической реакции русского правительства на революцию в Бельгии (международное значение которой не оспаривается в современной историографии) и восстания в Польше, привело к следующим наблюдениям и выводам. Во-первых, русское правительство не признало законным и не вступало в контакты ни с национальным конгрессом в Брюсселе, ни с польским сеймом в Варшаве. Тем самым правительство Николая I давало однозначную оценку провозглашенным правительствам, считая их незаконными. Во-вторых, и при определении будущего Бельгии, и при определении будущего Польши правительство Николая I столкнулось с активной международной позицией Великих Держав. Для урегулирования бельгийской проблемы Великие Державы создали конференцию в Лондоне, польский вопрос неоднократно поднимался в рамках двухсторонних переговоров русских дипломатов со своими иностранными партнерами, что доказывает наличие международного компонента и в том, и в другом случае. В-третьих, как в случае со статусом Бельгии, так и в случае с войной за независимость Польши, усилиям русского правительства противостояло правительство Франции, которое рассматривало обе кризисные ситуации как возможность изменить невыгодное для нее внешнеполитическое положение, которое страна занимала с 1815 г.. В-четвертых, Польша и Бельгия были неразрывно связаны соглашениями 1815 г.. Оба этих региона были насильственно присоединены к другой стране: Бельгия к Голландии, а герцогство Варшавское к России. Оба этих региона в определенной степени являлись символами Венских соглашений, и любое изменение их статуса могло привести к волне пересмотра решений Венского конгресса, тем более что к такому развитию событий призывали радикальные силы в составе правительства Луи-Филиппа. В-пятых, русское правительство должно было

противостоять не только попыткам как бельгийских, так и польских агентов заручиться международной поддержкой, но и попыткам осуществления на территории Российской Империи диверсий и новых восстаний.

Все вышеперечисленные аспекты дают возможность предположить в качестве рабочей гипотезы исследования то, что в представлении правительства Николая I события в Бельгии и Польше являются проявлениями единого международного кризиса, который был спровоцирован внешнеполитической реакцией на революционные события во Франции.

С целью обоснования вышеуказанного тезиса была сформулирована главная **цель** данного диссертационного исследования: подтверждение гипотезы о восприятии русской дипломатией революции в Бельгии и восстания в Польше как проявлений единого международного внешнеполитического кризиса и анализ системы мер, предложенных русской дипломатией для разрешения данного кризиса, исходя из национальных интересов Российской Империи.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать внешнеполитические действия России в связи с революцией в Бельгии и восстанием в Польше в границах существовавшего международно-правового поля.

2. Провести сравнительный анализ реакции русского общества на политику России в связи с революционными событиями в Бельгии и в Польше, дать характеристику этих реакций.

3. Определить, какие национальные приоритеты во внешней политике, по замыслу императора Николая I, в начале 1830-х годов были выделены как главные векторы внешнеполитического курса Российской Империи.

4. Проанализировать личную позицию Николая I по вопросам бельгийской революции и польского восстания, а также проследить его реакцию на политику европейских партнеров.

Объектом исследования выступают международные отношения в Европе второй четверти XIX века.

Предметом исследования является реакция Российской империи на внешнеполитический кризис 1830-31 гг., спровоцированный событиями в Бельгии и в Польше.

Хронологические рамки диссертационного исследования включают в себя период с августа 1830 г. – начало бельгийской революции, по ноябрь 1831 г. – подавление польской революции. Этот временной интервал диктуется целью данного исследования, которая подразумевает объединение революции в Бельгии и восстания в Польше в рамках одного внешнеполитического кризиса. Следовательно, дата начала революции в Бельгии, которое произошло раньше польского, и дата подавления мятежа в Польше, который был урегулирован спустя некоторое время после признания независимости Бельгии, являются хронологическими рамками данной работы.

Методологической основой диссертации являются классические научные принципы историзма, системности и научной объективности, употребление которых является обязательным, с точки зрения современного источниковедения, при работе с различными типами исторических источников и, в особенности, при работе с источниками личного происхождения, которые составляют значительную часть источниковой базы работы. В основании данного исследования лежит сочетание проблемно-хронологического и системно-исторического подходов, что дает возможность рассмотреть события не только в их диахронической последовательности, но в их взаимовлиянии и обусловленности как внешними, так и внутренними факторами развития.

Принцип историзма позволил рассмотреть изучаемые события в рамках широкого исторического контекста, проследить причинно-следственную связь между событиями кризиса и изменениями во внешней политике России. Используя принцип системности, автор работы включил внешнеполитический кризис 1830-31 гг. в качестве органичной части в

контекст всей внешней политики Николая I второй четверти XIX века, а также европейской дипломатии этой эпохи. Использование разнообразного массива источников, включая большой пласт материалов личного происхождения, дал возможность автору диссертации проанализировать поставленные проблемы в соответствии с основополагающим для историка принципом объективности.

Научная новизна исследования заключается в следующих положениях:

Во-первых, одной из ключевых особенностей работы является анализ революции в Бельгии и восстания в Польше как ключевых факторов, определявших внешнюю политику Российской Империи. Эти события, как правило, или рассматривались по отдельности, или упоминались без глубокого и осмысленного анализа. В настоящем исследовании они рассматриваются как на основе уже введенных в научный оборот источников, но рассмотренных сквозь призму нового взгляда, так и с привлечением источников, еще не введенных в широкий исследовательский оборот.

Во-вторых, глубокий, поэтапный и системный анализ событий упомянутых кризисов позволил более детально понять как истоки внешнеполитических ориентиров внешней политики Николая I в указанный период, так и механизм воплощения этих векторов в конкретные политические решения.

В-третьих, принципиально новым является сопоставление реальных действий, предпринимаемых официальным Петербургом, и того представления о России, которое искусственно формировалось в зарубежном общественном мнении.

В-четвертых, проанализированы, систематизированы и сопоставлены представления российского общества о революциях в Брюсселе и Варшаве, что также является совершенно новым подходом, к которому не прибегали при исследовании упомянутых проблем.

В-пятых, рассмотрение взглядов Николая I по вопросам внешней политики и сопоставление их с действиями русской дипломатии в условиях европейского кризиса 1830-31 гг. также определяет новизну работы.

Актуальность исследования. Начало 1830-х годов поставило Великие Державы того времени в сложное положение. Происходящие одна за другой революции в центре Европы не только дестабилизировали политическую ситуацию, но и угрожали системе международных отношений, сложившейся по итогам Венских соглашений 1815 г. Россия как одна из стран, заложивших основы Венской системы, не могла оставаться в стороне от происходящих событий. Начавшееся в пределах империи восстание в Польше неизбежно сказалось на том курсе, который проводила Россия, но в то же время не изменило конечные ориентиры русской дипломатии.

Выступая одним из гарантов сложившейся системы международных отношений и оставаясь заинтересованной в сохранении установленных границ, Россия была вынуждена искать в стремительно меняющейся внешнеполитической обстановке такие методы влияния на события, которые способствовали бы мирному разрешению кризиса в нужном для Российской империи русле. Спровоцированный волной революций, прокатившихся по Европе, кризис 1830-31 годов оказал значительное влияние на существовавшие международные отношения и стал заметным этапом развития Венских соглашений 1815 года.

Сегодня международное положение России в связи с нестабильной ситуацией в отдельных странах, а также волной революционных событий, прокатившихся в определенных регионах мира, также требует использования таких методов дипломатического влияния на события, которые бы максимально способствовали реализации интересов Российской Федерации. В этой связи исторический опыт, которым обладает Россия в разрешении подобных коллизий, должен быть максимально проанализирован с целью адаптации достигнутых положительных результатов к современным внешнеполитическим условиям.

В основу исследования положено изучение не столько самих обстоятельств кризиса, которые уникальны как для самого кризиса, так и для всей исторической эпохи в целом, сколько реакции Российской империи на кризисную ситуацию. Это обстоятельство позволяет сопоставить ситуацию, существовавшую во второй четверти XIX века, с современной, так как и в том, и другом случае речь идет о дипломатической деятельности государства в жестко регламентированной международно-правовой среде, характеристики которой лишь меняются со временем, но строго определены для каждой исторической эпохи. Следовательно, изучение реакции России на события европейского кризиса 1830-31 годов будет полезно для анализа и планирования возможных внешнеполитических действий Российской Федерации в схожих международных ситуациях.

Обзор источников.

Переходя к обзору источников, использованных для написания данной работы, следует сразу отметить, что исследование построено на источниках отечественного происхождения. Несмотря на то, что привлечение отечественных источников в ущерб иностранным приводит к неминуемому ограничению материала при анализе изучаемой в анализе проблемы, тем не менее, этот выбор был сделан осознанно, так как он позволит сфокусировать внимание на действиях именно русских дипломатов и членов правительства. Если принимать во внимание то, что «как носитель фиксированной информации исторический источник способен выполнять функцию передачи информации во времени»¹, то желание увидеть картину разыгрывающихся перед глазами русских дипломатов событий 30-х годов XIX века через детальный и последовательный анализ источников отечественного происхождения станет понятным. Подобный подход позволяет выявить причины ошибок или заблуждений, которые случались в оценке правительством и лично императором Николаем I поведения своих союзников и третьих держав, а также устойчивые модели восприятия тех или иных стран и регионов. Можно будет получить ответ не только на вопрос,

¹«Источниковедение отечественной истории: учеб.пособие для студ.высш.учеб.заведения»/А.Г.Голиков, Т.А.Круглова; под ред.А.Г.Голикова –М.: Издательский центр «Академия», 2009. С.5

как происходили те или иные события, но и на вопрос, почему русские дипломаты принимали решения, которые могут показаться сегодня странными и неочевидными.

Наряду с уже изданными документами при написании работы использовались архивные материалы из фондов Государственного Архива Российской Федерации. Особую ценность для данного исследования имела переписка Николая I с королем Нидерландов и принцем Оранским, которая хранится в составе фонда № 728. Хранящаяся в фонде личная переписка не была издана и дает возможность не только понять личную позицию Николая I по вопросам бельгийского восстания и независимости Бельгии, но также проследить попытки Нидерландского короля влиять на формирование внешнеполитического курса России. Представляют интерес для исследования и личные оценки, которые дают представители Оранского правящего дома в связи с нерешительностью союзников России по Четверному союзу, а также в связи с восстанием в Варшаве. Хранящаяся в фонде №1126 переписка А.Х.Бенкендорфа со своей сестрой, женой посланника России в Лондоне и участника Лондонской конференции Д.Х.Ливен, дала возможность увидеть закулисную борьбу дипломатии Великих Держав на конференции в Лондоне, а также почувствовать настроения, которые царили как в русском обществе, так и в семье русского дипломата в связи с восстанием в Царстве Польском.

Согласно принятой в отечественной историографии видо-типовой классификации, источники можно разделить на несколько групп.²

1.Официальная делопроизводственная документация дипломатического и военного министерств Российской Империи.

Говоря об источниках, входящих в эту группу, в первую очередь следует обратиться к официальной делопроизводственной документации министерства иностранных дел. Документация МИДа, безусловно, является необходимым источником практически при любом исследовании, затрагивающем проблему международных отношений. В полной мере это относится и к проблеме, исследованию которой посвящена данная работа –

²«Источниковедение отечественной истории: учеб.пособие для студ.высш.учеб.заведения»/А.Г.Голиков, Т.А.Круглова; под ред.А.Г.Голикова –М.: Издательский центр «Академия», 2009. С.5

внешней политике Российской Империи в условиях кризисов, вызванных революцией в Бельгии и восстанием в Польше. Данные источники позволяют не только проследить непосредственные действия дипломатических агентов, но и официальную точку зрения Петербурга по различным аспектам международного положения России и поведения ее союзников. Огромным подспорьем для исследователей внешней политики России стала проведенная МИДом РФ публикация документов внешнеполитического ведомства в сборнике «Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ», семнадцатый том которого был использован в качестве источника в данном исследовании.³ Главное в этой публикации то, что отобранные и систематизированные документы впервые издаются и становятся доступными для широких кругов исследователей. Документы сопровождаются объемными научными комментариями, позволяющими в полном объеме понять их значение. Рассматриваемая дипломатическая документация может быть разделена на следующие категории:

1) Указания министерства иностранных дел Российской Империи своим представителям за границей.⁴

Указания, идущие от лица министра иностранных дел К.В.Нессельроде, представителям за границей представляют огромный интерес для данного исследования. Во-первых, эти указания являются уникальным свидетельством официальной позиции Петербурга на то или иное международное событие или кризисную ситуацию. Зачастую в них содержится информация о личной позиции императора Николая I. Во-вторых, в тексте указаний содержатся не только конкретные инструкции, но и краткий обзор сложившейся ситуации с анализом ее причин и возможных последствий. Это дает возможность получить представление о том, как

³ Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005.

⁴ Например, Циркулярная депеша вице-канцлера К.В.Нессельроде дипломатическим представителям за границей. 11(23) декабря 1830 г. //Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.200-204.

официальный Петербург инструктировал своих представителей реагировать на различные события и в чем он видел причины сложившихся кризисов.

2) Доклады канцлера Российской Империи К.В.Нессельроде императору Николаю I.⁵

Доклады вице-канцлера К.В.Нессельроде императору Николаю I имели регулярный характер и содержали в себе краткое перечисление действий русских дипломатов по какому-то конкретному вопросу и анализ ситуации с возможными перспективами ее развития. Источники, формирующие эту категорию, также являются свидетельством официальной позиции Петербурга, что составляет их несомненную ценность для данного исследования. Кроме того, часто на докладах вице-канцлера присутствуют замечания, высказанные императором, что позволяет рассматривать их как источник не только по позиции официального Петербурга, но и по личному восприятию Николаем Павловичем рассматриваемых событий.

3)Официальная переписка русских представителей заграницей с вице-канцлером К.В.Нессельроде.

В официальных письмах на имя главы внешнеполитического ведомства Российской Империи дипломаты сообщали о тех или иных событиях, произошедших в странах пребывания, а также давали канцлеру отчет о своих действиях. Предметом письма могли быть как события внешнеполитического характера, например, ход переговоров на Лондонской конференции 1830-31 гг.,⁶ так и внутривополитического характера, к примеру, волна недовольства подавлением польского вооруженного восстания в 1831 гг. в американском обществе.⁷ Немаловажной деталью являются приложения, которые часто посылались вместе с официальной корреспонденцией.

4)Рапорты и отчеты III отделения СЕИВК

⁵ Циркулярная депеша вице-канцлера К.В.Нессельроде дипломатическим представителям за границей. 11(23) декабря 1830 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.200-204

⁶ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде 12 (24) декабря 1830 г.// Там же.С.205-216.

⁷ Поверенный в делах в Вашингтоне К.Ф. Остен-Сакен вице-канцлеру К.В. Нессельроде. 27 августа (8 сентября) 1831 г. // Там же. С.461-462

С момента своего образования III отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии было обязано не только пресекать деятельность враждебных существующему государственному порядку сил, но и отслеживать настроения в обществе. В своих отчетах чиновники отделения указывали как фактические сведения о произошедших за отчетный период событиях, так и слухи и настроения, витавшие в воздухе.⁸ Это позволяет оценить, насколько в обществе были распространены разговоры о бельгийской революции и польском восстании в интересующем нас спектре, и как эти события воспринимались в различных слоях русского общества. Кроме того, III отделение располагало значительной сетью информаторов за границей, благодаря этому имеются донесения, позволяющее составить представление, как в определенных странах воспринимались внешнеполитические действия Российской Империи.⁹ Значительная часть этих отчетов была опубликована в фундаментальном сборнике «Россия под надзором. Отчеты III Отделения».¹⁰

5) Документация военного министерства

Кроме документов министерства иностранных дел, в группу источников, объединяющих делопроизводственную документацию, входят документы военного ведомства Российской империи. Среди этих документов можно выделить рескрипты императора военному министру графу А.И.Чернышеву.^{11, 12} Эти документы важны для исследования тем, что позволяют увидеть размах военных приготовлений Российской империи в ходе бельгийского кризиса и частные военные моменты в ходе подавления польского восстания, что является необходимым для оценки истинной позиции русского самодержца относительно военного вмешательства в европейские революции. Приказы по военному ведомству содержат в себе

⁸ Например: Записка с характеристикой общего положения и настроения в Царстве Польском в период восстания. ГА РФ. Ф.109. Оп.2.Д.78

⁹ Например: Письма агента Пица со сведениями о деятельности польских эмиссаров и выдержки из немецких газет о политике России. ГА РФ. Ф.109. Оп.2 Д.92

¹⁰ «Россия под надзором. Отчеты III-го Отделения, 1827-1869 гг.». М., 2006

¹¹ Император Николай Первый. Николаевская Эпоха. Слово Русского Царя. Апология Рыцаря. Незабвенный. Изд. Подг. М.Д. Филин. – М.: Русский мир, 2002

¹² Рескрипт Николая I управляющему Главным штабом с.и.в-ва и военным министерством А.И.Чернышеву 5 (17) октября 1830 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.106.

приказания, непредназначенные для широкой огласки, и в том случае, если их содержание будет разительно отличаться от содержания официальных заявлений правительства, можно будет составить представление о настоящих планах русского правительства.

2.Официальный актовый материал.

Источники, которые по типо-видовой классификации принадлежат к официальному актовому материалу, являются наиболее «узнаваемыми» историческими документами. Как правило, они являются результатом кропотливой работы и подготовки. Однако благодаря своей специфике, в текстах документов практически отсутствует какая-либо сопутствующая или уточняющая информация, которая могла бы помочь определить причины появления или механизм реализации того или иного положения, что вынуждает в рамках выбранной темы изучать этот источник вместе с источниками личного происхождения. В качестве примера источников, принадлежащих по своему характеру к официальному актовому материалу можно выделить:

1)Документы, относящиеся к внешнеполитическим действиям Российской империи.

Среди этих документов можно выделить документы, относящиеся к работе Лондонской конференции, посвященной бельгийской проблеме, и документы, относящиеся к периоду создания независимого бельгийского королевства¹³ и определению условий его существования.¹⁴ Поскольку под данными документами стоят подписи русских дипломатов, можно расценивать положения, прописанные в них, как официальную позицию Российской империи по конкретно взятому вопросу, в чем состоит практическая значимость данной категории документов для исследования.

¹³ Протокол конференции уполномоченных России, Австрии, Великобритании, Пруссии и Франции Лондон, 23 октября (4 ноября) 1830 г.//Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.129.

¹⁴ Договор между Россией, Австрией, Великобританией, Пруссией, Францией и Бельгией об образовании Бельгийского Королевства. Лондон 3 (15) ноября 1831 г.//Там же. С.567-579.

2)Документы, относящиеся к внутривнутриполитическим событиям Российской империи.

К данной категории отнесены документы, главным предметом которых служат события, происходящие внутри России, на которые было вынуждено обратить свое внимание правительство Николая I. В основном речь идет о событиях восстания в Варшаве и последовавшей за ним русско-польской войне 1830-31 гг. Среди огромного количества документов, относящихся к этой теме, для данного исследования были выбраны лишь те, которые имеют отношение к внешнеполитическим обстоятельствам. Например, «Манифест об окончании военных действий в Польше».¹⁵ Манифест сообщал о подавлении восстания в польских землях и начале процесса урегулирования ситуации. Таким образом, иностранные державы, заинтересованные в развитии польского кризиса, получали однозначный сигнал о том, что их усилия по военной и политической поддержке польских бунтовщиков провалились. Другими примерами документов, относящихся к этой категории, являются «Манифест об окончании польской войны. 6 октября 1831 г.»¹⁶ и «Манифест 14 февраля 1832 года о новом порядке управления и образования Царства Польского». Новый порядок существования польских земель в составе Российской Империи привлекал внимание иностранных держав, пытавшихся влиять на Николая I с целью сохранения за Польшей ее привилегий. Издание «Органического статута Царства Польского» подвело черту под такими попытками.

3.Личная переписка.

Источники этой категории являются документами личного происхождения. Для проведения данного исследования они имеют большое значение, так как позволяют увидеть события бельгийского и польского кризисов глазами непосредственных участников событий – русских дипломатов, а также представить себе процессы, происходящие во внешней политике России с невидимой рядовому наблюдателю стороны. Среди

¹⁵Манифест Николая I. 6 (18 октября) 1831 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.495

¹⁶ Император Николай Первый. Николаевская эпоха. Слово русского царя. Апология рыцаря. Незабвенный. Изд.подг.М.Д.Филин. М., Русский мир, 2002 г. С.199

документов, составляющих данную категорию, отдельного упоминания заслуживают:

1) Личная переписка русских дипломатов с канцлером К.В.Нессельроде.

В отличие от официальной переписки личные письма дипломатов, адресованные вице-канцлеру, достаточно редки. Как правило, причиной их написания является желание дополнительно прокомментировать то или иное событие и действие или же попытаться оправдать неожиданные для официального Петербурга решения, как, например, в случае с признанием бельгийским королем принца Леопольда.¹⁷ Эти письма представляют значительный интерес для исследования, так как позволяют проследить ситуацию с позиции русских дипломатов и в менее официальной форме по сравнению с официальной перепиской.

2) Личная переписка императора Николая I с нидерландским королем Вильгельмом I и принцем Оранским.

Сестра Николая I Анна Павловна была выдана замуж за сына голландского монарха Вильгельма I, и это обстоятельство отчасти объясняет то участие, которое Николай I принимал в событиях бельгийского кризиса. Предметом писем довольно часто являются описания тех внутренних и внешних потрясений, через которые прошли Нидерландское Королевство и Российская империя в 1830-31 гг. Неоднократно в письмах к Николаю I принц Оранский описывает ситуацию на голландско-бельгийской войне и делится своими соображениями о будущем развитии событий в европейском регионе.¹⁸ В своих письмах голландскому королю Николай I обсуждает возможность оказания помощи Нидерландам в их войне против мятежников и объясняет, почему русская дипломатия согласилась на создание независимой Бельгии.¹⁹ Данная переписка позволяет проследить личное отношение русского самодержца к происходящим событиям и дает возможность исследовать, всегда ли совпадали намерения и желания

¹⁷ Личное письмо посла в Лондоне Х.А.Ливена вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 15(27) декабря 1831 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005.С.635-640.

¹⁸ ГА РФ, ф.728, оп.1, д.1466

¹⁹ Например: Николай I Вильгельму I. Тверь, 13 (25) октября 1830 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005.С.122

Николая I с той программой внешнеполитических действий, которую он был вынужден реализовывать.

3)Переписка княгини Д.Х. Ливен и А.Х. Бенкендорфа.²⁰

Княгиня Д.Х. Ливен была сестрой графа А.Х. Бенкендорфа и поддерживала с ним личную переписку. Будучи женой русского посла в Лондоне князя Х.А.Ливена, она являлась не только свидетельницей разыгрываемых событий, но и их непосредственным участником. Активный характер, склонность к анализу событий и великолепная память позволили ей в кратчайшее время получить значительное влияние в лондонском обществе и получать сведения исключительной важности для Петербурга. О той роли, которую княгиня Д.Х. Ливен играла в Лондоне и в русско-английских отношениях, наглядно свидетельствует устойчивое мнение, что лорд Пальмерстоун добился отзыва из Англии ее мужа князя Х.А. Ливена, опасаясь ее влияния.²¹ В своей переписке с А.Х. Бенкендорфом княгиня касается революционных событий во Франции, Бельгии и Польше, последовавшей за ними реакции в английском обществе, что составляет несомненный интерес данного источника для настоящего исследования.

4) Личная переписка братьев Александра и Константина Булгаковых.²²

Братья А.Я.Булгаковы и К.Я.Булгаковы были современниками бельгийской революции и польского восстания, занимали высокие государственные посты и были заметными представителями российского высшего общества. Обладая большим объемом информации, они в своей переписке оставили исключительные по важности сведения о личном восприятии тех или иных событий внутренней и внешней политики России, которые в их письмах органично сочетаются с бытовыми зарисовками повседневной московской и петербургской жизни.

5)Памятные записки, донесения и обращения.

Данную категорию составляет не регулярная переписка между двумя корреспондентами, а письма на высочайшее имя или же на имя министра,

²⁰ ГА РФ Ф.1126. Оп.1 Д.332,424,364,406,431,662

²¹ Сакун О.Ф.Деятельность русского посла Х.А.Ливена и его супруги Д.Х.Ливен в Лондоне 1812-1834 гг.//Новая и новейшая история.2006. №6. С.157

²² Братья Булгаковы: письма/Александр Булгаков, Константин Булгаков. М.:Захаров, 2010 г.

предметом которых являются конкретные события или предложения. Подобные письма позволяют получить лучшее представление об отдельных аспектах происходящих событий и, что немаловажно, увидеть личностный взгляд автора письма или обращения. В качестве примера можно привести Памятную записку фельдмаршала И.И. Дибича, который во время начала бельгийской революции сообщал Николаю I о возможных приготовлениях Пруссии в силу обязательств, которые она имела по Четверному союзу.²³

Необходимо отдельно упомянуть донесение князя И.О. де Витта.²⁴ Князь сам по себе является примечательной личностью, участником наполеоновских войн, одним из родоначальников русской разведки, усилия которого во многом позволили ввести Наполеона в заблуждение относительно численности и боеспособности русской армии накануне войны 1812 года. Князь де Витте принимал активное участие в подавлении польского восстания 1830-31 гг. и в ряде своих донесений сообщал свои наблюдения и мысли. В частности, в указанном донесении он детально описывает возможные последствия для России и Европы революции, которая произошла в 1830-м году во Франции, подчеркивая тяжесть ситуации, в которой оказывалась Российская империя.

Среди писем, демонстрирующих восприятие восстания в Польше, можно упомянуть Записку лица, доставившего генерал-адъютанту графу А.Ф. Орлову депешу о ликовании Петербурга по поводу взятия русскими войсками Варшавы и ожидания окончания польского мятежа.²⁵

4. Дневники и воспоминания.

Принимая во внимания тот факт, что события бельгийской революции и польского восстания интересуют нас исключительно с позиций внешнеполитических действий Российской империи, становится понятно, почему среди множества воспоминаний и дневников, посвященных

²³ Памятная записка фельдмаршала И.И.Дибича Николаю I. 21 сентября (3 октября) 1830 г. //Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.95.

²⁴ ГА РФ. Ф.109, Оп.2,Д.44

²⁵ ГА РФ Ф.109. Оп.2.Д.59

обстоятельствам польского восстания и, в меньшей степени, бельгийской революции, лишь немногие были использованы в качестве источников для написания данной работы. К сожалению, бельгийская революция практически не упоминается в воспоминаниях современников, это можно понять, учитывая, что перед ей предшествовала революция во Франции, а через месяц восстало Царство Польское. Польское восстание, безусловно, привлекло к себе намного большее внимание во всех слоях русского общества. В этой связи можно вспомнить реакцию писателей, чиновников и простых обывателей. Однако, несмотря на свою массовость, эта реакция была обращена на восстание в Польше как на событие внутренней политики или событие двусторонних русско-польских отношений, а не внешней политики. Естественно, в массовом сознании восстание в Польше воспринималось как еще одна веха на пути русско-польских конфликтов, уходящих своими корнями вглубь веков, а не как событие, которое может поколебать основы Венской системы 1815 года. Поэтому были выбраны те дневники и мемуары, в которых пусть и вскользь, и отчасти затрагивалась тема восстания в Польше и революции в Бельгии как событий, имевших значительный внешнеполитический аспект для Российской империи. Все эти дневники и воспоминания были написаны представителями высшего русского общества, творческой элиты и государственными служащими. Среди них: дневники И.С.Гагарина²⁶, Эугена Хесса²⁷, А.В. Никитенко²⁸, М.А. Корфа²⁹, воспоминания Ф.Ф.Торнау³⁰, Н.И.Голицыной³¹, Н.Кицкой³², А.Н.Вульфа³³, К.П.Колзакова³⁴, О.А.Пржецлавского³⁵, Д.В.Давыдова³⁶

²⁶ Гагарин Иван. Дневники. Записки о моей жизни. Переписка. – М.: «Языки русской культуры», 1996.

²⁷ Хесс, Эуген Русский дневник/ Пер.с нем.и прим.Б.И.Асварица. – СПб., Аxioma, 2007.

²⁸ А.В.Никитенко «Из Дневника»// Николай Первый. Молодые годы.Воспоминания.Дневники. Письма. Книга 1-я (Серия: Государственные деятели России глазами современников) - СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2008.

²⁹ Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг./М.А.Корф. – М.: Рубежи XXI, 2010.

³⁰ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М.: «АИРО-XXI», 2008.

³¹ Княгиня Н.И.Голицына о польском восстании 1831 г.// «Российский Архив»: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Альманах: Вып.ХІІІ – М.: Редакция альманаха «Российский архив», 2004. С 61-165

³² Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830-1831 годов/ Сост., вступ.статья В.М.Боковой, Н.М. Филатовой. - М.: Новое литературное обозрение, 2005 г.

³³ А.Н.Вульф. «Дневники»// «Поэт, Россия и цари /А.С.Пушкин,А.Н.Вульф,М.К.Мердер,Л.Н.Павлищев». М., Фонд Сергея Дубова, 1999 г.

³⁴ Колзаков К.П. Воспоминания Колзакова. 1815-1831 // Русская старина, 1873. – Т. 7. – № 4. – С. 423-455; № 5. – С. 587-615.

мемуары Н.И.Греча,³⁷ дневники А.М.Корфа.³⁸ Отдельно стоит упомянуть записки графа А.Х.Бенкендорфа.³⁹ Издание этих Записок открыло для широких слоев исследователей бесценный источник информации, оставленный одним из ближайших советников Николая I, который имел доступ к уникальным сведениям и благодаря своему уму и таланту блестяще анализировал и творчески переработал их на страницах своих воспоминаний.

5.Материалы прессы (Архив газеты «Северная пчела» за 1830-31 гг.⁴⁰)

«Северная пчела», выходявшая регулярно и значительным тиражом – до 10 000 экземпляров, была, по сути, единственной газетой в Российской империи, которая регулярно публиковала информацию о событиях в мире, не обходя своим вниманием и политическую тематику. Таким образом, газета оказывала огромное влияние на общественное мнение. Поскольку «Северная пчела» цензурировалась III отделением СЕИВК, можно констатировать, что та информация, которая помещалась в ней, была одобрена властями для доведения до граждан России. Использование материалов прессы позволило ответить на вопрос, в какой степени общество информировалось официальными средствами массовой информации о происходивших в Бельгии и Польше событиях, и проанализировать официальную позицию русского правительства по указанным событиям.

Таким образом, широта и многообразие источниковой базы позволяет проанализировать различные по своему характеру документальные материалы и решить поставленные в диссертации задачи.

Историография.

Внешняя политика Николая I еще при жизни императора стала предметом ожесточенных споров историков и публицистов. Главной причиной подобного интереса, безусловно, являлась Крымская война, которая до сих пор часто рассматривается как итог всей внешней политики

³⁵ О.А.Пржецлавский «Воспоминания»//Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.:Новое литературное обозрение, 2010 г.

³⁶ Давыдов Д.В. Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о польской войне 1831 года / Сообщ. В.Д. Давыдов // Русская старина, 1872. – Т. 6. - № 7. – С. 1-38; № 10. – С. 309-405.

³⁷ Греч Н.И. «Записки о моей жизни», М.: «Захаров», 2002

³⁸ Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг./М.А.Корф. М.: Рубежи XXI, 2010 г.

³⁹ Бенкендорф А.Х. «Воспоминания 1802-1837». М., «Рос.Фонд Культуры», 2012 г.

⁴⁰ №106-156 за 1830 г. и №1-253 за 1831 г.

Николая I. Внешнеполитическая изоляция, в которой оказалась Российская империя, разрушила спокойствие государства, казавшееся незыблемым после триумфального Венского Конгресса 1815 года. Уже в годы войны появилось значительное количество публикаций, в которых критически оценивается деятельность русского дипломатического корпуса и особенно выделяется негативная роль вице-канцлера К.В.Нессельроде.⁴¹ Особо необходимо отметить работы М.П. Погодина, который, проанализировав деятельность вице-канцлера, подверг его жестокой критике, фактически обвинив его в тяжелом внешнеполитическом положении России, доказывая тем самым его полную несостоятельность как дипломата и государственного деятеля.⁴²

Однако ни в годы Крымской войны, ни в последующее десятилетие не было проведено детального анализа всех внешнеполитических событий, произошедших в правление Николая I. Воспоминания о минувшей войне были настолько сильны, что, как правило, при изучении внешнеполитического наследия, доставшегося Александру II, детально анализировали лишь конец правления его отца и ход Венской и Парижской конференций, первопричины конфликта и позиции Западных Держав. В этой связи уместным будет вспомнить работы М.И. Богдановича,⁴³ Е.П.Ковалевского,⁴⁴ В.Уляницкого,⁴⁵ П.Щебальского.⁴⁶ в которых в значительной мере были проработаны вопросы, связанные с дипломатическими отношениями России с другими странами в период Крымской войны.

Публикации 1860-х и 1870-х годов подготовили почву для написания комплексного исследования, посвященного проблеме всестороннего осмысления внешней политики Николая I. Подобным исследованием стала работа С.С.Татищева «Император Николай и иностранные дворы».⁴⁷ Автор поставил своей задачей проследить историю внешнеполитических действий

⁴¹ Татищев С.С. Из прошлого русской дипломатии. СПб, 1890. С.9

⁴² Там же

⁴³ Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 гг., тт.1-4, СПб. 1876

⁴⁴ Ковалевский Е.П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах. СПб.1868

⁴⁵ Уляницкий В. Дипломатия во время Восточной войны и Парижский трактат 1856 // Русский вестник. 1877.№12.

⁴⁶ Щебальский П. Восточный вопрос и дипломатия // Русский вестник 1886. №8-9.

⁴⁷ Татищев С.С. «Император Николай I и иностранные дворы». СПб, 1889

России в период правления Николая I, найти причины внешнеполитической изоляции, в которой оказалась страна в последние годы жизни императора. Несомненным преимуществом работы, которое сильно выделяет все труды С.С. Татищева по вопросам внешней политики, является твердая опора на широкую базу источников, в том числе и на те группы источников, которые до него не были доступны исследователям. Автор рассматривает политику России по странам, уделяя внимания таким темам, которые ранее не вызывали большого интереса у историков, получает раскрытие тема сложных отношений с Австрией, которая, по мнению С.С.Татищева, часто проводила откровенно антирусскую политику. Следует отметить, что в этой работе впервые рассматривается сложность бельгийского вопроса, его соотнесенность с системой предупреждения новой войны в Европе. Автор одним из первых рассматривает и сравнивает отношения России со всеми Великими европейскими Державами, демонстрируя сложность и временами натянутость отношений со странами-участниками Священного Союза. Вместе с тем, нисколько не умаляя несомненных заслуг С.С.Татищева в изучении внешней политики Николая I, нельзя не отметить, что его исследование не лишено ряда недостатков. Самым очевидным является то, что уже во Введении к своей работе исследователь называет ту силу, которая, по его мнению, погубила внешнеполитические планы царя (к которому автор не скрывает своей глубокой симпатии) и навлекло своими действиями на Россию ужасы Крымской войны. Для С.С.Татищева этой силой были многочисленные иностранцы на службе дипломатического ведомства во главе с вице-канцлером К.В.Нессельроде, который в глазах автора являлся «воплощенною бездарностью...примером притягательной силы, существующей между ничтожеством и фортуной».⁴⁸ Совершенно справедливо замечая, что Николай I был готов всячески препятствовать распространению революции за пределы Франции, С.С.Татищев, тем не менее, считает, что основным фактором, предопределившим напряжение в русско-французских отношениях в 1830-е годы являлась подрывная политика

⁴⁸ Татищев С.С. «Император Николай I и иностранные дворы». СПб, 1889. С.17

Австрии, которая всеми силами старалась разъединить Россию с ее естественную союзницей – Францией.⁴⁹ Однако симпатия, которую автор испытывал к Франции, не помешала ему признать, что во многом Франция сама помогла Австрии испортить русско-французские отношения, проявив бестактность в польском вопросе.⁵⁰ Вместе с тем, следует признать, что работа С.С.Татищева являлась значительным шагом вперед в понимании внешней политики Николая I, в которой, по сути, впервые были проанализированы события не только июльской революции во Франции, но также бельгийской революции и польского восстания, показана работа Лондонской конференции 1830-31 годов в контексте других внешнеполитических действий Империи. С.С.Татищевым был подготовлен значительный источниковый и фактологический фундамент для будущих исследований по этим вопросам.

К сожалению, огромный потенциал исследования С.С.Татищева не был использован в полной мере. Произошедшие в Российской Империи на рубеже 19-го - начала 20-го веков социально-политические изменения повлекли за собой частичный пересмотр итогов правления Николая I, на которого стали перекладывать ответственность за неверно выбранный внешнеполитический курс. Большое значение для оценки роли Николая I имела изданная в 1903 году биография царя, написанная Н.К.Шильдером.⁵¹ Работа Н.К.Шильдера представляет собой фундаментальный труд, который не имел аналогов по объему и количеству используемых материалов. К сожалению, Н.К.Шильдер не успел закончить свое исследование, доведя его лишь до начала 30-х годов XIX века. Автор не ограничивался описанием жизни царя, но давал широкую картину тех событий внутри страны и за ее пределами, которые определяли политику Петербурга. Однако, несмотря на обилие используемого материала, Н.К.Шильдер, к сожалению, практически не рассматривает события бельгийской революции 1830 года и реакции на нее Петербурга и не описывает ход Лондонской конференции. Участие

⁴⁹ Татищев С.С. «Император Николай I и иностранные дворы». СПб, 1889.С.157

⁵⁰ Там же.С.160

⁵¹ Шильдер Н.К. «Император Николай I.Его жизнь и царствование». М.: Захаров, 2010

России в бельгийских событиях для автора остается нераскрытым, находит отражение лишь факт первоначального желания Николая I подавить восстание силой. Из-за отсутствия анализа событий, предшествовавших восстанию, которые могли бы объяснить негативную реакцию царя, объяснения автора идеи военной интервенции остаются на уровне личной неприязни Николая I к революции или чрезмерных амбиций царя: «между тем Император Николай...все-таки увлекся идеей стать во главе легитимистского крестового похода в духе Александра I».⁵² Как уже было сказано, к сожалению, на страницах работы Н.К.Шильдера нет описания хода Лондонской конференции и изменения позиции Николая I по вопросу независимости Бельгии. Говоря о польском восстании, Н.К.Шильдер подробно описывает реакцию царя на сам факт восстания и ход русско-польской войны, но совершенно не отражает политическую борьбу, которая велась Великими Державами вокруг независимости Польши и гарантий польской конституции. В этой связи, несмотря на огромную научную значимость работы Н.К.Шильдера в понимании отдельно взятого аспекта царствования Николая I, а именно, роли русской дипломатии в бельгийском и польском кризисах, можно сказать, что в ней наблюдался шаг назад по сравнению с работами С.С.Татищева.

Революционные события 1905-1907 годов и последовавшие за ними преобразования в политической жизни страны не могли не сказаться на оценке новым поколением историков предыдущих эпох правления, в том числе эпохи Николая I. Принадлежащий к новому поколению исследователей Е.В.Тарле, вдохновленный опытом первой русской революции, опубликовал теоретическое исследование «Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки»⁵³. В этой работе Е.В.Тарле на широком историческом материале стран Западной Европы показывает закономерность краха абсолютизма и доказывает неизбежность этого процесса в России. В ходе своего теоретического анализа автор не обходит вниманием фигуру царя Николая I. Е.В.Тарле категорически не соглашается

⁵² Шильдер Н.К. «Император Николай I. Его жизнь и царствование». М.: Захаров, 2010. С.619.

⁵³ Тарле Е.В. «Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки». СПб, 1906

с устоявшимся в значительной части отечественной историографии образом царя-рыцаря, руководствовавшегося в своей политике исключительно национальными интересами России (подобное мнение отстаивали многие историки, например, С.С.Татищев⁵⁴ и А.М.Зайончковский⁵⁵). По мнению Е.В.Тарле, внешнеполитические ориентиры русской дипломатии в период правления Николая I формировались, исходя из некой абстрактной «благородной роли», а не из-за интересов России, которые «уходят куда-то даже не просто на второй план, а совсем в даль и мрак».⁵⁶ Несмотря на то, что первая редакция этой работы, опубликованная в 1906 г., не имела определяющего влияния на изучение дипломатии Николая I, сопоставимого с исследованиями С.С.Татищева, Б.Э.Нольде, А.Н.Петрова и других крупных историков, занимавшихся проблемами внешней политики Николая I, тем не менее, именно в этой работе Е.В.Тарле дал характеристику Николаю I как дипломату, которой и будет придерживаться на протяжении всей своей будущей научной деятельности, расцвет которой придется уже на постреволюционный период.

Таким образом, можно констатировать, что для дореволюционной историографии характерно отсутствие интереса к таким эпизодам внешней политики Николая I, как международные действия России в связи с бельгийской революцией и польским восстанием 1830 г. Большинство исследователей оценивает внешнюю политику Николая I через положительный образ личности императора, создавая таким образом охранительное направление. Ведущая роль в формировании охранительного направления принадлежит работам С.С.Татищева. Вместе с тем, в начале века появляются работы, в которых ломается привычная оценка Николая I, что проявилось в биографии Н.К. Шильдера и, особенно, в работе Е.В.Тарле.

События 1917 года и последовавшие за ними изменения в социально-политической жизни страны не могли не оказать влияния на восприятие

⁵⁴ Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая I. –СПб, 1887

⁵⁵ Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. тт.1-2, СПб, 1908-1913

⁵⁶ Тарле Е.В. «Падение абсолютизма в западной Европе и России»/Под.ред. и со вступ.ст. Ю.И.Семенова; Гос.публ.ист.б-ка России – М., 2011. С.121

самодержавной власти в России. Потребовались исторические исследования, представляющие новый взгляд на роль самодержавия в истории страны. Подобная фундаментальная задача не могла быть решена одними лишь публикациями статей и заметок, разоблачавших ошибки прошлых исторических оценок и сугубо критически оценивавших дооктябрьское прошлое России. Необходимы были работы, которые не только отвергали бы предыдущий историографический опыт и концепции, но предлагали бы на их место новое видение исторического пути страны, которое было бы созвучно внутренней политике и идеологии новой власти. Фактически первым из исследователей, кто заложил фундамент советской историографической традиции, был М.Н.Покровский. Идеи М.Н.Покровского, в том числе о месте и роли истории в современном ему обществе, воплощением самой известной из которой является фраза, что «история — это политика, опрокинутая в прошлое»,⁵⁷ как нельзя лучше подходили для выполнения задачи, поставленной перед историками новой властью. Одной из важнейших работ М.Н.Покровского, в которой он переосмысливает весь взгляд на развитие отечественной истории и предлагает свою, уникальную для того времени концепцию движущих сил внутреннего и внешнего развития страны, была «Русская история в сжатом очерке»⁵⁸. Об огромном значении этой работы для формирующейся молодой советской школы исторических исследователей говорит тот факт, что за 10 лет книга выдержала четыре переиздания, последнее через год после смерти автора, несмотря на то, что многие его мысли уже начинали критически пересматриваться. Широкий взгляд на исторические события позволил автору избежать конкретики во многих вопросах, особенно связанных с внешней политикой государства. В частности, М.Н.Покровский не рассматривает политику Николая I в связи с серией европейских революций 1830-31 годов, ограничиваясь лишь описанием польского восстания 1830 года. В оценке этого события автор представляет точку зрения, диаметрально противоположную мнению историков прежней эпохи, оправдывая польское восстание, настаивая на

⁵⁷ Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. - 2-е изд. - М.: Локид-Пресс, 2005.

⁵⁸ Покровский М.Н. Русская история в сжатом очерке. М., Красный пролетарий, 1933

исторических правах мятежных поляков. «В Польше возмущение гнетом самодержавия усиливалось всей силой национальной ненависти угнетенного народа к угнетающему ему иноземному правительству».⁵⁹ В оценках хода восстания и его последствий автор также выступает с резкой критикой императора Николая I, игнорируя все те доводы, которые ранее в его защиту приводили историки прежних поколений, создавая охранительную концепцию внешней политики русского царя. Этот новый взгляд, проповедуемый М.Н.Покровским, позволил взглянуть на проблему дипломатического аспекта Варшавского восстания под иным углом, хотя автор и не ставил себе такой цели. Если со времен работ С.С.Татищева было принято в описании иностранного влияния на польские события акцентировать внимание на агрессивной политике Франции и двоякой позиции Австрии, то М.Н.Покровский, полностью игнорируя эти два фактора, акцентирует внимание читателей на той помощи, которую Николаю I оказывали реакционные силы Европы, без которой, по мнению историка, восстание имело шансы на успех. «Только с помощью пруссаков, снабжавших русскую армию порохом, провизией, перевязочными средствами, удалось Николаю справиться с польской революцией после восьмимесячной борьбы».⁶⁰ Следует отметить, что М.Н.Покровский не скрывал своего отрицательного отношения к Николаю I и его политике, отмечая, что его сын Александр II был гораздо умнее своего отца. «Видя, как восстановил против себя Николай всех своим палочным управлением, своей грубостью, его сын, человек неглупый, сообразил, как некогда Александр I после Павла I, что надобно подольститься к обществу».⁶¹ Историк понимал, что несмотря на яркость и логическую завершенность образа Николая I, вопросы, связанные с его внешней политикой (как, впрочем, и с внешней политикой всего XIX века), не получили должного отображения в его работе. С целью ликвидации подобной исторической и, в определенной степени, идеологической лакуны, М.Н.Покровский издает работу под названием

⁵⁹ Покровский М.Н. Русская история в сжатом очерке. М., Красный пролетарий, 1933 С.123

⁶⁰ Там же

⁶¹ Там же. С.124

«Дипломатия и войны Царской России в XIX столетии».⁶² Острая необходимость в подобном издании для установления векторов оценки исторического наследия царской дипломатии не позволили автору обновить имевшийся у него материал и соединить его единой логической нитью. Сам М.Н.Покровский признавал, что очень торопился с этой публикацией, и пять из семи опубликованных статей «с точки зрения общей концепции, порядочно устарели».⁶³ Однако две статьи, которые, так или иначе, посвящены внешней политике Николая I, были автором переписаны в свете его новых воззрений. Несмотря на то, что первая из статей о внешней политике Николая I начинается с событий 1848 года (период с 1821 года по 1848 год остался вне поле зрения автора), ряд идей, высказанных М.Н.Покровским относительно отношения императора к революциям в Европе, формирует образ Николая I, который отличается от традиционного восприятия царя как непримиримого врага любой революционной власти. Автору необходимо было отделить друг от друга буржуазные и социалистические революции, и для достижения этой цели он отходит от образа Николая I, стоящего во главе крестового похода против любой революции, созданного Н.К.Шильдером. «...легенда о «непримиримом» отношении Николая I к февральской революции и созданной ей республике начала разваливаться уже довольно давно».⁶⁴ М.Н.Покровский, разумеется, в полном соответствии с духом своего времени, показывает, что буржуазная революция является противоположностью революции социалистической, для чего подробно описывает проект русско-французского союза 1848 года, постоянно напоминая, против кого Николай I хотел заключить этот союз. «Николай и его канцлер отнюдь не хотели скрывать от своего агента, что союз с Францией им нужен против Германии – новой, красной Германии, которая блеском своих революционных штыков начинала затмевать уже значительно образумившую Францию».⁶⁵ При всей изящности подобного подхода к анализу внешней политики русского императора советский

⁶² Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX веке. Сборник статей. Красная Новь. 1923

⁶³ Там же. С.390

⁶⁴ Там же. С.86

⁶⁵ Там же. С.97

историк ставил себя в сложное положение, так как при описании событий буржуазных революций 1830-х годов было бы сложно не отметить, что реакция Петербурга на эти буржуазные революции, была намного более жесткая. Возможно, исходя именно из этой логической несостыковки, М.Н.Покровский не стал описывать этот период правления Николая I, остановившись лишь на тех событиях, которые как нельзя лучше подтверждали его видение исторического процесса. Подобное предположение не будет слишком большим допущением, так как сам автор призывал при анализе своего текста «последовать совету старого летописца «чтый, мудрый разумей»».⁶⁶

Значительное влияние на формирование представлений о внешней и внутренней политике Николая I имела седьмая глава исследования «Русский империализм в прошлом и настоящем» (несмотря на то, что она была впервые напечатана в 1914 году, сам автор полагал, что мысли, высказанные в ней, не потеряли свою актуальность в новых условиях). М.Н.Покровский констатирует, что представление о николаевской России как о стране «дворянской, феодальной, где все определялось интересами землевладельцев...нелепо само по себе, особенно для марксиста...».⁶⁷ Автор решительно утверждает, что внешняя политика Николая I в определяющей степени формировалась под влиянием русского капитализма и исходя из его интересов. Приводя примеры активной русской экономической экспансии в соседние регионы, автор, хоть и не акцентируя на этом внимание читателя, фактически отменяет принятую в дореволюционной историографии охранительную концепцию дипломатии Николая I, заменяя ее на определение внешней политики Российской Империи как крайне агрессивной и экспансионистской, что и предрешило столкновение России с ведущими экономическими державами того периода. Подобный подход полностью отрицал созданное дореволюционными историками представление о Николае I как о рыцаре самодержавия и вместо него давал

⁶⁶ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX веке. Сборник статей. Красная Новь. 1923 С.391

⁶⁷ Там же. С.379

образ правителя, ведомого в своей политике исключительно интересами растущего капитализма.

Взгляды М.Н.Покровского оказались весьма востребованы в начале 1920-х годов, что привело к значительному увеличению сторонников его теории и появлению так называемой «школы М.Н.Покровского». Фактически его воззрения на внешнюю политику Николая I создали фундамент для дальнейших оценок правления русского императора. Однако изменившаяся обстановка внутри страны определила отход от идей М.Н.Покровского и дезавуирование его исторических концепций в середине 1930-х годов. Несмотря на то, что лично М.Н.Покровский не уделил внимание таким аспектам правления Николая I, как бельгийская революция и польское восстание 1830-31 гг., именно ему, пусть и косвенно, обязана своим появлением в отечественной историографии тема бельгийской революции. Связанно это с еще одним детищем М.Н.Покровского, журналом «Красный архив». Журнал был предназначен для публикации архивных документов в полном соответствии с заявленным в «Декрете о мире» отказе от тайной дипломатии.⁶⁸ Значительную часть публикаций составляли архивные документы, относящиеся к дипломатии царской России в XIX веке. Главной отличительной чертой «Красного архива» была публикация тех архивных документов, которые еще не были введены в исторический оборот и были труднодоступны исследователям. Редакция журнала следующим образом формулировала его задачу: «Его основная задача - разоблачение тайн империалистической политики и дипломатии».⁶⁹ Один из последних номеров журнала содержал в себе публикации, посвященные восстанию в Бельгии. Среди опубликованных документов были ряд писем из официальной переписки МИДа с его представителями, переписка Николая I, доклады К.В.Нессельроде и замечания Николая I относительно политики европейских государств.⁷⁰ Переоценить значение публикации этих архивных документов невозможно. Фактически впервые в

⁶⁸ Красный архив. Исторический журнал. 1922-1944. Аннотированный указатель содержания. Сост. Р.Я.Зверев. М., 1960 С.3

⁶⁹ Красный архив, 1922, Т.1 С.4

⁷⁰ К истории революции в Бельгии. Ввод.статья А.Молока//Красный архив. Т 1.1941.С.199-248

отечественной историографии был поставлен вопрос о выделении бельгийского кризиса из общего массива внешней политики Николая I, и историкам была предоставлена возможность ознакомиться с архивными документами по этому вопросу.

Разгром «школы М.Н.Покровского», наряду с восстановлением специализированного исторического образования в конце 1930-х годов и систематическим вводом в научный оборот большого количества новых групп источников по внешней политике России, определили необходимость систематизации накопленных знаний и создании нового фундаментального труда по внешней политике России. Первый том такого исследования вышел в свет в 1941 году под названием «История дипломатии».⁷¹ Собрал в авторский коллектив всех самых видных и заслуженных историков того времени, В.П.Потемкин обобщил и систематизировал весь исторический опыт дипломатии, начиная от древних веков и заканчивая 1939 годом.⁷² Необходимость в подобном исследовании была настолько велика, что подготовке к его публикации не помешали ни сложное положение СССР накануне войны, ни сама Великая Отечественная война. Те оценки и смысловые акценты, которые закладывались на страницах трехтомника, должны были определить вектор развития исторической науки на долгие годы вперед. Часть, посвященную дипломатии Николая I в период с 1830 г. по 1848 г., писал академик Е.В.Тарле.⁷³ С момента своего первого обращения к внешней политике Николая I в работе «Россия и Европа» Е.В.Тарле уделял значительное внимание эпохе Николая I, работая параллельно с «Историей дипломатии» над изданием своей монографии, посвященной деятельности французского посла и государственного деятеля Шарля Мориса де Талейрана,⁷⁴ и своего фундаментального труда по Крымской войне.⁷⁵

Наглядным свидетельством того, как продвинулась отечественная историография в вопросе изучения бельгийского и польского кризисов 1830-

⁷¹ История дипломатии. Под ред. В.П.Потемкина. Т.1. М., ОГИЗ. 1941

⁷² История Дипломатии. Под.Ред. В.П.Потемкина. Т.3. М., ОГИЗ 1945

⁷³ От июльской революции во Франции до революционных переворотов в Европе (1830-1848). С.407-425

⁷⁴ Тарле Е.В. Талейран. М., 1957

⁷⁵ Тарле Е.В. Крымская война Т.1, М., 1941, Т.2, М., 1943

31 годов, является тот факт, что академик Е.В.Тарле выносит эти вопросы в отдельные параграфы в рамках своей главы. Это свидетельствует о том, что наступило понимание единства процессов и причинно-следственных связей в рамках отдельно взятого бельгийского кризиса и отдельно взятого польского кризиса, чего ранее не было. Однако эти кризисы рассматриваются как отличные друг от друга и очень мало связанные друг с другом. Несколько нарушив историческую последовательность, Е.В.Тарле начинает обзор с польского восстания, акцентируя внимание не на событиях русско-польской войны, а на позиции европейских держав по этому вопросу. Подобная формулировка проблемы также впервые встречается в систематизирующем труде по истории внешней политики России, что явно свидетельствует о прогрессе в понимании польского восстания, которое ранее рассматривалась сугубо в рамках двусторонних отношений России и Польши или самодержавия и угнетенного народа. Нарушение хронологической последовательности было связано с тем, что академик объясняет отказ от военной интервенции против революционной Франции событиями в Польше – «...вместо оставшейся в проекте войны на Рейне, царя ждала война на Висле».⁷⁶ В своем анализе позиций европейских государств Е.В.Тарле останавливается только на политике правительств Франции и Великобритании, выделяя два периода, до низложения Николая I с польского престола и после.⁷⁷ Признавая, что Западные Державы испытывали определенный интерес к событиям в Царстве Польском, автор, тем не менее, утверждает, что они находились в «положении зрителей».⁷⁸ Объясняет это знаменитый историк тем фактом, что кабинет лорда Пальмерстона был более занят Бельгией, а французский король Луи-Филипп не выступил против России без Великобритании. Следует отметить, что Е.В.Тарле настаивает на том, что в период кризиса Франция и Великобритания действовали совместно, и правительства этих стран не верили, что переговоры о помощи

⁷⁶ История дипломатии. Под ред. В.П.Потомкина. Т.1. М., ОГИЗ. 1941. С.409

⁷⁷ Там же. С.410

⁷⁸ Там же. С.410

полям «ведутся всерьез».⁷⁹ Отсутствие глубокого анализа дипломатической игры, которая развивалась на фоне событий польской революции, может быть объяснена масштабностью проводимой коллективом авторов работы, в которой неизбежны некоторое сокращение информации и схематичность повествования.

Е.В.Тарле устанавливает связь между польскими событиями и событиями в Бельгии (хотя последние и начались на два с половиной месяца ранее). Автор справедливо констатирует, что события в Бельгии и Франции были вызовом Венской Системе и Священному союзу. Обращает на себя внимание тот факт, что события в Польше Е.В.Тарле не охарактеризовал подобным образом, и что, с его точки зрения, основную угрозу эти события представляли для Священного союза, а о Четверном союзе, который и создавался для защиты Венской системы 1815 года, академик вообще не упоминает. В описании реакции Николая I на восстание в Бельгии автор практически дословно цитирует Н.К.Шильдера: «Николай I...проявлял кипучую энергию, призывая Австрию и Пруссию к своего рода крестовому походу против мятежных бельгийцев».⁸⁰ Описание Лондонской конференции получилось весьма схематичным, большую роль Е.В.Тарле отвел Талейрану (что абсолютно логично, учитывая публикацию в том же году монографии о французском дипломате). Нельзя не отметить крайне малый объем параграфа, посвященного Бельгии, чуть более страницы. В качестве итога анализа революций в Париже и Брюсселе и восстания в Варшаве) академик констатирует, что «Николай I должен был признать, что без теснейшего единения с Австрией и Пруссией ему не обойтись».⁸¹

В целом трехтомник под редакцией В.П.Потемкина имел большое значение для отечественной историографии в понимании природы и протекания бельгийского и польского кризисов. Впервые эти кризисы были выделены из июльского восстания в Париже, и, хотя и оставались в его тени, тем не менее, получили отдельное описание и собственные характеристики.

⁷⁹ История дипломатии. Под ред. В.П.Потемкина. Т.1. М., ОГИЗ. 1941. С.412

⁸⁰ Там же. С.413

⁸¹ Там же. С.414

Произошел решительный отказ от идей «школы М.Н.Покровского» и возвращение к обоснованию внешнеполитических действий государства взглядами правителя, который руководствуется собственным мировоззрением и пониманием ситуации. Впервые были выделены те характерные черты, которые определяли понимание двух революций. Среди них следует отметить: вторичность революции в Бельгии по отношению к июльской революции, первоначальное стремление Николая I к военной интервенции, роль польского восстания как щита, защищающего Европу от интервенции русских войск, слабый интерес Николая I к бельгийским событиям после восстания в Польше, взаимное сближение России, Пруссии и Австрии на фоне оформления англо-французских симпатий.

Таким образом, именно советские историки выделили в качестве важных эпизодов правления Николая I, имевших влияние на внешнеполитические действия империи, революционные события в Бельгии и в Польше. Они рассматривались самостоятельно, и у каждого из них были выделены присущие им характерные черты, которые надолго определили взгляды исследователей по этим двум событиям.

«История дипломатии» пользовалась огромной популярностью у советских исследователей. В 1959 году вышло второе, существенно дополненное издание. Однако разделы, касающиеся бельгийского и польского кризиса, не были изменены и дополнены. Значение трехтомника (затем количество том было увеличено до 5) для развития науки невозможно переоценить. В то же время результаты новых исторических исследований, посвященных конкретным событиям эпохи правления Николая I, привели к стремительному устареванию информации в ряде разделов «Истории дипломатии» и продемонстрировали необходимость нового обобщающего исследования, но уже посвященного отдельному историческому периоду – первой половине XIX века. С другой стороны, небольшие изменения во внутренней политике государства по отношению к историческим исследованиям, в том числе реабилитация в конце 1950-х годов «школы М.Н.Покровского», давали возможность осторожно преодолеть устоявшиеся

в историографической традиции марксистско-ленинские постулаты и взглянуть на историческое наследие царской России под иным углом.

Одним из первых исследователей, которым это удалось, была Н.С.Киняпина.⁸² В своей первой крупной работе, посвященной дипломатии России в XIX веке, «Внешняя политика России первой половины XIX века»⁸³, Н.С.Киняпина осторожно высказывает мысль, что император Николай I, несмотря на все минусы его правления, проводил свою внешнюю политику, исходя из национальных интересов России.⁸⁴ Несмотря на то, что в правлении Николая I автора более интересует ближневосточный вопрос, отмеченные автором приоритеты во внешней политике Николая I меняли представление о нем как о дипломате. Особенно ценным являлось то, что Н.С.Киняпина бережно относилась к существующему опыту изучения данного вопроса и дала подробную характеристику этапов внешней политики этого периода.

С 1960-х годов Н.С.Киняпина активно развивала исследования различных аспектов внешней политики Российской Империи XIX века. Однако, несмотря на широту ее исторических интересов, которые не ограничивались, как это часто бывает, одним направлением и регионом, ее неизменно привлекала личность императора Николая I. Уже после изменений, которые коснулись научно-исследовательской жизни в результате преобразований конца 80-х – начала 90-х гг. XX в., Н.С.Киняпина опубликовала ряд статей о царствовании Николая I, к чему она готовилась на протяжении всего своего творческого пути.⁸⁵ Н.С.Киняпина одной из первых решительно отказалась от сугубо негативного восприятия императора, которое доминировало в советское время и не позволяло, по ее мнению, объективно оценить итоги его правления. Для автора император Николай I является крупнейшей политической фигурой XIX века, человеком который одним из первых осознал своеобразие России, ее евразийскую

⁸² Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Чепелкин М.А., Чернов С.Л. — Н.С. Киняпина как исследователь внешней политики России XIX века//Вопросы истории. 2004 №12 С.147

⁸³ Киняпина Н.С.Внешняя политика России в первой половине XIX века.М., 1963

⁸⁴ Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Чепелкин М.А., Чернов С.Л. — Н.С. Киняпина как исследователь внешней политики России XIX века//Вопросы истории. 2004 №12 С.148

⁸⁵ Там же. С.151

сущность, определявшую особенности внутренней и внешней политики страны.⁸⁶

Изданная Н.С.Киняпиной в 2001 году статья, посвященная внешней политике Николая I,⁸⁷ являлась результатом многолетней исследовательской работы автора. В ней исследователь анализирует жизненные ориентиры императора, отмечает, что для него всегда на первом месте были национальные интересы государства. Н.С.Киняпина совершенно справедливо отмечает, что для Николая I незыблемость границ в Европе была средством достижения спокойствия собственного государства, а не самоцелью. Исследователь освещает проблему влияния бельгийской революции на внешнюю политику России, однако, к сожалению, избегает подробного анализа событий применительно к этому аспекту правления императора, в результате многие вопросы (в частности, причины изменения позиции Петербурга по проблеме признания Бельгии, роль Западных стран и России в создании нового государства и т.д.) не получают отображения. В тоже время автор связывает бельгийские и польские события, полагая, что польское восстание сделало невозможным интервенцию в Бельгию и вынудило России принимать пассивное участие в бельгийских событиях.⁸⁸ Говоря о польском восстании, Н.С.Киняпина замечает, что кабинеты Великобритании и Франции не оказывали помощи восставшим и лишь сочувственно наблюдали за борьбой поляков. Однако детального анализа событий бельгийского и польского кризисов в статье Н.С.Киняпиной нет. Это может быть объяснено тем, что, с одной стороны, ни польский, ни бельгийские кризисы никогда не входили в сферу научных интересов Н.С.Киняпиной, и в их оценке автор следовала устоявшейся историографической традиции, а с другой стороны, тем, что автор поставил перед собой задачу в сжатом виде (в объеме двух статей) дать представление о всей внешней политике Николая I, при этом постоянно апеллируя к его личностным характеристикам и событиям

⁸⁶ Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Чепелкин М.А., Чернов С.Л. — Н.С. Киняпина как исследователь внешней политики России XIX века // Вопросы истории. 2004 №12 С.152

⁸⁷ Киняпина Н.С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история, 2001, N 1 - 2.

⁸⁸ Киняпина Н.С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история, 2001, N 1. С.155

внутренней политики, что, безусловно, не могло не сказаться на полноте отображения тех или иных эпизодов.

Еще одной работой Н.С.Киняпиной, о которой невозможно не упомянуть, рассматривая степень изученности интересующей нас проблемы, является ее участие в написании коллективной монографии «Итоги и задачи изучения внешней политики России».⁸⁹ В этом фундаментальном труде Н.С.Киняпина написала главу под названием «Политика России в Западной Европе 1815-1849 г.». Бережно относясь к имеющимся историческим исследованиям, автор справедливо отмечает, что «о европейской политике России в 1815-1849 гг., еще не сделано всестороннего обобщающего исследования, хотя ее обзоры имеются».⁹⁰ Подобное утверждение - это не просто констатация факта, это сигнал того, что в своем развитии отечественная историография дошла до той черты, когда стала очевидной необходимость появления такого исследования, так как имеющихся обзоров явно недостаточно для всестороннего и последовательного изучения внешней политики России николаевского периода. Продолжая свой анализ, Н.С.Киняпина совершенно справедливо отмечает, что в историографии происходит путаница и отсутствует четкое разграничение между деятельностью Священного и Четверного союза (в чем мы могли убедиться на примере обобщающей работы «История дипломатии»). Переходя к разработанности проблемы внешней политики 1830-х годов, Н.С.Киняпина констатирует, что, по большому счету, работ в данной области практически нет, полностью отсутствуют специальные исследования, которые были бы целенаправленно посвящены этому периоду, и что «мало изучена русская дипломатия в связи с подавлением польского восстания 1830-х годов».⁹¹

Н.С.Киняпина была не только выдающимся исследователем дипломатии XIX века, но также талантливым педагогом, вокруг которого появилось несколько молодых последователей, продолживших решать

⁸⁹ Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., Наука. 1981

⁹⁰ Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., Наука. 1981 С.207

⁹¹ Там же. С.209

поставленные ее задачи. Среди них особый интерес для данного исследования представляют работы В.В. Дегоева и О.Р. Айрапетова.

В своей книге, посвященной вопросам внешней политики «Внешняя политика России и международные системы: 1700—1918 гг.»⁹², В.В. Дегоев анализирует в качестве важных аспектов внешней политики Николая I бельгийскую революцию и польское восстание 1830-х гг.. Особенно ценным является утверждение, что польские и бельгийские события объединяла угроза, исходящая от них Венской системе, что не получило своего отражения в предшествовавшей историографии.⁹³ В.В. Дегоев также уделяет внимание вопросу, почему Николай I решил отказаться от военной интервенции в пользу переговоров. Более того, по сути, В.В. Дегоев первым высказывает предположение о неправильности устоявшего в отечественной историографии мнения «будто Польша спасла бельгийскую революцию».⁹⁴ По мнению автора, «не похоже, что он был настолько глуп, ортодоксален и самоуверен, чтобы броситься очертя голову на защиту легитимных прав нидерландского короля».⁹⁵ В.В. Дегоев в принципе сомневается в том, что русский император был готов начать военные действия в центре Европы, справедливо полагая, что у него были и более приоритетные регионы, чем Бельгия. Безусловно, подобная оценка ситуации стала большим шагом вперед в понимании проблематики бельгийского кризиса. В то же время В.В. Дегоев не анализирует действия русской дипломатии на заседаниях Лондонской конференции, полагая, что ведущая роль принадлежала дипломатическим представителям Великобритании и Франции. Говоря о польском восстании, В.В. Дегоев замечает, что оно не могло вызвать активного участия дипломатии Западных стран. «...в ответ на польские призывы о помощи последовали заверения Запада в сочувствии, но – никакой реальной поддержки».⁹⁶ В итоге, несмотря на то, что В.В. Дегоев не анализирует в подробностях события бельгийского и польского кризисов,

⁹² Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700-1917. М., МГИМО, 2004

⁹³ Там же. С.212

⁹⁴ Там же. С.213

⁹⁵ Там же

⁹⁶ Там же. С.215

тем не менее, им высказывается несколько предположений, которые позволяют по-новому оценить политику Николая I в данном вопросе. Особенно ценным является утверждение, что польские и бельгийские события объединяла угроза, исходящая от них Венской системе. Если ранее эти кризисы рассматривались в отдельности друг от друга и объединялись лишь фактом преемственности по отношению к июльской революции во Франции, то теперь возникают предпосылки для будущего объединения этих кризисов в один.

Другим ярким представителем «школы Н.С.Киняпиной» является О.Р.Айрапетов, написавший монографию «Внешняя политика Российской Империи 1801-1914».⁹⁷ Во Введении к своей работе О.Р.Айрапетов следующим образом объясняет задачу, которую решает его монография. «Все мы сходились во мнении о необходимости создания более сложной и комплексной картины истории внешней политики Российской империи, чем та, которая была заложена концепцией «Истории Дипломатии»...».⁹⁸ В главе, посвященной внешней политике Николая I, О.Р.Айрапетов не обходит вниманием революцию в Бельгии и восстание в Польше. Для исследователя интерес Николая I к бельгийским событиям заключался, с одной стороны, в опасении присоединения части Бельгии к Франции, а с другой стороны, в личной заинтересованности в благополучии нидерландского правящего дома, с которым его объединял тесный династический союз (его сестра Анна была женой наследника нидерландского престола). В монографии продолжается традиция связывать отказ от интервенции в Бельгию с восстанием в Царстве Польском, Анализ действий русской дипломатии в ходе Лондонской конференции остается за рамками исследования, т.к. это не входило в задачи автора. На войне в Польше О.Р.Айрапетов останавливается подробнее, детально разбирая причины восстания и ход боевых действий. Однако вопрос иностранного дипломатического вмешательства в конфликт в исследовании не затрагивается, хотя автор акцентирует внимание на действиях польской эмиграции, что не находило своего отражения в предыдущих работах.

⁹⁷ Айрапетов О.Р. «Внешняя политика Российской Империи 1801-1914. М., Европа. 2006

⁹⁸ Там же. С.3

Одной из заметных современных обобщающих работ по внешней политике России первой половины XIX века является монография «История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 года)», написанная под редакцией О.В.Орлик.⁹⁹ Для анализа ситуации 1830-х годов в связи с революциями 1830-31 года в коллективной монографии отводится отдельная глава. Следует отметить, что международный аспект бельгийской революции описан лучше, чем польского восстания (так же, как и в работах В.В.Дегоева и О.Р.Айрапетова). Следуя исторической традиции, авторы подчеркивают желание Николая I подавить восстание силой, его личную заинтересованность в благополучии Нидерландского Королевства и «спасение» Бельгии мятежной Варшавой. Более того, внешняя политика Николая I объявляется одной из причин восстания в Польше: «...восстание, вспыхнувшее в Варшаве,...было и своеобразным ответом поляков на замыслы их конституционного монарха в отношении стран, весьма отдаленных от его владений».¹⁰⁰ Подобные оценки еще не встречались в отечественной историографии. В монографии справедливо подчеркивается, что восстание в Польше вынудило Николая I в «борьбе со злом»¹⁰¹ положиться только на свою дипломатию, отказавшись от применения силы. Однако отсутствует анализ динамики изменения взглядов русского правительства на независимость Бельгии, и остается непонятным, почему русский самодержец пошел на этот шаг. Описывая дипломатическое противостояние в ходе польского восстания, автор (В.Б.Михайлов) одним из первых обращает внимание на активное противодействие царскому правительству французской дипломатии, присутствует упоминание о планах демаршей западных кабинетов¹⁰², но детального анализа этот аспект не получил.

⁹⁹ История внешней политики России. Первая половина XIX века. (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 года). Под ред. О.В.Орлик. М., Междунар. отношения, 1999

¹⁰⁰ Там же. С.290

¹⁰¹ Там же. С.294

¹⁰² Там же

Нельзя не заметить, что в приведенных работах бельгийский кризис описывается более детально, чем польский. Возможно, это связано с тем, что с 1980-х годов ведет активную исследовательскую деятельность в этом направлении А.С.Намазова. Первая работа А.С.Намазовой по бельгийской тематике была опубликована в 1979¹⁰³ году и фактически стала первым фундаментальным исследованием, посвященным причинам, ходу и последствиям бельгийской революции 1830 года. Это исследование стало настоящим прорывом в изучении истории создания бельгийского государства, содержала большое количество ранее не опубликованных источников, которые автор вводила в широкий исследовательский оборот. Вместе с тем позиция Российской империи и вся дипломатическая борьба вокруг создания независимой Бельгии была представлена несколько схематично, а роль Николая I в событиях показана до некоторой степени стереотипно. Естественно, на исследователя накладывало определенные ограничения то время, когда работа публиковалась. Тем не менее, исследование А.С.Намазовой стало заметным этапом как в изучении Бельгии, так и в изучении внешней политики России периода правления Николая I.

Результатом дальнейшей работы по бельгийской тематике стала публикация фундаментального исследования «Бельгия. Эволюция государственности в XVIII-XX веках».¹⁰⁴ Несмотря на то, что между двумя публикациями прошло несколько десятков лет, за это время практически не появилось новых публикаций по бельгийской тематике, за исключением обширного исследовательского наследия самой А.С.Намазовой. В автореферате к своей докторской диссертации А.С.Намазова следующим образом охарактеризовала разработанность проблемы бельгийской революции 1830 года в отечественной историографии: «В отечественной историографии есть совсем немного работ по проблемам бельгийской буржуазной революции и Лондонской конференции 1830-31 гг. Все они

¹⁰³ Намазова А.С. Бельгийская революция 1830 г. М., 1979

¹⁰⁴ Намазова А.С. Бельгия. Эволюция государственности в XVIII-XX веках. М., Наука. 2008

принадлежат перу автора данного диссертационного исследования».¹⁰⁵ В своей новой монографии автор выделяет целую главу описанию обстоятельств Лондонской конференции и борьбе Великих держав по бельгийскому вопросу. Следует признать, что в настоящий момент это самое подробное описание работы конференции, в котором присутствует анализ позиций держав, реакции их на польское восстание и ситуацию в Голландии и Бельгии, роль дипломатов в процессе создания нового независимого государства. Особенно интересны замечания А.С.Намазовой относительно реакции на бельгийскую революцию представителей русского общества, хотя приведенные автором документы личного происхождения, принадлежат трем личностям, не проживавшим на момент восстания в России, и, следовательно, не могут восприниматься в качестве примеров реакции русского общества на восстание в Бельгии. А.С.Намазова следует исторической традиции и полагает, что Николая I более занимала Польша, а не Бельгия, из-за чего не анализирует причины изменения Николаем I своей позиции относительно создания независимой Бельгии. Восстание в Бельгии интересует автора как часть истории этой страны, а не как один из поворотных моментов европейской дипломатии 1830-х годов, что накладывает свои ограничения на объем и глубину освещения событий. В целом работа А.С.Намазовой на настоящий момент является самым фундаментальным и авторитетным исследованием по проблеме бельгийского кризиса. Исследования, которые велись А.С.Намазовой в течение нескольких десятилетий, заложили прочный фундамент для дальнейшей работы в этом направлении.

Зарубежная историография имеет устойчивые традиции отображения событий 1830-х годов и внешней политики европейских государств. Необходимо отметить, что в первую очередь зарубежных исследователей интересует бельгийская революция 1830-31 гг., в то время как польское восстание часто остается без должного внимания со стороны западноевропейских историков. Единой тенденцией, которая характерна как

¹⁰⁵ Намазова А.С. От революции к реформам: эволюция бельгийской государственности, 1787-1993 гг. Автореф. дис...док.ист.наук. –М., 2002

для английской, французской, так и для бельгийской историографических школ, является тенденция к умалчиванию роли Российской империи и русской дипломатии в указанных событиях.

Бельгийская революция 1830-го года с самого начала вызывала большой интерес у исследователей, и уже спустя несколько лет стали появляться первые работы, авторы которых, анализировали произошедшие в центре Европы изменения.¹⁰⁶ Особый интерес представляет «История Бельгии»¹⁰⁷, которая посвящена борьбе за независимость бельгийского государства и создавалась спустя четверть века после революции, а не по горячим следам, как предыдущие работы, что позволяет рассматривать ее как некий этап в осмыслении событий кризиса. Девять глав исследования посвящены ходу борьбы за революцию, но одна глава, представляет для нас большой интерес, так как в ней анализируются действия Великих Держав в связи с брюссельским восстанием. Автор не только не анализирует политику России по отношению к Бельгии, но в принципе игнорирует факт русского участия, как в событиях кризиса, так и в работе Лондонской конференции, отводя центральную роль в создании нового бельгийского государства Парижу и Лондону. Россия упоминается лишь мимоходом: «Что касается России, Австрии и Пруссии эти страны были лишены свободы действий потрясениями, вызванными июньской революцией по всей Европе».¹⁰⁸

Роль России в европейских событиях 1830 г. игнорируется и в фундаментальной работе по истории Голландии английского исследователя Дж.Эдмундсона.¹⁰⁹ В двадцать девятой и тридцатой главах автор детально анализирует историю создания и пятнадцатилетнего существования объединенного Нидерландского Королевства. Автор практически полностью игнорирует участие русской дипломатии в процессе создания объединенного Нидерландского королевства в ходе Венской конференции 1814-15 гг., да и сама конференция практически не освещается автором, из-за чего становится совершенно непонятно, ради чего Бельгию присоединяли к Голландии. О

¹⁰⁶ White Ch. Revolution beige de 1830. Vol.1-3. Bruxelles, 1836

¹⁰⁷ Huybrecht P.A. «Histoire politique et militaire de la Belgique: (1830 - 1831)», Paris 1856

¹⁰⁸ Huybrecht P.A. «Histoire politique et militaire de la Belgique: (1830 - 1831)», Paris 1856 C.44

¹⁰⁹ History of Holland by George Edmundson (Cambridge History Series). Cambridge University Press. 1922

России Дж.Эдмундсон вспоминает лишь в связи с освобождением Голландии от наполеоновских войск, вскользь замечая, что русские войска совместно с прусскими очистили Голландию от французов.¹¹⁰ В тридцатой главе своего исследования автор освещает события бельгийской революции. Действия русской дипломатии как в период до созыва конференции в Лондоне, так и непосредственно в ходе самой конференции не получили своего отражения. Автор лишь замечает, что «Австрия и Россия были слишком заняты своими внутренними проблемами, чтобы думать о помощи нидерландскому королю военной силой, а Пруссия, несмотря на родственные отношения с Голландией, не рискнула выступить против двух Западных Держав, намеренных решить проблему мирным путем».¹¹¹ Обращает на себя внимание тот факт, что исследователь как бы противопоставляет агрессивную политику стран Священного союза миролюбивой политике Великобритании и Франции, совершенно не упоминая Четверной союз, который продолжал существовать в течение всего кризиса.

Необходимо отметить, что традиция показывать политику Великобритании как исключительно миролюбивую, нацеленную на достижение мира в Европе, характерна для западноевропейской историографии, наряду с традицией приписывать благополучное разрешение бельгийского кризиса личным заслугам Дж.Пальмерстона. Один из крупнейших исследователей внешнеполитической деятельности английского премьер-министра Ч.Вебстер, анализируя в своем фундаментальном труде¹¹², посвященном этому английскому политику, роль Дж.Пальмерстона в работе Лондонской конференции, приписывает именно ему заслуги мирного разрешения конфликта и создания независимого бельгийского государства. Позиция русской дипломатии представлена более чем схематично и не отражает тех перемен, которые она претерпевала в ходе развития событий. Следует отметить, что работы Ч.Вебстера по внешней политики первой половины XIX века были хорошо известны советским историкам и были

¹¹⁰ History of Holland by George Edmundson (Cambridge History Series). Cambridge University Press. 1922. С.367

¹¹¹ Там же. С.396

¹¹² Webster O.K., The foreign policy of Palmerston 1830-1841, v.1-2. L., 1951

восприняты негативно. Так, в уже упомянутой фундаментальной работе по историографии внешней политики России «Итоги и задачи изучения внешней политики России» научное наследие Ч.Вебстера оценивалось следующим образом: «Труды советских ученых противостоят подобного рода далеким от истины утверждениям»¹¹³ (правда, это в большей степени касалось работ английского историка, посвященных первой четверти XIX века, но может быть перенесено и на другие периоды, так как идеи о «миролюбивой политике Великобритании» и ее «решающем вкладе» в сохранении мира в Европе, характерны для всех работ Ч.Вебстера).

Определенный интерес представляет исследование другого английского историка Эрика Хобсбаума «Век революции. Европа 1789-1848»¹¹⁴, которое оказало заметное влияние на восприятие этого периода истории Европы, о чем красноречиво свидетельствует тот факт. Что оно выдержало три переиздания. Говоря о революциях в Европе, автор не останавливается на их анализе, однако впервые признает, что именно в событиях 1830 года кроется начало отрицательного восприятия России в Великобритании. «К 1830-м годам относится возникновение массовой русофобии, которая создала образ России как традиционного врага Британии».¹¹⁵ В то же время автор подчеркивает, что революции 1830-х годов нанесли непоправимый удар по «полицейским функциям» Священного союза и всей Венской системы 1815 года. Подчеркивается, что ни Франция, ни Великобритания даже не попытались помочь Польше. Но, как уже было сказано, детального анализа событий 1830-31 годов в этой работе нет.

Если английская историографическая традиция характеризуется замалчиванием роли России в событиях в пользу выгодного отражения политики Великобритании, в общем, и премьер-министра Дж.Пальмерстона, в частности, то французская историография отличается обрывочностью приводимой информации и многочисленными допущениями. Особенно

¹¹³ Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., Наука. 1981 С.202

¹¹⁴ Eric Hobsbawm. The Age of Revolution: 1789-1848. Abacus, 1962

¹¹⁵ Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789-1848. Ростов н/Д: изд-во Феникс. 1999 С.152

показательными в этой связи являются фундаментальные работы Антонена Дебидура и Пьера Ренувена.

В фундаментальной работе Антонена Дебидура «Дипломатическая история Европы»¹¹⁶ два раздела 8 главы посвящены описанию событий в Бельгии и Польше. Однако скромный объем этих разделов (всего 10 страниц) не позволил провести детальный анализ событий, происходивших на Лондонской конференции. Кроме того, не нашли своего отражения изменения позиции Франции по Польше, а сама работа, как несложно предположить, скорее излагала восприятие событий со стороны Франции, чем стремилась к объективности. Нельзя не отметить многочисленные политические выпады против русского правительства, которые не имели под собой достаточного основания, например, утверждение, что в составе Империи автономия Польши «...весьма мало соблюдалась в царствование Александра I, а при императоре Николае I превратилась почти в пустое место...»¹¹⁷. Несмотря на то, что в работе присутствует раздел под названием «Варшава и Брюссель», его фактическое содержание не только не соответствует заявленному сопоставлению событий в двух бунтующих регионах, но, более того, практически не содержит информации, которая относилась бы к Польше, а сам раздел практически целиком посвящен реализации решений конференции.

Многотомная работа Пьера Ренувена «История международных отношений»¹¹⁸ считается и по сей день одной из основополагающих работ по истории дипломатии во Франции. Сам Пьер Ренувен является признанным авторитетом в области изучения Первой Мировой войны. Возможно, поэтому главный акцент в описании событий второй четверти XIX века делается на рассмотрении «Восточного вопроса», на примере которого автор демонстрирует свою концепцию исторического процесса. Революции в Бельгии и Польше не получили значительного внимания, а участие

¹¹⁶ Антонен Дебидур. Дипломатическая история Европы от Венского до берлинского конгресса (1814-1878). / Вст. ст. А. Л. Нарочницкого. – М.: государственное издательство иностранной литературы. 1947

¹¹⁷ Там же. С. 309

¹¹⁸ Histoire des relations internationales Sous la direction de P Renouvin P 1953

русской дипломатии в указанных событиях не было проанализировано должным образом.

Подводя итог, необходимо отметить, что постсоветская и современная историография при рассмотрении внешней политики Николая I в бельгийских и польских вопросах в основном повторяет те идеи, которые были высказаны в советский период. Большим прорывом в изучении бельгийского кризиса стали работы А.С.Намазовой, которые отчасти затрагивают внешнеполитический аспект создания независимой Бельгии. В вопросе польского восстания ряд новых идей высказываются В.В.Дегоевым и О.Р.Айрапетовым. Однако общая тенденция, характерная для отечественной историографии, разделять бельгийский и польский кризисы на самостоятельные явления, равно как и в целом отказывать русско-польской войне 1830-31 гг. в международном компоненте, сохранилась.

Говоря о зарубежной историографии, приходится констатировать, что несмотря на значительное количество работ европейских историков, посвященных событиям второй четверти XIX века, практически все они страдают отсутствием вдумчивого анализа внешнеполитических действий Российской империи и сильно идеологизированы, что мешает объективно воспринимать роль России в кризисах 1830-го года. Кроме того, бельгийская революция и польское восстание не воспринимаются как самостоятельные, оригинальные события европейской истории и рассматриваются только как последствия июльской революции во Франции.

ГЛАВА 1. БЕЛЬГИЙСКИЙ КРИЗИС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.

1. 1. Причины участия Российской империи в событиях бельгийского кризиса 1830-1831 годов.

Бельгийская революция, вспыхнувшая в Брюсселе в сентябре 1830 года, вызвала большую заинтересованность Петербургского кабинета, который на всем протяжении кризиса принимал непосредственное участие в событиях по его урегулированию. Существовало несколько причин подобной заинтересованности Николая I и его кабинета в делах далеких от границ Российской Империи стран. Первая причина династическая. Родная сестра Николая I Анна Павловна была в 1816 году выдана замуж за наследного принца нидерландского престола Вильгельма Оранского и после переезда в Голландию стала принимать активное участие в жизни страны. Николая I не могла не заботить судьба его сестры и ее семьи, о чем, в частности, свидетельствует сохранившаяся переписка с наследником нидерландской короны. В своих письмах Вильгельм параллельно официальным дипломатическим каналам сообщал русскому императору информацию о ходе военных действий в Бельгии, о слухах относительно русского государства и в самые тяжелые моменты просил совета и помощи.¹¹⁹ Подобные сообщения не могли не вызвать обеспокоенности петербургского кабинета, который вслед за голландским монархом видел Нидерландское королевство «находящимся перед пастью волка».¹²⁰

Очевидно, что под «волком» понималась Франция, в которой за несколько месяцев до восстания в Брюсселе, произошла революция, вызвавшая резко негативную реакцию в столицах крупнейших европейских держав и пробудившая опасения относительно ближайшего будущего Европы. В этой связи особое значение приобрел внешнеполитический фактор существования Нидерландского Королевства, который и послужил главной

¹¹⁹ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 1466, ч. IV

¹²⁰ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 1466, ч. IV лист 19.

причиной, побудившей петербургский кабинет активно включиться в вопросы урегулирования восстания бельгийцев. Для того чтобы лучше понять роль Голландии во внешнеполитических планах Николая I, нужно обратиться к истории создания королевства.

Нидерландское Королевство, возглавляемое Оранско-Нассауской династией, возникло после периода наполеоновских войн в результате решений Венского конгресса в 1815 году. Создавая в центре Европы новое государство путем объединения Бельгии и Голландии, имевших между собой множество противоречий, делегаты Венского конгресса руководствовались, главным образом, желанием предохранить европейские страны от новой разрушительной войны. «...Союзные кабинеты, утверждая эту комбинацию, были движимы желанием создать буферное государство, способное благодаря своей относительной мощи собственными силами отразить первый удар, которому оно могло подвергнуться».¹²¹ Таким образом, предполагалось, что созданное в сердце Европы государство будет способствовать сохранению границ в рамках, определенных Венским конгрессом. Под союзными кабинетами подразумевались представители стран-победительниц наполеоновской Франции: Россия, Великобритания, Пруссия и Австрия. Для защиты всей внешнеполитической системы, сложившейся после Венского Конгресса 1815 года, и Нидерландского Королевства, в частности, создавался Четверной Союз, включавший в себя упомянутые страны-победительницы.

Главной угрозой, от которой королевство должно было защищать центральные Европейские страны, была Франция. Несмотря на поражения в наполеоновских войнах, Франция продолжала внушать страх своей потенциальной военной мощью. Этот страх особенно увеличился после июльской революции во Франции, приведшей к бегству из страны легитимного монарха Карда X и приходу к власти монарха, непризнанного крупнейшими европейскими дворами. Опасения, касающиеся внешнеполитического курса нового французского правительства, были особенно сильны у ближайших соседей Франции – Пруссии и Австрии,

¹²¹ Вице-канцлер К.В.Нессельроде посланнику в Гааге Н.Д.Гурьеву, 21 сентября 1830 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.97.

которые были готовы признать Луи-Филиппа законным королем лишь при одном условии, если правительство Луи-Филиппа подпишет декларацию, в которой он «...признает территориально-политическое устройство в Европе, установленное текущими договорами».¹²²

В такой ситуации опасения, что «анархия захватившая Францию, последует за ее пределы»¹²³, не могли не посещать лидеров крупнейших европейских держав того периода. В подобных обстоятельствах Нидерландское Королевство могло оказаться в ситуации, когда его предназначение – защита северных европейских держав от французского нашествия - стало бы претворяться в жизнь. Естественно, что вспыхнувшее в бельгийских землях восстание полностью рушило планы использовать королевство как щит против Франции и требовало скорейшего разрешения сложившейся ситуации с тем, чтобы вернуть королевству его оборонительные функции.

В этой связи нельзя не упомянуть еще одну причину заинтересованности Петербурга в бельгийской проблеме. По решениям Венского Конгресса, для того, чтобы Нидерландское Королевство могло эффективно выполнять свои оборонительные функции, на его бельгийских территориях создавалась сеть фортификационных сооружений. Крепости строились на деньги стран, которые приняли решения о создании Королевства. На строительство крепостей выделялись немалые суммы из бюджетов стран-учредительниц Голландии, так как бельгийские крепости должны были играть роль общеевропейской оборонительной системы. «Цель их возведения очень близка цели самого присоединения Бельгии к Голландии. Призванные служить, прежде всего, защитным валом для Нидерландского королевства, они в не меньшей степени должны обеспечивать и безопасность соседних государств, и в этом отношении

¹²² Примечание 1 к Докладу вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I. 11 (23) октября 1830 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.112.

¹²³ Там же. С.113.

позволительно считать их, так сказать, европейскими крепостями».¹²⁴ Сразу же после восстания возникли сомнения в будущей эффективности системы крепостей, если Нидерландское Королевство утратит свою территориальную целостность. «Эти пункты (крепости – прим.М.М.) перестанут соответствовать своему предназначению, и внутренняя сила королевства будет основательно подорвана, если они будут переданы исключительно под надзор бельгийских войск...».¹²⁵ А если это так, то вставал вопрос не только о судьбе этих крепостей, но и о том, как будет выплачиваться долг за их строительство, а также о том, за чей счет они должны демонтироваться в случае отделения бельгийских территорий.

Необходимо отметить еще одну причину активного участия Российской империи в бельгийском кризисе. Этот кризис поставил под сомнение существования Четверного Союза, появившегося вслед за Венскими соглашениями и призванного эти соглашения защищать. Фактически страны, входившие в этот союз: Российская империя, Великобритания, Прусское Королевство и Австрийская империя, были на тот момент определяющей силой в международных отношениях, и сохранение подобного положения представлялось русскому императору одной из главнейших задач его дипломатии в складывающихся обстоятельствах. Николай I подчеркивал необходимость «Сохранять и даже укреплять их (России, Австрии, Пруссии и Великобритании – прим.М.М.) тесный союз и солидарность как необходимое условие и самый надежный залог спасения Европы...».¹²⁶

Таким образом, можно выделить несколько причин, из-за которых события, произошедшие в конце августа и начале сентября 1830 года в Брюсселе, вызвали большую обеспокоенность петербургского кабинета и продиктовали его активное участие в вопросах разрешения указанных событий: династические интересы, вопросы европейской безопасности,

¹²⁴ Вице-канцлер К.В.Нессельроде посланнику в Гааге Н.Д.Гурьеву, 21 сентября 1830 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.95.

¹²⁵ Там же. С.95.

¹²⁶ Вице-канцлер К.В.Нессельроде посланнику в Берлине Д.М.Алопеусу 4(16) декабря 1830г. // Там же. С.194

возвращение затраченных финансов и сохранение целостности позиций стран-участниц Четверного Союза. Все вместе эти факторы не позволили Николаю I проигнорировать бельгийский кризис и не принимать активного участия в процессе его разрешения.

1.2. Деятельность российской дипломатии в период до созыва Лондонской конференции.

Столкнувшись с необходимостью реагировать на события бельгийского восстания, Николай I должен был выстраивать политику России, учитывая позиции Великих Держав того времени. Петербург ожидал реакции ведущих европейских стран в соответствии с со сложившейся системой союзов, во многом в своих действиях ориентируясь на позиции своих союзников по Четверному и Священному союзам. Подобная политика поддерживалась и рекомендовалась руководителем министерства иностранных дел России вице-канцлером К.В.Нессельроде, который, в частности, писал Николаю I: «Географическое положение России дает кабинету в. в-ва благоприятную позицию, позволяющую следить за событиями...».¹²⁷

Одним из союзников, на политику которых ориентировался Петербург, было Королевство Прусское. Следует отметить, что Пруссия как ближайший сосед Голландии острее других стран-участниц Священного и Четверного союзов находилась в зависимости от развития ситуации, развивавшейся в бельгийских землях. Как и во многих странах Европы, в Пруссии связали бельгийскую революцию с событиями во Франции, что привело к росту опасений начала новой большой войны. Подобные опасения, например, разделяло Сардинское королевство, правительство которого еще в августе 1830 года по официальным дипломатическим каналам предупреждало об опасности нового французского кабинета для европейских стран. Государственный секретарь Сардинии В.Латура считал, что европейским странам остается лишь «...объединиться если не для вмешательства во

¹²⁷ Доклад вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I. 11 октября 1830 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.115.

внутренние дела Франции, то, по крайней мере, для того, чтобы взаимно гарантировать друг другу незыблемость нынешних границ и убедить французское правительство в том, что оно ничего не сможет предпринять против того или иного отдельно взятого государства и что первое же проявление агрессии с ее стороны послужит сигналом к общеевропейской войне».¹²⁸

Подобные настроения царили в тот момент и в Берлине. Приехавший в Берлин по поручению Николая I фельдмаршал И.И.Дибич обнаружил готовность прусского правительства начать военные действия. Однако, по замечанию фельдмаршала, планы потенциальных военных действий были направлены не против бельгийских мятежников, а против Франции. Занятие, согласно этим планам, голландских крепостей Маасу и Самбре было также направлено на то, чтобы, с одной стороны, предотвратить захват этих крепостей французскими войсками, а другой стороны, чтобы создать необходимый плацдарм для будущего наступления.¹²⁹ Исходя из донесений И.И.Дибича, которые он направлял Николаю I, становится очевидно, что для Фридриха Вильгельма III главным противником выступает именно Франция, и что любое выступление против бельгийских революционеров может привести к военному столкновению, из-за чего прусская армия готова перейти границу и помочь голландским войскам оккупировать Бельгию, «лишь будучи уверенной в немедленной поддержке со стороны наших войск».¹³⁰

С развитием ситуации в бельгийских землях пыл прусского кабинета заметно остыл, и военные планы были пересмотрены. Прусский король Фридрих-Вильгельм III через своего генерала К. фон Вицлебена дал понять И.И. Дибичу, что Пруссия отказывается от своих активных планов по превентивному захвату крепостей. Не нашла поддержки у прусского руководства и инициатива И.И.Дибича отправить в Лондон дипломатических

¹²⁸ Вице-канцлер К.В.Нессельроде посланнику в Турине И.И.Воронцову-Дашкову. 24 сентября 1830 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.101.

¹²⁹ Памятная записка фельдмаршала И.И.Дибича Николаю I. 21 сентября 1830 г. // Там же. С.95.

¹³⁰ Там же. С.95.

представителей и заручиться поддержкой Великобритании по вопросу совместного занятия крепостей по реке Маасу. Прусский король полагал, что эти крепости уже безвозвратно потеряны для союзных держав. Официальный Берлин был готов лишь поддержать совместную декларацию России, Пруссии, Англии и Австрии, направленную французскому правительству, в которой подтверждалась бы готовность этих стран противодействовать «любой попытке поколебать положение вещей, гарантированных союзом».¹³¹

В Петербурге однозначно оценили подобное поведение Берлина как отказ от изолированного воздействия на события в Бельгии в пользу совместных действий стран-участниц Четверного Союза.¹³² Фактически за очень короткий период позиция Пруссии изменилась от готовности выступить против революции в Бельгии в одиночку, имея лишь поддержку России и других европейских держав, в пользу отказа от самостоятельных действий и синхронизации своей политики с политикой стран-союзников.

В условиях сложившейся к сентябрю 1830 года в Пруссии ситуации, подобный поворот прусской политики был продиктован объективными причинами. По мнению вице-канцлера К.В. Нессельроде, основными из них были слабость ее средств, отдаленность помощи России и неблагоприятное расположение общественного духа.¹³³ В условиях, когда ввод прусских войск на территорию Бельгии даже лишь для превентивного занятия крепостей мог привести к столкновению с французскими войсками и развязыванию крупномасштабной войны, одной лишь поддержки России, войска которой даже не начинали подготовку к новому «заграничному походу», очевидно, было недостаточно для берлинского кабинета. Кроме того, отсутствие среди общественного мнения единой поддержки подобных потенциальных действий прусского правительства могло, при неблагоприятном развитии событий, угрожать конфликтами внутри самой Пруссии, которые могли бы самым неприятным образом отразиться на функционировании прусского правительства. Такое развитие событий означало бы для Фридриха-

¹³¹ Фельдмаршал И.И.Дибич Николаю I. 23 сентября 1830 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 8. М.: Международные отношения, 2005. С.99.

¹³² Доклад вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I. 30 сентября 1830 г. // Там же.103.

¹³³ Вице-канцлер К.В.Нессельроде фельдмаршалу И.И. Дибичу 10 октября 1830 г. // Там же. С.109.

Вильгельма III катастрофу, с которой он не имел бы возможности справиться. Видимо, подобные мотивы и побудили Берлин отказаться от активной самостоятельной политики в пользу совместных действия стран-союзниц. Для Петербурга подобный поворот в прусской политике означал необходимость самому организовывать и возглавлять военный поход против Бельгии в случае, если именно к силовому решению бельгийской проблемы будет склоняться русский император. Стоит отметить, что в Санкт-Петербурге с пониманием отнеслись к подобному поведению своего союзника: «...Пруссия проявила в равной мере мудрость и предусмотрительность, отказавшись от всяких самостоятельных шагов».¹³⁴

Переходя к следующему союзнику России – Австрийской империи, следует отметить, что для нее революция в Бельгии имела меньшее значение, чем для Пруссии. Положение Австрии в рассматриваемый период было неоднозначным. С одной стороны, Австрия была членом Священного союза, союзником Российской империи и Прусского королевства и была обязана откликнуться на призыв о помощи со стороны короля Вильгельма I. Так же как и ее союзников, Австрию волновало любое усиление революционной Франции. Австрийский кабинет даже предлагал проекты «эventуальной войны между Францией и ее соседями».¹³⁵ С другой стороны, в австрийском обществе «во всеуслышание было заявлено о нежелании воевать», да и фактических приготовлений к войне не было.¹³⁶

Для Австрии ввиду ее географического положения вопрос о территориальной принадлежности Бельгии и ее пограничных крепостей не имел такого же определяющего значения, как в случае с Прусским королевством. Независимость этих территорий никак не влияла на оборонительные возможности империи, другое дело, переход этих территорий к Франции. Ситуация с буферным государством на севере Европы имело свое своеобразное отражение и на Юге. Речь идет о Пьемонте, который был гораздо важнее для Австрии, чем Нидерландское королевство с

¹³⁴ Доклад вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I 3 октября 1830 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.103.

¹³⁵ Памятная записка Меттерниха от 6 октября 1830 г. // Там же. С.113.

¹³⁶ Личное письмо вел. кн. Константина Павловича Николаю I. 13 октября 1836 г. // Там же. С.122.

его сепаратистами. Географически Пьемонт выполнял ту же задачу, что и Бельгия, т.е. отделял территорию Франции от другого великого государства (в данном случае, от Австрии). В примечаниях к Докладу вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I 11(23) октября 1830 г, записанных графом А.Ф. Орловым со слов Меттерниха, говорится, что Австрия видит свою задачу в защите Пьемонта в случае нападения на него Франции, и что в данном случае правительство Австрии будет действовать не от своего имени, но «на основе санкций и полномочий альянса».¹³⁷

Можно предположить, что для Австрии бельгийский вопрос не существовал как вопрос о территориальной целостности Нидерландского королевства (так как об этом не встречается вообще никаких упоминаний), но был вопросом о принципиальном признании новым французским правительством того территориального устройства, которое сложилось в Европе. Не случайно К.фон Меттерних поддержал идею Прусского кабинета о заявлении, в котором союзные державы признали бы Луи-Филиппа легитимным королем Франции в обмен на его признание существующего в Европе территориально-политического устройства.¹³⁸

На основании вышесказанного можно констатировать, что для Австрийской империи бельгийский вопрос был всецело связан с сохранением существующего соотношения сил между Францией, с одной стороны, и союзными державами, с другой. Вопрос о территориальной целостности Нидерландского королевства сам по себе не интересовал австрийский двор. Занятие Бельгии Францией было бы прецедентом нарушения сложившегося порядка в Европе, что противоречило планам Вены. Кроме того, подобный прецедент создал бы угрозу Пьемонту, а это значило бы непосредственную угрозу Австрийской империи, чего, по понятным соображениям, Венский кабинет допустить не мог. Поскольку позиция Российской империи была по своему направлению очень близка позиции Австрии, то австрийский двор не стал искать своего собственного пути выхода из наметившегося

¹³⁷ Примечание 3 к Докладу вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I. 11(23) октября 1830 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.111.

¹³⁸ Там же

европейского кризиса, а был готов следовать позиции Петербурга, тем более, что при подобном раскладе вся ответственность ложилась бы на петербургский кабинет.

Для России это, в свою очередь, означало необходимость определять не только внешнеполитический курс Пруссии, но также и внешнеполитический курс Австрии. Единственным положительным аспектом подобного развития событий было то, что в подобной ситуации было легче добиться единства позиций как минимум трех из четырех держав Четверного Союза, что отражало стремление Николая I к консолидации дипломатических сил союзников.

В условиях пассивной реакции двух стран-союзников на бельгийскую революцию особое значение для Петербурга приобрела позиция Британской империи. С первых дней кризиса именно политика Лондона вызывала наибольший интерес русской дипломатии, и именно Великобритания расценивалась как ключевой партнер в сложившихся обстоятельствах. «Сотрудничество Великобритании в данном вопросе будет иметь первостепенное значение, поскольку союзникам предстоит выполнить двойную задачу – подавить восстание в Бельгии и не допустить того, чтобы их действия вызвали всеобщую войну».¹³⁹

Формально Николай I мог рассчитывать на активную поддержку со стороны Великобритании, так как эта страна входила в состав стран, создавших Нидерландское Королевство в 1815 году и вместе с другими странами взявшее на себя обязательства по защите территориальной целостности и независимости государства. Великобритания наравне с остальными странами Четверного Союза вкладывала деньги в строительство крепостей в бельгийских землях, роль которых в ситуации, сложившейся к осени 1830 года, многократно возросла. Естественно, что Петербург ожидал от правительства Великобритании соблюдения обязательств по отношению к голландскому королю и союзникам и отводил именно Великобритании ключевую роль в предотвращении выступления на стороне бельгийских

¹³⁹ Доклад вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I. 3 октября 1830 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.104.

повстанцев Франции: «...цель может быть достигнута лишь при условии, что такие действия будут достаточно хорошо согласованы, чтобы устрашить французских революционеров, и осуществляться в тот момент, когда Англия примет в них участие, ибо мы знаем, что во Франции страх перед морской войной, которая подорвала бы все основы промышленности и торговли, возможно, все еще сильнее желания вновь завладеть Бельгией».¹⁴⁰

21 сентября 1830 года в разгар политического кризиса в Нидерландах вице-канцлер К.В.Нессельроде пишет русскому посланнику в Гааге Н.Д. Гурьеву, что в вопросе об административном разделении Бельгии и Голландии ему предписывается действовать в согласии с британским послом в Гааге и в «спорных случаях» поддерживать его мнение.¹⁴¹ Это мотивируется уверенностью К.В.Нессельроде в том, что при герцоге Веллингтоне лондонский кабинет будет выступать за «сохранение связей, которые должны соединять две части королевства».¹⁴² Таким образом, с точки зрения МИДа, Великобритания придерживается того же мнения, что и Россия, то есть сохранения любыми средствами территориальной целостности Нидерландского королевства.

Подтверждением этому служат приложенные к докладу К.В.Нессельроде Николаю I от 3 октября 1830 года выдержки из двух депеш А.Ф.Матушевича от 9 сентября того же года. В этих депешах отмечается, что герцог Веллингтон признавал за нидерландским монархом право требовать помощи четырех кабинетов в случае, если бельгийцы будут настаивать на изменении условий присоединения их страны к Голландии или добиваться полного отделения, а лорд Абердин, заявил, что такая помощь должна быть оказана Вильгельму I, несмотря на возможное противодействие Франции, способное вызвать «всеобщую войну».¹⁴³

Таким образом, Петербург первоначально исходил из полного совпадения своих взглядов на бельгийский кризис с позицией британского

¹⁴⁰ Доклад вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I. 3 октября 1830 г.//Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.105

¹⁴¹ Вице-канцлер К.В.Нессельроде посланнику в Гааге Н.Д.Гурьеву. 21 сентября 1830 г.// Там же. С.98.

¹⁴² Там же

¹⁴³ Примечание 6 к докладу вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I. 3 октября 1830 г.//Там же.С.104.

правительства. Это позволяло русскому императору, несмотря на отказ Пруссии и Австрии от самостоятельных (в том числе и силовых) действий, рассматривать возможность участия русских войск в подавлении восстания, справедливо полагая, что активная позиция Великобритании заставит Францию смириться с этим и ограничиться лишь дипломатическими демаршами, которые, в свою очередь, нивелировались бы монолитностью позиций стран Четверного Союза.

Принимая во внимание вышесказанное, легко представить с каким удивлением Петербург воспринял предложение британского правительства рассмотреть бельгийский вопрос на дипломатической конференции представителей пяти держав.¹⁴⁴ Тем более, что подобный поворот в политике Лондона произошел за весьма незначительное время и оказался полностью скрыт от русских дипломатических агентов.

Сам факт того, что Великобритания предлагает созвать конференцию по вопросу статуса Бельгии, означал, что для британского кабинета Бельгия более не является неотъемлемой частью Голландии. Таким образом, де-факто Великобритания отказывалась от одного из основополагающих аспектов существования Четверного Союза, что резко противопоставляло позицию Великобритании позиции официального Петербурга. В такой ситуации не могло быть речи о поддержке со стороны Великобритании силовых акций против Бельгии, что не могло остаться без внимания России.

Однозначного ответа на вопрос о том, что именно вынудило Великобританию отказаться от своих обязательств по Четверному Союзу, нет, но на основании имеющихся фактов можно предположить следующее. Великобритания, выступая союзником России в Четверном Союзе, не являлась членом Священного Союза и всячески уклонялась от возможностей вступить в него. Революция в Бельгии являлась предметом влияния обоих союзов, тем более что страны участницы были одни и те же. Поддержка Великобританией позиции, занимаемой Священным союзом, и осуществление им военной операции на территории Бельгии привели бы к

¹⁴⁴ Доклад вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I. 8 октября 1830 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.109.

усилению авторитета Союза и закрепили бы роль России как арбитра в международных делах европейских государств. В случае военного столкновения в ходе этой операции с Францией локальный конфликт перерос бы в крупномасштабную войну, где большие силы были бы не на стороне Франции, что обусловило бы ее поражение и создание новых «Венских конгрессов», которые бы еще значительно упрочили бы положение стран-участниц Священного союза и, возможно, предопределили бы его доминирование в Европе. Подобное развитие событий не устраивало Великобританию, так как в новом порядке в Европе роль, отводимая ей, была бы главенствующей, но не исключительной. В исторической традиции Лондона было всегда предпочтительней оставаться с «развязанными руками», чем ограничивать себя обязательствами долгосрочных внешнеполитических союзов. В то же время предложения по созыву мирной конференции по бельгийской проблеме ставили Священный союз и его главу, Российскую империю, в тяжелое положение. Военная интервенция, к которой готовился союз становилась маловероятной, а защита территориальной целостности Нидерландского королевства в дипломатической полемике с Францией и Великобританией не гарантировала успеха (что и доказало дальнейшее развитие событий).

Подобное развитие событий стало неожиданным для Николая I и особенно усложнило позицию России в условиях активной политики Парижа. Следует отметить, что с самого зарождения общеевропейской кризисной ситуации вокруг Бельгии в 1830 году именно Франции предстояло играть исключительную роль катализатора международного напряжения. Действия Франции привели к тому, что кризис в бельгийских территориях Нидерландского королевства, который являлся, по сути, кризисом в рамках одного государства, вышел на новый уровень и приобрел международный подтекст. Тем не менее, можно утверждать, что деятельность Четверного союза по защите Нидерландского королевства и Священного союза по предотвращению революций уже подразумевала переход подобного кризиса из разряда государственных в разряд международных, однако французская

угроза в представлении европейских стран доминировала над угрозой бельгийской революции.

До решений Венского конгресса 1815 года Бельгия была территорией Франции. Выше уже было сказано о причинах, которыми руководствовались страны-участницы конгресса, присоединяя территорию Бельгии к Нидерландскому королевству. Следует напомнить, что основная цель была оборонительная, предполагалось таким образом защищать как саму Голландию, так и остальные европейские страны от французской угрозы¹⁴⁵. В течение последующих 15 лет в Бельгии на деньги стран, подписавших протоколы о создании Нидерландского королевства, строились оборонительные крепости, формировались гарнизоны. Казалось, что ситуация не вызывает опасений. Но в 1830 году во Франции вспыхнула революция, прежняя династия была свергнута, к власти пришел новый король. Складывалась ситуация, при развитии которой (непризнание новым французским правительством сложившегося территориально-политического устройства в Европе и начало вооруженной борьбы для его изменения) бельгийские укрепления должны были стать стеной, защищающей Европу. В странах, соседствующих с Францией, ощутимо повеяло страхом новой европейской войны¹⁴⁶. В такой кризисный момент в Бельгии, бастионе севера Европы перед французской армией, вслед за Францией вспыхивает революция, конечной целью которой является полное отделение от Нидерландов. Подобное развитие событий стало настоящим шоком для стран, которые планировали с помощью Бельгии сдерживать французскую угрозу.

В то же время совершенно очевидно, что революционные события в Бельгии открывали новые возможности для Франции. У французского правительства возникли идеи воспользоваться определенной растерянностью стран-гарантов целостности Нидерландского королевства с тем, чтобы присоединить к Франции всю бельгийскую территорию или, по

¹⁴⁵ Вице-канцлер К.В.Нессельроде посланнику в Гааге Н.Д.Гурьеву, 21 сентября 1830 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.96.

¹⁴⁶ Личное письмо вел.кн. Константина Павловича Николаю. 13 октября 1830 г. // Там же. С.122.

крайней мере, разделить территорию Бельгии с другими державами: «..граф Флао (граф Огюст Шарль Флао-де-ля-Биллардри французский генерал и политический деятель (1785—1870) –прим.М.М.)...предлагал оставить часть бельгийских земель в Голландии, другую их часть передать Пруссии, а третью – самую значительную – вернуть Франции»¹⁴⁷.

В странах Священного союза догадывались о подобных планах Франции, считая, что в этой связи основной целью союза является «не допустить покушения Франции на Бельгию»¹⁴⁸. Таким образом, оформлялись два противоположных политических полюса: с одной стороны – Франция, а с другой стороны - страны «Священного союза» и Англия (впрочем, на непродолжительное время, как нам уже известно). Фактически защита территориальной целостности Голландии для стран «Священного союза» была лишь прикрытием для защиты сложившихся в Европе границ от посягательств Франции. Нужно четко понимать, почему революция в Бельгии не могла ограничиться рамками государственного кризиса Нидерландов. По всей вероятности, это связано с тем, что непосредственно на Бельгии во многом были завязаны меры по охране сложившегося европейского порядка.

Опасность войны в Европе значительно увеличилась в тот момент, когда Франция заявила, что «не потерпит вмешательства в бельгийские дела»¹⁴⁹. И это были не пустые слова. Помимо активной обработки общественного мнения, французское правительство готовило планы войны со странами союза и в первую очередь с Россией. Об этом, в частности, свидетельствует документ с «говорящим» названием - «Plan d'attaque de la France contre la Russie en cas de guerre, et mesures éminemment nécessaires en ces moments».¹⁵⁰ («Наступательный план Франции на случай войны с Россией и о в высшей степени необходимых мерах в случае войны» – перевод М.М.). В тексте этой брошюры Россию обвиняют во враждебном поведении против

¹⁴⁷ Ю.В.Борисов «Шарль Морис Талейран» М.: «Рипол Классик», 2003 г. С.430.

¹⁴⁸ Памятная записка фельдмаршала И.И.Дибича Николаю I. 21 сентября 1830 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.96.

¹⁴⁹ Вице-канцлер К.В.Нессельроде послу в Лондоне Х.А.Ливену. 23 октября 1830 г. // Там же. С.131.

¹⁵⁰ «Plan d'attaque de la France contre la Russie en cas de guerre, et mesures éminemment nécessaires en ces moments», Paris : Impr. de Dezauche, 1830.

Франции и ее соседей, в частности, против Бельгии, что «вынуждает Францию принять меры для войны с нею».¹⁵¹

Изменение позиции официального Лондона стало для Франции настоящим подарком, значительно усилившим его позиции. Конференция могла предоставить возможность Франции добиться отделения Бельгии и впоследствии вернуться к идеям присоединения этих территорий к Франции. Столкнувшись с отсутствием консолидированной позиции стран союзников, Франция отложила свои военные планы (понимая, что в сложившихся обстоятельствах интервенция невозможна) и согласилась принять участие в конференции, что полностью соответствовало чаяниям парижского кабинета.

Позиция, занятая ведущими европейскими державами, оказала значительное влияние на политику русского правительства. Изначально, получив от нидерландского монарха просьбу о помощи, Николай I не рассматривал возможность изолированного влияния на события, так как задача сохранения независимости и территориальной целостности Нидерландского Королевства стояла перед всеми странами Четверного Союза. Выше уже было сказано, какое внимание русский самодержец придавал согласованию позиций стран, входивших в союз, в деле сохранения европейского мира. Географическое положение определяло необходимость более активных действий ближайших соседей Бельгии – Великобритании и Пруссии, русский император собирался воспользоваться этим. В конце сентября 1830 года посол России в Берлине фельдмаршал И.И.Дибич зондировал возможность военного вмешательства Пруссии для разрешения Бельгийского кризиса¹⁵², а посол в Гааге Н.Д.Гурьев получил указание поддерживать позицию британского посла, так как позиции России и Британии в этом вопросе очень близки¹⁵³. Позиции стран сближало не только письменное обещание защищать территориальную целостность Голландии, но также и опасность французской угрозы. Самым быстрым и логичным

¹⁵¹ «Plan d'attaque de la France contre la Russie en cas de guerre, et mesures éminemment nécessaires en ces moments», Paris : Impr. de Dezauche, 1830.

¹⁵² Памятная Записка фельдмаршала И.И.Дибича Николаю I./Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С. 95.

¹⁵³ Вице канцлер К.В.Нессельроде посланнику в Гааге Н.Д.Гурьеву.// Там же. С.98.

способом расправиться с революцией в Бельгии была военная интервенция извне, со стороны стран-гарантов целостности королевства. На основании изученного материала можно констатировать, что первоначально эту идею поддерживали Великобритания, Пруссия и Россия.

Необходимо отметить двойственность положения Российской империи, которая участвовала в событиях не только как страна-гарант Нидерландского королевства, но и как страна, возглавлявшая Священный союз. Как глава Священного союза Россия была заинтересована в поддержке со стороны других Великих Держав, входивших в Союз: Австрийской империи и Прусского королевства. Однако Российскую империю ждал неприятный сюрприз. С самого начала развития событий австрийским правительством «во всеуслышание было заявлено о нежелании воевать»¹⁵⁴. То есть на военную поддержку Австрийской империи Николай I рассчитывать не мог. Кроме этого, другой союзник России – Прусское королевство изменило свою позицию и заявило об отказе от военного воздействия на Бельгию, что вынудило Николая I брать всю инициативу в бельгийском вопросе на себя¹⁵⁵. Таким образом, позиция, которую предстояло занять британскому кабинету, приобретала ключевое значение для дальнейшего развития ситуации.

Как нам известно, Николай I рассматривал Великобританию как фактор, способный удержать французское правительство от вмешательства в события в Бельгии¹⁵⁶. Кроме того, Великобритания была союзницей России по Четверному союзу. Однако с изменением позиции Великобритании Российская империя фактически осталась один на один как с бельгийской революцией, так и с возможной французской интервенцией. Будущие действия Петербурга приобретали еще дополнительный аспект, теперь это был не только вопрос престижа, но и необходимость удержания позиции Российской империи как определяющей силы в Европе.

¹⁵⁴ Личное письмо вел.кн. Константина Павловича Николаю I. 13 октября 1830 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.122.

¹⁵⁵ Доклад вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I. 30 сентября 1830 г.// Там же. С.103.

¹⁵⁶ Доклад вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I. 3 октября 1830 г.// Там же. С.104.

Интересно отметить, что в зарубежной историографии встречается тенденция противопоставлять в бельгийском вопросе две блока стран. Один блок составляют «миролюбивые» страны – Великобритания и Франция, другой – страны, собиравшиеся начать в Голландии войну, страны Священного союза. «Austria and Russia were too much occupied with their own internal difficulties to think of supporting the Dutch king by force of arms; and Prussia, despite the close family connection, did not venture to oppose the determination of the two western Powers to work for a peaceful settlement» («Австрия и Россия были слишком заняты своими внутренними проблемами, чтобы думать о помощи нидерландскому королю военной силой, а Пруссия, несмотря на родственные отношения с Голландией, не рискнула выступить против двух Западных Держав, намеренных решить проблему мирным путем» - Перевод М.М.).¹⁵⁷

Под «собственными внутренними трудностями» исследователь Дж.Эдмонсон, по всей видимости, подразумевает восстание в Царстве Польском, произошедшее в ноябре 1830 года. В этом вопросе его позиция пересекается с мнением, которое часто встречается в отечественной историографии, касающейся интересующего нас периода, что именно польское восстание стало ключевым фактором, спасшим бельгийскую революцию от русской интервенции. Например, подобная точка зрения встречается в классическом исследовании по истории дипломатии «История Дипломатии» в трех томах под редакцией В.П.Потемкина.¹⁵⁸ В тексте главы «От Июльской революции во Франции до революционных переворотов в Европе 1848 г. (1830-1848)», написанной академиком Е.В.Тарле и входящей в 4-й раздел «Дипломатия в новое время (1789-1871)» первого тома исследования, присутствует небольшой раздел, посвященный бельгийской революции. В этом разделе под названием «Бельгийская революция и великие державы»¹⁵⁹, подтверждается мнение о том, что Николай I хотел подавить восстание силой, и что только восстание в Варшаве спасло Европу

¹⁵⁷ History of Holland by George Edmundson (Cambridge History Series). Cambridge University Press. 1922. С.396

¹⁵⁸ «История Дипломатии». Т.1-3. Под ред. В.П.Потемкина. М.: ОГИЗ, 1941-1945

¹⁵⁹ История дипломатии. Под ред. В.П.Потемкина. Т.1. М., ОГИЗ. 1941. С.413-414

от вооруженного противостояния. «...Николай I, еще не знавший, что его ждет в Варшаве, проявлял кипучую энергию, призывая Францию и Пруссию к своего рода крестовому походу против мятежных бельгийцев».¹⁶⁰

Подобная точка зрения присутствует и в монографии «История внешней политики России. Первая половина 19 века» (Под.ред О.В.Орлик)¹⁶¹. В монографии категорически утверждается, что «для петербургского кабинета польские события отодвинули бельгийские дела на второй план»¹⁶². Подобная точка зрения уходит своими корнями в непосредственно в период бельгийской революции, впервые она была озвучена на страницах франкоязычной прессы. 2 июля 1831 года бельгийская газета «Moniteur» писала: «Польша стала героическим бастионом европейской свободы».¹⁶³

Следует отметить, что есть исследователи, не разделяющие подобное мнение. Так, В.В.Дегоев предполагает, что: «...не похоже, что он (Николай I – М.М.) был настолько глуп, ортодоксален и самоуверен, чтобы бросится очертя голову на защиту легитимных прав нидерландского короля»¹⁶⁴. По мнению историка, польское восстание - это лишь повод для Николая, чтобы избежать военного решения бельгийского вопроса и сосредоточиться на дипломатических усилиях в рамках лондонской конференции¹⁶⁵.

Подробное изучение указов Николая I дает основание полагать, что желание Петербурга провести военные действия против бельгийских мятежников является небесспорным. Обратимся к рескрипту Николая I военному министерству о начале широкомасштабных военных приготовлений в империи¹⁶⁶. Помимо конкретных распоряжений о

¹⁶⁰ История дипломатии. Под ред. В.П.Потомкина. Т.1. М., ОГИЗ. 1941. С.413

¹⁶¹ «История внешней политики России. Первая половина 19 века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г). Под. Ред. О.В. Орлик, В.Н. Виноградов. М., 1999.

¹⁶² Там же. С.290.

¹⁶³ Цит.по В.М.Бокова, Н.М.Филатова Вступительная статья к сборнику «Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830-1831 годов».М.: Новое литературное обозрение, 2005 г. С.27.

¹⁶⁴ В.В.Дегоев «Внешняя политика России и международные системы 1700-1918 гг.» Уч.Пос., М.: изд. изд. «Росспен» 2004. С. 213.

¹⁶⁵ Там же. С.213-214.

¹⁶⁶ Рескрипт Николая I управляющему Главным штабом е.и.в-ва и военным министерством А.И.Чернышеву 5 октября 1830 г.//Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.106.

подготовке войск, в рескрипте особо указывается на необходимость осуществлять военные приготовления, «не делая из них тайны»¹⁶⁷. Обращает на себя внимания то, что военные приготовления делались нарочито на виду, совершенно не скрываясь. Обо всех действиях совершенно открыто информировалось все военное руководство прусского королевства. На вопрос, зачем Николаю I нужна такая открытость, он сам отвечает в том же рескрипте, выражая надежду, что «известия обо всех этих обширных приготовлениях» смогут предотвратить «войну, которой все мы искренне желаем избежать»¹⁶⁸.

Возможно, подготовка войск была своего рода психологической операцией, направленной против французского правительства. Эта операция должна была показать, что любая военная интервенция французов вызовет военную реакцию со стороны России, и ее войска уже готовы к этому. Очевидно, что Николай I добился своей цели. Франция отказалась от планов захвата Бельгии и приняла предложение Великобритании о созыве мирной конференции. После этого необходимость в немедленной военной интервенции отпала. Учитывая, что Франция более не посягала на бельгийские земли, Николай I посчитал ненужной военную интервенцию в помощь нидерландскому монарху, прекрасно сознавая, что подобные действия со стороны России выставят ее агрессором и сведут на нет все усилия по предотвращению европейской войны. Но остался вопрос, как объяснить голландскому королю, почему готовые к выступлению русские войска остаются в казармах. И Николай I пишет ему, что отдал приказ собрать войска, но полагает, что «в интересах мира и общественного порядка...изолированное выступление не только не достигнет намеченной цели, но возможно нанесет реальный ущерб»¹⁶⁹. Отчасти подобное мнение

¹⁶⁷ Рескрипт Николая I управляющему Главным штабом е.и.в-ва и военным министерством А.И.Чернышеву 5 октября 1830 г.//Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.106.

¹⁶⁸ Там же

¹⁶⁹ Николай I Вильгельму I. Тверь, 13 октября 1830 г.//Там же. С.122.

выражает О.Р.Айрапетов в своей монографии «Внешняя политика Российской империи (1801-1914)».¹⁷⁰

После того, как Великобритания предложила мирную конференцию для разрешения бельгийского вопроса, стало очевидно, что на ее поддержку в сохранении территориальной целостности Нидерландского королевства рассчитывать не приходится. Таким образом, Российская империя столкнулась с фактическим отказом от своих гарантии Голландии со стороны всех остальных стран-основательниц. Поскольку военная интервенция была невозможна, Николай I, желая сохранить престиж Российской империи и ее лидирующее место среди других европейских государств, решил принять участие в Лондонской конференции. Конечно, Николай I понимал, что в ходе конференции в Лондоне было мало шансов сохранить неделимость Нидерландского королевства, но участие в ней позволяло сохранить лицо и выйти из проигрышной ситуации с минимальными потерями. Лучшее всего позицию Российской империи в период перед началом конференции охарактеризовал К.В.Нессельроде: «Географическое положение России дает кабинету в. в-ва благоприятную позицию, позволяющую следить за событиями и обязывающую принимать в них прямое участие лишь постольку, поскольку это будет сочтено необходимым с точки зрения его консервативной по преимуществу политики, и именно на сохранение этой в равной степени достойной и сильной линии поведения направлены наши заботы и усилия».¹⁷¹

Позиции всех четырех Великих Держав в той или иной степени детерминировали политику Российской империи. После официального обращения Нидерландского монарха с просьбой о помощи в борьбе с бельгийскими революционерами вмешательство России в конфликт стало неизбежным. Можно предположить, что первоначально Николай I считал, что конфликт может быть решен силовым путем. К выступлению против мятежников начала подготовку Польская Армия во главе с великим князем

¹⁷⁰ Айрапетов О.Р. «Внешняя политика Российской империи (1801-1914)». М.: Издательство Европа, 2006

¹⁷¹ Доклад вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I. 11 октября 1830 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.115.

Константином Павловичем. Однако затем из-за пересмотра Пруссией своей позиции и несколько отстраненной позиции Австрии Николай I стал отказываться от идеи военной интервенции, ведь в случае, если Берлин и Вена будут затягивать с подготовкой своих войск (а были основания полагать именно так), русской армии пришлось бы воевать на территории Бельгии одной. Окончательно поставила крест на возможной военной интервенции откровенно враждебная позиция Великобритании, которая фактически предала свои обязательства перед Нидерландским королевством. Теперь в случае военной интервенции России ничто не мешало Франции последовать ее примеру, а это значит, что в Европе могла начаться новая война, причем позиция одного из сильнейших государств в регионе – Великобритании – была непредсказуема. После объявления о созыве конференции и поддержки этой идеи со стороны правительств Франции и Пруссии возможность проведения военной операции была совершенно нивелирована, так как дискредитировала бы Российскую империю как гаранта стабильности и мира в Европе. Все это вынудило Петербург согласиться на предложение Великобритании о созыве международной конференции для разрешения бельгийского кризиса.

Отдельно следует оговорить вопрос, насколько реальными были приготовления русской армии. Согласно существующим договорам, Николай I так же, как правительства Пруссии и Австрии, был обязан оказать помощь нидерландскому монарху. Однако у Николая I возникли сомнения относительно намерений своих союзников. С целью прояснить, будут ли участвовать в совместной операции австрийские и прусские войска, в Берлин отправился фельдмаршал И.И.Дибич. Возможно, что объявив боевую готовность в части русских войск, Николай I тем самым дал фельдмаршалу дополнительный аргумент в переговорах с союзными кабинетами.

1.3. Дипломатические маневры Великих Держав вокруг бельгийского кризиса и эволюция позиции Петербурга.

Столкнувшись с необходимостью реагировать на развитие событий вокруг бельгийского мятежа, Петербург был вынужден смягчить свою позицию и отказаться от идеи вооруженного вмешательства. Однако, согласившись на проведение конференции по бельгийскому вопросу, Николай I жестко обозначил главными целями русских представителей защиту права Оранского дома на Бельгию и сохранение территориальной целостности Нидерландского государства, прописанные договорами 1815 года. Иными словами, посылая своих дипломатов на переговоры, русский самодержец не допускал возможности отделения Бельгии и, уж тем более, поддержки подобного акта со стороны России. Но события ноября-декабря 1830 года оказали значительное влияние на формирование внешней политики Петербурга и заставили его искать более гибкие формы достижения поставленных внешнеполитических целей. Как уже отмечалось, главным из этих ориентиров было сохранение внешнеполитического баланса сил и границ, сложившихся по итогам Венских Соглашений 1815 года.

Отказ от военного подавления бельгийского восстания не только сказался на необходимости корректировки политики Петербурга, но также и вдохновил правительство Франции на более решительные действия. Нарастивая поддержку бельгийским революционерам, Франция также использовала период подготовки проведения конференции для стремительного увеличения своих вооруженных сил, справедливо полагая, что в будущем большая и организованная армия сможет стать достойным козырем в переговорах, касающихся дальнейшей судьбы мятежных земель. В планах французского военного министерства было довести численность армии к январю 1831 года до 500 тысяч человек. Министр иностранных дел Франции генерал Себастиани в беседе с русским послом со всей откровенностью заявил, что: «если армия императора (Николая I – М.М.) перейдет свою границу, король Филипп будет рассматривать такое

передвижение как объявление войны и отдаст приказ своим войскам немедленно вступить на территорию союзников...».¹⁷²

Подобные намерения парижского кабинета были восприняты с особой тревогой в контексте неопределенной позиции Великобритании, которая всячески отказывалась соблюдать обязательства, ранее принятые на себя. «Если Англия останется нейтральной и будет, так сказать, благосклонно наблюдать за схваткой, то Франция сочтет возможным бросить вызов остальной Европе либо посредством своих собственных войск, либо используя разрушительную силу своих революционных принципов, поддержанных оружием»¹⁷³. Таким образом, возможность действительной и крупномасштабной войны в Европе была высока как никогда. Видя нежелание Великобритании следовать политике старых союзов, правительство Франции могло позволить себе не опасаться реакции России и ее союзников и агрессивно отстаивать свою позицию на конференции. Россия же, в свою очередь, была обязана как можно скорее найти аргументы, которые вернули бы правительство Великобритании в число союзников Петербурга, а это в свою очередь позволило бы навязать выгодное для России мнение как Франции, так и брюссельским революционерам, которые поддерживались и направлялись официальным Парижем.

Задача возвращения Великобритании в Союз была очень тяжелой, так как политика Лондона была явно направлена против системы, защищаемой странами Четверного союза. О враждебности позиции Лондона Красноречиво свидетельствует тот факт, что на определенном этапе русскому правительству пришлось рассматривать потенциальную возможность появления союза Франции и Великобритании, который был бы направлен против Российской империи. «...три двора (русский, австрийский, прусский – М.М.) могут оказаться перед необходимостью отстаивать права Оранского дома, выступив против Англии и Франции, которые тогда станут

¹⁷² Посол в Париже К.О. Поццо-ди-Борго вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 20 ноября (2 декабря) 1830 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.173.

¹⁷³ Там же. С.172.

союзниками бельгийцев...»¹⁷⁴. Хотя подобное развитие событий и расценивалось Петербургом как крайне нежелательное, что особенно понятно в связи с тем, какое значение придавал русский император роли Великобритании, но с ним нельзя было не считаться.

Все это вынуждало Николая I крайне осторожно формировать внешнеполитический курс государства, понимая, что любая ошибка может привести к большой европейской войне. «В такой обстановке начинать войну ради определения судьбы Бельгии – войну, которая охватит всю континентальную Европу, в то время как Великобритания соизволит лишь наблюдать за схваткой, чтобы в случае нашего успеха единолично воспользоваться его плодами, а в противном случае оставить на нашу долю все связанные с ней убытки, – значило бы, по моему мнению, идти на совершенно ничем не оправданный риск»¹⁷⁵.

Однако политика Великобритании была далеко не однозначной. Во многом это объяснялось тем, что внутри самой Великобритании боролось несколько различных политических движений, каждое из которых пыталось использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах. Так же не однозначной была позиция занимаемая главой британского правительства герцогом А.У.Веллингтоном. «Герцогу Веллингтону будет весьма трудно решиться уничтожить европейский барьер, воздвигнутый можно сказать его собственными руками, и самолюбие, быть может, заставит его предпринять усилия к сохранению в Нидерландах прочно созданной системы...»¹⁷⁶.

Первоначальные намерения Лондона заключались в том, чтобы использовать события для ослабления позиций Российской Империи и ее союзников и создания предпосылок для складывания нового баланса внешнеполитических сил. Но дальнейшее развитие событий показало, что Лондон, делая ставку на активную позицию Франции в противовес позиции стран Священного союза, недооценил последствия такой политики.

¹⁷⁴ Вице-канцлер К.В.Нессельроде посланнику в Берлине Д.М.Алопеусу. 14(16 декабря 1830 г.//Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005.С.195.

¹⁷⁵ Посол в Париже Поццо-ди-Борго вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 20 ноября (2 декабря) 1830 г.// Там же. С.172.

¹⁷⁶ Вице-канцлер К.В.Нессельроде посланнику в Берлине Д.М.Алопеусу. 12(24) ноября 1830 г.//Там же.С.165.

Столкнувшись со значительным усилением мощи Франции, Великобритания была вынуждена пойти на сглаживание шероховатостей в отношениях с Российской империей и на ведение конструктивного диалога с Петербургом. Тем не менее, Великобритания оставалась категорическим противником сохранения бельгийских земель в территориальных границах Нидерландского Королевства, что было камнем преткновения в переговорах с русской делегацией.

Неожиданно для русского императора обнаружилось большое число противников сохранения Бельгии в составе Нидерландского Королевства среди жителей Голландии. «...Вся Голландия не только единодушно требует отделения Бельгии, но и отвергает любой договор, любое объединение корон или другую форму общего с ней политического существования»¹⁷⁷. Отчасти утрируя, можно сказать, что кроме нидерландского монарха, в Голландии никто не переживал из-за возможного отделения Бельгии. Граждане Нидерландского Королевства были уверены, что ни оборонные, ни производственные, ни торговые мощности Голландии нисколько не пострадают, если она расстанется с бельгийскими землями, что «...ее мощь никак не зависит от обладания этой провинцией; что и без бельгийцев она со времен Мюнстерского¹⁷⁸ договора играла в Европе важную роль и нанесла удар по величию Людовика XIV»¹⁷⁹. Более того, согласно общественному мнению в Голландии, присоединение Бельгии принесло огромные материальные и финансовые убытки экономике страны. В результате для сохранения Бельгии в рамках Нидерландского королевства необходимо было умирять население не одной провинции, а еще и всей Голландии, что было

¹⁷⁷ «Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде 12(24) декабря 1830 г.//Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.212.

¹⁷⁸ Мюнстерский мирный договор – один из двух основных актов такого рода, завершивших Тридцатилетнюю войну (1618-1648 гг.) и известных под общим названием Вестфальского мира, - был заключен 25 октября 1648 г. между императором «Священной Римской Империи» и его союзниками с одной стороны, и Францией с ее союзниками – с другой. Голландия (Республика Соединенных провинций) стала участником этого договора в качестве союзника Франции. Помимо того, в Мюнстере же 30 января 1648 г. состоялось подписание отдельного испано-голландского мирного договора, которым Испания де-юре признавала независимость Соединенных провинций – своего бывшего владения.

¹⁷⁹ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде 12(24) декабря 1830 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005.С.212.

бы теоретически возможно лишь при наличии единства среди стран-гарантов целостности Нидерландского Королевства, а единства не было. Кроме того подобное развитие событий нивелировало роль Бельгии, как барьера на пути французской агрессии, так как бельгийские оборонительные системы оказались бы беззащитны.

Сильным ударом по позиции русской дипломатии стало восстание в Царстве Польском в ноябре 1830 года. В отечественной историографии, например в работах О.В.Орлика, восстание в Польше выделяется как ключевой фактор, отвлекший внимание Николая I от проблем Европы и заставивший его отказаться от планов подавления бельгийской революции путем военной интервенции. Однако, как уже указывалось, Николай I отказался от идеи применения военной силы против бельгийских революционеров еще до польских событий. Кроме того, сразу же после восстания в Царстве Польском Петербург особенно подчеркнул, что не собирается оставлять без внимания проблемы Европы и приостанавливать свое участие в процессе урегулирования бельгийской проблемы. «Восстание в Царстве Польском никак не повлияет на отношение Николая I к общим делам Европы»¹⁸⁰. Роль жандарма Европы, которую Николай I унаследовал от Александра I, не позволяла ему оставить без внимания бельгийскую проблему, имевшую огромное значение для дальнейшего развития внешнеполитического баланса сил в регионе. Тем не менее польское восстание действительно оказало большое влияние на развитие событий в ходе Лондонской конференции. Однако оно не помешало русской дипломатии в реализации ее планов, а даже, наоборот, помогло ей.

Дело в том, что с момента самого начала революции в Бельгии в Париже военная партия стала развивать идею о благоприятном складывании событий для захвата бельгийских земель и диалога с другими европейскими державами с позиции силы. Активная политика России, в частности подготовка армии к выступлению в Бельгию, заставило французское правительство остудить особенно горячие головы и отказаться от подобных

¹⁸⁰ Вице-канцлер К.В.Нессельроде послу Х.А.Ливену 4(16) декабря 1830 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.191.

идей. Возникло равновесие сил: с одной стороны, русские войска, с другой – французские, и это было гарантией того, что войска соперников не войдут в Бельгию из-за страха новой общеевропейской войны. Из-за восстания в Царстве Польском равновесие сил нарушилось. Русская армия была занята войной с польской армией (части которой и должны были составить ядро военной интервенции в Бельгию); более французскую армию ничто не сдерживало. Прусские армии также были заняты проблемами в польских землях. Для Австрии ситуация была схожая, но в добавок и в итальянских владениях австрийского императора началось революционное брожение, требовавшее военного вмешательства. Англия не имела возможности быстро собрать армию для действий за границей из-за беспокойной обстановки в Ирландии.

Таким образом, польское восстание открыло перед Францией широкие перспективы, отвлекая внимание ее основного соперника – Российской империи. Столицы Великих Держав, а в особенности Лондон, наполнились страхом новой французской агрессии в Европу. «Союз и в первую очередь Великобритания должны были, таким образом, вот-вот стать свидетелями того, как французы завладеют Нидерландами, будучи при этом не в состоянии ни достойным образом покарать их за такое нарушение договоров, ни помешать тому, чтобы Франция став хозяйкой в Бельгии, закрепились там, затруднив до крайности свое изгнание оттуда. После захвата Бельгии Голландия также оказалась бы в опасности: французы наводнили бы ее своими революционными идеями и войсками».¹⁸¹ Следует отметить, что более чем французских войск Лондон испугался революционных идей, которые они принесли бы с собой. Правительство герцога Веллингтона опасалось, что новая война, которая могла бы начаться в случае наступательных действий Франции, «не будет похожа ни на какую другую. Сама общественная система окажется под угрозой»¹⁸².

¹⁸¹ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде 12(24) декабря 1830 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005.С.213.

¹⁸² Посол в Париже Поццо-ди-Борго вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 20 ноября (2 декабря) 1830 г.// Там же. С.174.

Теперь уже Великобритания оказалась заложницей ситуации. «Английское министерство...оказалось, в особенности в результате польских событий перед печальной альтернативой. Оно располагало точными сведениями о том, что во Франции военная партия становится все смелее и влиятельнее и больше не скрывает своего намерения в ближайшее время захватить Бельгию...»¹⁸³. Не имея собственной армии, создав баланс сил России и Франции и стараясь получить наибольшую выгоду от ситуации ослабив своих традиционных соперников, Англия внезапно оказалась перед лицом возможной агрессии Франции, не имея на руках никаких козырей, чтобы остановить ее. Понимая, что Лондон рискует пасть от руки Левиафана им же вскормленного, правительство Великобритании решило в этой ситуации обратиться к России и ее союзникам. Стараясь отныне преодолевать противоречия между двумя великими державами по отношению к бельгийскому вопросу, Лондон создавал базу для конструктивного диалога, то, чего так долго добивался Петербург. Единственным камнем преткновения между принципиальным сближением дипломатий двух держав оставался вопрос о независимости Бельгии. Учитывая сложившуюся ситуацию, Петербург принял решение пересмотреть свое отношение к созданию государства независимого от Нидерландского Королевства.

Перечисленные факторы вынудили петербургский кабинет пересмотреть свое отношение к идее независимой Бельгии. Как уже упоминалось, для Николая I сохранение Бельгии в рамках единого с Голландией государства, являлось лишь способом достижения более глобальной цели – сохранения имеющегося внешнеполитического расклада сил, как незыблемого результата Венских соглашений 1815 года. Однако, когда через месяц работы конференции, Николаю I стали известны вышеперечисленные факторы, мешавшие сохранению Бельгии в составе Нидерландского королевства, русский император изменил свою точку

¹⁸³ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде 12(24) декабря 1830 г.//Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.214.

зрения. «Он (Николай I – прим.М.М.) сможет согласиться на полное отделение Бельгии от Голландских владений...»¹⁸⁴.

Стараясь сохранить целостность Нидерландского королевства, Петербург осложнял свое сближение с Великобританией. Тем более что и Берлин, и Вена в сложившейся ситуации склонились принять предложения Лондона. «...после того как не только британские министры, но и уполномоченные венского и берлинского дворов начали громко сетовать на упрямство России, мы, тщательно все взвесив, согласились, наконец, не без глубокого сожаления, принять тот образ действий, на котором они настаивали»¹⁸⁵.

8/20 декабря 1830 года в Лондоне был подписан протокол об отделении Бельгии от Голландии. «Создавая Нидерландское королевство договорами 1814 и 1815 гг., державы ставили себе целью обеспечить справедливое равновесие и всеобщий мир в Европе. Событий показали, что согласия и единства между Бельгией и Голландией достичь не удалось и не удастся. Необходимо искать другие пути достижения указанной цели. Отделение Бельгии от Голландии не освобождает первую от выполнения своей части международных обязательств. Конференция займется выработкой новых соглашений, обеспечивающих сочетание будущей независимости Бельгии с интересами и безопасностью других государств»¹⁸⁶.

Таким образом, русская дипломатия за месяц проведения конференции претерпела изменения. Справедливо полагая, что Бельгия в текущем ее состоянии не могла выполнять возложенные на нее задачи, Петербург отказался от принципа территориальной целостности Нидерландского королевства. «Мы сочли...что наше положение изменилось и наш долг

¹⁸⁴ Циркулярная депеша вице-канцлера К.В.Нессельроде дипломатическим представителям за границей. 11(23) декабря 1830 г. //Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005.С.202.

¹⁸⁵ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде 12(24) декабря 1830 г.//Там же. С.213.

¹⁸⁶ Протокол конференции уполномоченных России, Австрии, Великобритании, Пруссии и Франции. Лондон 8 (20) декабря 1830 г.// Там же. С.196.

состоит в том, чтобы отсрочить войну с Францией предотвратить разрыв с Англией и не вызвать охлаждения в отношениях с Пруссией и Австрией»¹⁸⁷.

При принятии подобного решения особенно подчеркивалось, что речь не идет о смене стратегических векторов во внешней политике Российской империи, меняется только средство их достижения. «...мы высказываем мысль об отделении Бельгии, но подчеркиваем, что Бельгия, будучи отделена от Голландии, все равно должна выполнять свои обязательства перед Европой, а это в представлении английского министерства – и в нашем тоже – означает, что она будет по-прежнему служить барьером против Франции»¹⁸⁸.

Однако было очевидно, что самостоятельной Бельгии будет сложно, а, скорее всего, невозможно противостоять французской агрессии. Поэтому страны-союзницы признавали за собой право в будущем определять внешнюю политику и статус Бельгии. «Наконец, открывая перед ней перспективу будущей независимости, мы оставляем за собой право согласовать ее с положениями договоров...с безопасностью других держав (важный пункт, который необходимо было включить) и с сохранением европейского равновесия (постановление, имеющее целью официально исключить всякую мысль о содействии завоевательным планам Франции)»¹⁸⁹.

1.4. Политика Петербурга в ходе работы Лондонской Конференции.

Принятые Лондонской конференцией решения от 8/20 декабря 1830 года о создании независимого от Нидерландского королевства государства имели огромное значение для решения бельгийского кризиса. Однако, по сути, это решение было сугубо политическим, отражавшим отношение стран-участниц конференции к новому бельгийскому государству. Дальнейшие

¹⁸⁷ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде 12(24) декабря 1830 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005.С.213.

¹⁸⁸ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде 12(24) декабря 1830 г.// Там же. С.213-214.

¹⁸⁹ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде 12(24) декабря 1830 г.// Там же..С.214.

усилия конференции были направлены на выработку конкретных механизмов безболезненного разделения нидерландского королевства.

Наметившееся сближение между Великобританией и Российской империей на основе совместной заинтересованности в недопущении усиления Франции нашло свое развитие и в политике лорда Пальмерстона, сменившего герцога Веллингтона на посту министра иностранных дел. С новым министром Петербург связывал большие надежды на дальнейшее укрепление и развитие русско-английских отношений. «Поэтому е.в-во с глубоким удовлетворением восприняло известие о том, что английское министерство возглавили люди, известные ему своей лояльностью и талантами, способные, как представляется, оценить все преимущества, которые Европа может извлечь из полного согласия во взглядах и действиях между ними и императорским кабинетом»¹⁹⁰.

Но несмотря на общность интересов, в политике Петербурга и Лондона было много различий, которые демонстрировали все увеличивающиеся расхождения в внешнеполитических ориентирах двух стран, которые некогда были основательницами Четверного союза. Одним из основных различий был так называемый принцип невмешательства, который был центральным во внешнеполитической линии Великобритании и Франции. Пресса Франции и Англии противопоставляла свои страны, якобы стремящиеся не вмешиваться во внутренние дела других стран, странам Священного союза¹⁹¹. Долгое время русской дипломатии удавалось избегать обсуждения с Лондоном «принципа невмешательства», однако новый министр иностранных дел Великобритании был решительно настроен привлечь Петербург на свою сторону. «По мнению лорда Пальмерстона, изложенного в его депеше, ничто так не способствовало бы сохранению мира, как принцип невмешательства, если бы он был общепризнан и принят всеми державами по примеру Франции и Англии»¹⁹². Но подобное мнение министра иностранных дел Великобритании никак не совпадало ни с

¹⁹⁰ Вице-канцлер К.В.Нессельроде послу в Лондоне Х.А.Ливену 19 (31) января 1831 года// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005С.240.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же.

мнением императора Николая I, ни с политическим курсом, проводимым русской дипломатией. Несмотря на то, что главной задачей русской внешней политики того периода было сохранение прочного мира и соблюдение договоров его обеспечивающих, «принцип невмешательства» рассматривался не как способ сохранения мира, но напротив как способ сковывания сил, стремящихся к стабильности, перед лицом возможной агрессии. «Если бы принцип невмешательства был свидетельством независимости других правительств, император первым бы безоговорочно и искренне поддержал бы его. Но не станем закрывать глаза на то, что этот принцип в последнее время провозглашался с такой необыкновенной горячностью вовсе не из уважения к независимости правительств, а из ненависти к ним»¹⁹³.

Как уже было отмечалось, после декабрьского решения о признании независимости Бельгии необходимо было создать механизм безболезненного разделения Нидерландского королевства. К январю 1831 года основные принципы подобного разделения были оговорены, и 8 января был подписан протокол, который послужил основой для всех дальнейших решений. Согласно этому протоколу, еще раз подтверждался вечный нейтралитет Бельгии, очерчивались контуры ее границ. Особо подчеркивалось, что «конференция заявляет о твердой решимости стран-участниц при решении бельгийского вопроса не стремиться к расширению собственной территории или получению односторонних выгод»¹⁹⁴. Также страны-участницы конференции заявили, что все они являются странами-гарантами территориальной целостности, независимости и вечного нейтралитета Бельгийского государства¹⁹⁵. Территориально Бельгия теряла Восточную Фландрию, Маастрихт, Люксембург. Не был обойден вниманием и вопрос государственного долга Нидерландского королевства. Согласно решению конференции Бельгия была обязана выплатить 16/31 голландского долга.

¹⁹³ Вице-канцлер К.В.Нессельроде послу в Лондоне Х.А.Ливену 19 (31) января 1831 года// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.241

¹⁹⁴ «Протокол конференции уполномоченных России, Австрии, Великобритании, Пруссии и Франции. 8(20) января 1831 г.//Там же. С.236.

¹⁹⁵ Там же.

В результате этих решений был создан механизм отделения Бельгии от Нидерландского королевства. При этом главная задача русской дипломатии была выполнена: удалось предотвратить войну в Европе и сохранить статус Бельгии как оборонительной системы Европы против Франции, ведь по решению от 8 января, Франция фактически отказывалась от своих притязаний на Бельгию, а любая ее агрессия против Брюсселя обернулась бы для нее войной с четырьмя сильнейшими государствами Европы. Все это способствовало положительной оценке роли Лондонской конференции в этот период времени: «...конференции, учрежденной в Лондоне для определения будущей судьбы Бельгии, удалось если не исключить, то отдалить вероятность континентальной войны...»¹⁹⁶.

Создание механизма разделения Бельгии и Голландии было важным шагом к решению Бельгийского кризиса, однако было необходимо сделать еще один, возможно, более сложный шаг. А именно, получить согласие обеих сторон с основами разделения.

Согласие голландского монарха удалось получить достаточно быстро. Уже 18 февраля 1831 года нидерландские уполномоченные заявили о «полном и безоговорочном присоединении своего государя к основам разделения»¹⁹⁷. Казалось, что конференция находится всего в одном шаге от успеха, осталось получить согласия бельгийской стороны, но в этом вопросе возникли большие сложности.

Формально власть в Бельгии принадлежала Национальному конгрессу, который с 10 ноября 1830 года заседал в Брюсселе (из-за чего часто в документах фигурирует как Брюссельский конгресс). С самого начала своей работы Национальный конгресс занял враждебную позицию по отношению к деятельности Лондонской конференции, пытаясь оспорить сам факт вмешательства иностранных держав во внутренние, по их мнению, дела страны. В результате отношения между участниками конференции и

¹⁹⁶ Вице-канцлер К.В.Нессельроде посланнику в Неаполе Г.О.Штакельбергу, посланнику в Риме Г.И.Гагарину, посланнику в Турине И.И.Воронцову-Дашкову и поверенному в делах во Флоренции А.М.Горчакову. 12 (24) апреля 1831 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.310.

¹⁹⁷ Комментарии к Личному письму полномочного министра в Лондоне А.Ф.Матушевича вице-канцлеру К.В.Нессельроде 15(27) июня 1831 года.// Там же. С.386.

конгрессом стали весьма напряженные. «Мы не сможем согласиться с тем, что мнения мятежников, составляющих так называемый Брюссельский конгресс, есть выражение желания всей нации»¹⁹⁸. Однако участники Лондонской конференции не могли не считаться с мнением депутатов конгресса, так как фактически это была единственная организация, обладавшая политической волей и властью в Бельгии на тот момент. Это понимали и депутаты Национального конгресса, для них было очевидно, что если страны-участницы Лондонской конференции хотят решить бельгийский кризис мирным путем, они будут искать соглашения с конгрессом. В результате депутаты решили рискнуть и не приняли невыгодные, по их мнению, для Бельгии основы разделения.

Подобное решение возмутило участников Лондонской конференции. «Неужели только ради того, чтобы удовлетворить наглые притязания преступников, ввергших свою страну в пучину бедствий, пять держав должны отказаться от основ урегулирования...»¹⁹⁹. Еще более были возмущены участники конференции, когда депутаты Брюссельского конгресса на очередном заседании вновь отвергли предложенные им основы разделения и снова заявили о недопущении вмешательства европейских держав в политику страны, в то время как король нидерландского королевства без излишних пререканий подписал протокол конференции. Очень важно было для стран-участниц конференции выступить перед столь откровенным пренебрежением их постановлениями единым политическим блоком. Этому способствовало сближение позиций Петербурга и Лондона, которые, несмотря на значительные, иногда фундаментальные, различия в своей политике, смогли выработать совместный ответ на заявления Национального конгресса. Уровень взаимодействия между русскими и английскими представителями настолько возрос, что министерство лорда Пальмерстона было готово поддержать достаточно резкие предложения конференции Национальному конгрессу. «...важный документ, столь

¹⁹⁸ Вице-канцлер К.В.Нессельроде послу в Лондоне Х.А.Ливену 19 (31) января 1831 года//Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.242.

¹⁹⁹ Там же

откровенно принятый британским кабинетом, действительно позволяет нам особо не настаивать в Лондоне на поддержке решений конференции, касающихся Бельгии»²⁰⁰.

В разработке проектов принуждения бельгийцев подписать основы разделения страны участники конференции намеревались действовать исключительно мирными путями. Дипломаты были уверены, что экономические и политические меры будут намного эффективнее в отношении восставших бельгийцев, чем вооруженное вмешательство. «Если мы откажемся признавать постановления Брюссельского конгресса, объявив ему, что пять держав оставляют Бельгию на произвол судьбы – той судьбы, которая уготована ей конгрессом, не станем мешать нидерландскому королю осуществлять его права в отношении судоходства по Шельде – разве это не поставит бельгийцев в такое положение, когда они сами в конечном счете будут вынуждены просить об урегулировании, которое сегодня в ослеплении резко отвергают?»²⁰¹.

В результате в качестве ответа на обвинения в незаконности решений конференции 7 (19) февраля 1831 года был подписан новый протокол. В нем подробно анализировались с точки зрения международного права решения, которые были приняты на Лондонской конференции. Все возражения со стороны Брюссельского конгресса относительно территориальных границ Бельгии и размеров внешнего долга были признаны необоснованными. Особо подчеркивалась, что единственно возможным условием, при котором страны признают независимость Бельгии от Нидерландского королевства, это признание ею положений протокола конференции от 8 (20) января 1831 года²⁰².

Совместные действия Великобритании и России позволили конференции вести диалог с Брюссельским конгрессом с позиции силы. Бельгия не могла долгое время быть в изоляции, ее экономика была

²⁰⁰ Вице-канцлер К.В.Нессельроде послу в Вене Д.П.Татищеву. 12(24) апреля 1831 года.//Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.307.

²⁰¹ Вице-канцлер К.В.Нессельроде послу в Лондоне Х.А.Ливену 19 (31) января 1831 года//Там же. С.242.

²⁰² Протокол конференции уполномоченных России, Австрии, Великобритании, Пруссии и Франции. Лондон 7 (19) февраля 1831 г.//Там же. С.261.

ориентирована на внешние рынки, требовалось свободное судоходство, всего этого страна была лишена до признания ею основ разделения с Голландией. Дипломатическое давление на Бельгию могло быть эффективно лишь при условии общности позиций Великобритании и России. Казалось, что долго Бельгией не выдержит подобной совместной дипломатической атаки и примет основы разделения. Однако неожиданно для Петербурга в середине апреля 1831 года позиция Великобритании резко изменилась. Вместо отстаивания принципов, выработанных конференцией, и сохранения единства стран-участниц Лондон начал вести сепаратные переговоры с депутатами брюссельского конгресса.

Исключительно действиями Великобритании можно объяснить принятие конференцией протокола от 9 (21) мая 1831 года. Кроме всего прочего по этому протоколу изменялась в соответствии с пожеланиями бельгийцев граница нового государства, в частности Бельгии передавался Люксембург²⁰³. Русские представители не имели возможности как-то помешать подобной английской инициативе.

Причины подобной перемены в английской внешней политике русские дипломаты объясняли внутренними политическими интригами в правительстве Великобритании. Главными действующими лицами этой интриги были лорды Грей и Дерхем, которые боролись за власть с лордом Пальмерстоном и противодействовали его инициативам в разрешении бельгийского кризиса. Весьма красноречива характеристика лорда Дерхема, данная ему русским представителем на конференции А.Ф.Матушевичем: «прирожденный носитель духа зла», которого отличает «безудержная ненависть к иностранным державам и жажда мести, которая никогда его не оставит»²⁰⁴. По словам русского дипломата, лорд Дерхем проводил тайные переговоры с бельгийскими бунтовщиками, обещая им помощь и поддержку своего кабинета: «...здесь же велись тайные переговоры с бельгийскими

²⁰³ Протокол конференции уполномоченных России, Австрии, Великобритании, Пруссии и Франции. Лондон 9(21) мая 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар. отношения, 2005. С.336.

²⁰⁴ Личное письмо полномочного министра в Лондоне А.Ф.Матушевича вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 15(27) июня 1831 г. // Там же. С.379.

депутатами, тайно прибывшими из Брюсселя. Их претензии поощрялись...»²⁰⁵. Кроме того, открыто саботировалась деятельность лорда Пальмерстона на конференции, произошел отказ от всех обещаний, ранее данных нидерландскому монарху. «Решения, согласованные накануне с лордом Пальмерстоном, постоянно отклонялись на следующий же день советом министров. В конце концов, главный государственный секретарь получил определенное указание уступить бельгийцам по всем пунктам, не обращая никакого внимания на обязательства, принятые в отношении Голландии...».²⁰⁶ В ходе подобного резкого поворота в своей внешнеполитической линии Великобритания фактически свела на нет все шестимесячные усилия конференции. Осознав собственную безнаказанность, бельгийские депутаты отказались принять основы разделения даже на новых условиях, с передачей им Люксембурга. Нидерландский король также начал сомневаться в целесообразности проведения конференции, тем более после того, как английские дипломаты попытались принять новый проект разделения государств без участия нидерландских представителей. «...лондонский кабинет попытался навязать нам проект договора, прямо противоречивший во многих своих частях основам разделения, и пожелал (я краснею за него, когда об этом думаю), чтобы этот проект был принят нами без предварительного представления его нидерландским уполномоченным»²⁰⁷. Лишь требование русских дипломатов привлечь голландских представителей к обсуждению соглашения заставило Лондон ознакомить их с новым проектом.

Этим проектом являлся 26-й протокол Лондонской конференции, содержащий «новые пути к примирению Бельгии и Голландии»²⁰⁸. Договор состоял из 18 статей и был максимально выгодным для Бельгии. Бельгия получала в свое пользование большие территории, государственный долг,

²⁰⁵ Личное письмо полномочного министра в Лондоне А.Ф.Матушевича вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 15(27) июня 1831 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005.С.380.

²⁰⁶ Там же

²⁰⁷ Там же

²⁰⁸ Протокол конференции уполномоченных России, Австрии, Великобритании, Пруссии и Франции. Лондон. 14 (26) июня 1831 г.//Там же. С.373.

который Брюссель должен был выплатить, пересмотрели, требовалось лишь выплатить государственный долг Бельгии до 1815 года, а долг Нидерландского королевства был разделен поровну. Подобные решения были столь же выгодны для Бельгии, сколь невыгодны для Нидерландского монарха. Принимая во внимание тот факт, что он поддержал решение конференции о независимости Бельгии, подписал первый вариант основ разделения стран, он надеялся на справедливость конференции по отношению к его стране. Но конференция, увлекаемая Лондоном, предпочла задабривать подачками бельгийских депутатов, и в результате была воссоздана конфликтная ситуация годичной давности. Девятого июля Брюссельский конгресс принял 18 статей, однако нидерландский монарх отказался это сделать.

Русская дипломатия, осознавая всю опасность пути, на который перешел процесс урегулирования бельгийского кризиса, тем не менее не могла ничего изменить. Единственное что оставалось в этой ситуации стараться сохранить лицо. Усилиями А.Ф.Матушевича на конференции была принята нота русской делегации, посредством которой Петербург заявил: «1) что присоединяется к желаемым Англией договоренностям исключительно с целью сохранения согласия в лоне конференции, 2) что наше присоединение не должно нанести никакого ущерба прямым и частным интересам России, которые связаны с разделением Голландии и Бельгии»²⁰⁹. Брюссельские депутаты настолько осмелели в своих требованиях, что практически не считались не только с позицией России, но, как показали дальнейшие события, и с объективным раскладом сил. Обычно весьма спокойный в своих письмах А.Ф.Матушевич не мог скрыть своего негодования: «Заседания меня истощили, и бельгийцы уже, возможно, отняли у меня не один год жизни. Пусть Вам никогда не доведется иметь с ними дела»²¹⁰.

²⁰⁹ Личное письмо полномочного министра в Лондоне А.Ф.Матушевича вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 15(27) июня 1831 г.//Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005.С.382.

²¹⁰ Личное письмо полномочного министра в Лондоне А.Ф.Матушевича вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 15(27) июня 1831 г.//Там же. С.383.

Однако расхождения в политических курсах Петербурга и Лондона начались несколько раньше политических интриг в английском правительстве, и были связаны с кандидатурой будущего бельгийского короля.

Вопрос избрания нового короля был непосредственно связан с признанием государства, поэтому Брюссельский конгресс был заинтересован в кандидатуре с сильной международной поддержкой. Вот почему, даже не смотря на то, что на определенных этапах рассматривались десятки кандидатур, реальными шансами на признание в Европе обладали лишь два кандидата – кандидат Российской Империи принц Оранский и кандидат Великобритании принц Леопольд Саксен-Кобургский.

Принц Оранский был сыном короля Нидерландов, представителем Нассауского дома. С революцией в Бельгии популярность Нассауского дома резко падала, однако Петербург был уверен в том, что избрание принца Оранского послужит как для внутреннего развития Бельгии, так и для ее скорейшего признания в Европе. Русская дипломатия исходила из того, что при разрыве территориального единства Нидерландского королевства, было необходимо сохранить его экономическое пространство, так как бельгийской экономике нужна была крепкая внешняя опора. «Все бельгийцы, искренне желающие подлинной независимости своей родины и ее благоденствия, начинают осознавать, что для того, чтобы прочно встать на ноги, ей нужно опереться на Голландию...»²¹¹. Следует отметить, что подобные предложения не являлись какими-то теоретическими предположениями, а имели совершенно ясное воплощение в жизни: «...принц Нассауского дома, скорее, чем кто либо другой, обеспечит ей такую поддержку и что только он может добиться от нидерландского короля льгот в области судоходства и торговли, без которых Бельгия...рискует остаться без рынков для своей промышленности и без выхода для своей сельскохозяйственной

²¹¹ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 12 (24) декабря 1830 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.214.

продукции»²¹². Что касается внешнеполитического положения Бельгии, то по мнению русских дипломатов: «принц Оранский один только может примирить все интересы и создать для Бельгии такое положение, какое она должна занимать, обеспечив ей союз...»²¹³.

Однако, несмотря на столь явные выгоды от избрания королем Бельгии принца Оранского, было очевидно, что сильная оппозиция этому решению внутри страны может нивелировать все плюсы. Не исключалась возможность ухудшения ситуации внутри Бельгии и даже переход ее под власть Франции в результате избрания принца. «С другой стороны, поскольку значительная часть Бельгии еще не приемлет мысли о возвращении принца Нассауского дома...выбор принца Оранского может разжечь пожар гражданской войны...новые волнения не замедлят превратить Бельгию во французскую колонию».²¹⁴

Понимая, какое значение будет иметь выбор кандидата на роль бельгийского короля, Петербург исходил из необходимости решить этот вопрос в согласии с бельгийцами и без применения силы. «Речь идет не о том, чтобы навязать бельгийцам государя...».²¹⁵ Стремление поставить во главе Бельгии принца Оранского было продиктовано не столько желанием Николая I оставить Бельгию под властью Нассауской династии, сколько очевидной необходимостью, так как, с точки зрения России, это «...династия, которая одна только может обеспечить этой стране условия, необходимые для ее существования, и сочетать таковое с сохранением всеобщего мира»²¹⁶.

Но дальнейшее развитие событий показало невозможность исполнения плана Петербурга. Во-первых, число сторонников принца Оранского внутри Бельгии уменьшалось. «Не подлежит сомнению, что события, разыгравшиеся в последнее время в Брюсселе и некоторых других бельгийских городах,

²¹² Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 12 (24) декабря 1830 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.214.

²¹³ Там же

²¹⁴ Там же. С.212.

²¹⁵ Вице-канцлер К.В.Нессельроде послу в Лондоне Х.А.Ливену 19 (31) января 1831 года//Там же. С.242.

²¹⁶ Вице-канцлер К.В.Нессельроде послу в Лондоне Х.А.Ливену. 27 апреля (9 мая) 1831 г.//Там же. С.321.

уменьшаю шансы Оранского дома»²¹⁷. И что наиболее важно, влияние принца Оранского падало из-за того, что Великобритания всеми способами пыталась посадить на бельгийский престол принца Леопольда. В конечном итоге протоколом от 9 (21) мая 1831 г. конференция одобрила кандидатуру принца Леопольда в качестве кандидата на бельгийский престол. Не имея фактических возможностей для защиты интересов своего кандидата, Петербург был вынужден смириться.

Кандидатура принца Леопольда Саксен-Кобургского была выдвинута и пользовалась поддержкой Лондона. Фактически принц Леопольд олицетворял собой альтернативный путь будущего развития Бельгии. Если избрание принца Оранского означало бы сохранения Брюсселя в сфере экономического влияния Голландии, а также перспективу для сохранения Четверного союза с целью защиты Бельгии, то избрание принца Леопольда значило бы включение этой страны в сферу экономического и политического влияния Великобритании. Кроме того, Великобритания планировала обеспечить защиту бельгийской независимости, женив принца на одной из дочерей короля Франции Луи-Филиппа, что, по сути, означало бы ненужность существования стран Четверного Союза (в этом случае, Париж являлся бы по отношению к Бельгии не агрессором, а защитником). Петербург резко высказался против кандидатуры английского ставленника. Негативное отношение Петербурга к принцу Леопольду может показаться удивительным на первый взгляд, так как прошлое принца Леопольда было связано с Россией. До своей женитьбы на дочери английского принца-регента Леопольд Саксен-Кобургский служил в русской армии, участвовал в Наполеоновских войнах, свидании в Эрфурте, битве при Лейпциге. Однако в 1830 году, уже будучи членом английской королевской семьи, он нанес тяжкое оскорбление Николаю I, отказавшись принять корону Греции. Но, кроме этого, были и другие более объективные причины, которые определяли негативное отношение Петербурга к кандидатуре принца Леопольда.

²¹⁷ Вице-канцлер К.В.Нессельроде послу в Лондоне Х.А.Ливену. 27 апреля (9 мая) 1831 г.//Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.321

Во-первых, русским дипломатам не нравилась идея женить принца Леопольда на дочери короля Франции. «...французская принцесса – это слишком тесные узы с Францией ввиду общности религии и языка, отношений с королевским двором и, главное, революционных связей»²¹⁸. Во-вторых, Петербург считал невозможным эффективное существование бельгийского государства без экономических связей с Голландией, а принц Леопольд не подходил на роль главы государства, способного установить подобную связь. «Комбинация с принцем Леопольдом всегда представлялась мне ошибочной. Единственное средство исправить ее недостатки состоит в утверждении между Голландией и Бельгией прочной связи, основанной на взаимных интересах и торговле. Однако вместо того, чтобы установить эту связь, Англия делает ее почти невозможной и оставляет принца Леопольда в одиночестве...»²¹⁹. В-третьих, в Петербурге опасались, что принц Леопольд, не имея реальных экономических и политических рычагов влияния на ситуацию в Бельгии, рискует потерять контроль над развитием событий, что поставило бы Европу на грань новой войны. «Восшествие принца Леопольда на престол, который падет едва ли не прежде, чем будет воздвигнут, по всей вероятности, может стать лишь прелюдией к войне или французскому господству»²²⁰.

Несмотря на категоричную позицию русских дипломатов, они были не в силах реально повлиять на ситуацию. Дело в том, что принц Леопольд пользовался поддержкой со стороны уже упомянутых лорда Дерхема и лорда Грея, противодействующих работе конференции и процессу мирного урегулирования конфликта. В результате решением конференции от 9 (21) мая 1831 г. принц Леопольд Саксен-Кобургский был признан кандидатом на бельгийский престол. Русский представитель на конференции А.Ф.Матушевич следующим образом охарактеризовал это событие: «Вот куда, мой дорогой граф, завели нас переговоры, самые неблагодарные из

²¹⁸ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде 12 (24) декабря 1830 г.//Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.214

²¹⁹ Личное письмо полномочного министра в Лондоне А.Ф.Матушевича вице-канцлеру К.В.Нессельроде 15 (27) июня 1831 г.//Там же. С.382

²²⁰ Там же

всех, что когда-либо имели место»²²¹. Как видно, оценка эффективности конференции в июне, по сравнению с апрельской, резко поменялась в отрицательную сторону.

4 июня Национальный конгресс Бельгии проголосовал за кандидатуру принца Леопольда и принял программу из 18 пунктов, а 21 июля принц въехал в Брюссель и поклялся на конституции Бельгии в верности, став бельгийским королем Леопольдом I. Однако король Голландии не был согласен с программой из 18 пунктов. Более того, фактическое предательство интересов его страны со стороны Лондонской конференции вынудило его начать военные действия. Сам король объяснял подобное свое решение необходимостью защищать исконные земли своего королевства и тем, что бельгийцы первыми отказались принимать программный документ по разграничению территории – январскую программу разделения. «...е.в-во принял решение подкрепить эти переговоры вооруженными средствами и демонстрациями, которые он счел необходимым, в связи с последними событиями в Бельгии и заключающей в себе посягательство на исконные голландские земли присягой принца Леопольда на конституции»²²².

Следует отметить, что целью военных действий было не присоединение Бельгии, не уничтожение Брюссельского конгресса и основ суверенитета, а признание королем Леопольдом и участниками Лондонской конференции необходимости справедливых принципов разделения, таких, как январская программа. «он (король Голландии – *прим.М.М.*) намерен поддержать свои прежние протесты, которыми он сохранял за собой право – если только бельгийцы немедленно не примут основ разграничения – добиваться достижения этой цели теми средствами, какие он сочтет наиболее соответствующими его достоинству и интересам»²²³.

Для участников Лондонской конференции подобное развитие событий оказалось полной неожиданностью. Представители пять дворов в Гааге

²²¹ Личное письмо полномочного министра в Лондоне А.Ф.Матушевича вице-канцлеру К.В.Нессельроде 15 (27) июня 1831 г.//Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005.С.383

²²² Посланник в Гааге Н.Д.Гурьев вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 21 июля (2 августа) 1831 г.//Там же. С.427.

²²³ Там же

потребовали от голландского короля объяснений. В ответ королевский министр барон Верстольт де Сулен высказал им все накопившиеся претензии свое короля к Лондонской конференции. «Он начал с изложения нам прежних претензий короля, вызванных ходом конференции с самого начала переговоров, а также обстоятельствами сопровождающими отъезд принца Леопольда из Лондона, его прибытие в Брюссель и его коронацию»²²⁴. По его словам, после последних решений конференции король совершенно потерял веру в способность дипломатов решить бельгийскую проблему, и он твердо убежден, что: «устранение разногласий между Голландией и Бельгией может быть достигнуто только с помощью принудительных мер, к которым явно отказывались прибегнуть державы, жертвующие всем ради мира»²²⁵. При этом подчеркивалось, что «е. в-во (его величество – прим.М.М.) взялся за оружие с единственной целью добиться выполнения обязательств, согласованных пятью державами и гарантированных ими»²²⁶. Кроме того, король отказывал державам в дальнейшем праве распоряжаться судьбой его королевства, «и посему речь идет совершенно не о европейском вопросе, касающемся независимости или суверенитета Бельгии, а о деле сугубо голландском и внутреннем»²²⁷.

Интересна оценка, которую дал подобным действиям Нидерландского короля русский представитель в Гааге Н.Д.Гурьев: «Тягостно, но необходимо признать, что его уступчивость не была увенчана справедливым вознаграждением, на которое он имел право надеяться, при поддержке своих союзников»²²⁸. Но, вместе с тем, по мнению дипломата, военные действия были слишком большим риском. «Однако, отвлекаясь от общеевропейских обстоятельств и всецело признавая законную обоснованность его претензий, мы все же задаемся вопросом, не вернее ли он добился бы успеха, проявив

²²⁴ Посланник в Гааге Н.Д.Гурьев вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 21 июля (2 августа) 1831 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005.С.427.

²²⁵ Там же

²²⁶ Там же

²²⁷ Там же

²²⁸ Там же

чуть больше выдержки, нежели начав рискованную игру, непредсказуемые последствия которой могут вновь обернуться против него и его страны»²²⁹.

Таким образом, можно констатировать, что за полгода работы конференции, прошедших с момента принятия в декабре 1830 года принципиального решения о необходимости разделения Нидерландского королевства, не удалось добиться значительного продвижения в вопросе мирного отделения Бельгии. Напротив, страны-участницы конференции столкнулись с ситуацией годичной давности, когда между силами национального конгресса и регулярной армией голландского монарха велись боевые действия. Принятые конференцией решения о признании королем Бельгии принца Леопольда и о принятии программы разделения – договора в 18 статьях - лишь повысили градус напряженности и позволили королю Нидерландов Вильгельму I возобновить боевые действия.

Исходя из того, что одной из главных задач русской дипломатии на лондонской конференции была задача сохранения мира, можно считать, что полгода, прошедшие с декабрьского решения о создании нового государства, были не самым удачным периодом для русских дипломатов. Однако истинной причиной кризиса августа 1831 года была политика Лондона. Отказ от своих прежних обещаний, откровенное лоббирование интересов брюссельского конгресса, происходившие на фоне политических интриг в правительстве Великобритании, вылились в столкновения русских и английских интересов по вопросам кандидатуры бельгийского короля и определения основ разделения Бельгии и Голландии. Х.А.Ливен и А.Ф.Матушевич, учитывая настойчивое требование Николая I стремиться к согласованию позиций стран Четверного союза и понимая, что лишь подобная консолидация может заставить Францию забыть о своих планах по захвату бельгийских территорий, были вынуждены согласиться с предложениями Лондона и поддержали кандидатуру принца Леопольда и проект договора из 18 пунктов. При этом послы, объясняя Петербургу

²²⁹ Посланник в Гааге Н.Д.Гурьев вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 21 июля (2 августа) 1831 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005.С.428.

ситуацию, отметили, что они были вынуждены поступить так, чтобы не допустить разрыва с Великобританией.

Принятие программы из 18 пунктов, разработанной Лондоном с учетом пожеланий брюссельского конгресса, стало тем поворотным моментом, когда конференция утратила контроль за развитием кризиса. Почувствовав свою безнаказанность, бельгийцы не стали добровольно отказываться от преимуществ, получаемых по программе из 18 пунктов, а нидерландский монарх перестал верить в способность конференции разрешить кризис. Логическим итогом кризиса Лондонской конференции, произошедшего вследствие политики Великобритании, стала бельгийско-голландская война 1831 года.

1.5. Создание Бельгии и позиция Петербурга.

Нидерландский монарх, разуверившись в возможностях конференции защитить интересы Голландии и нарушив перемирие с бельгийскими революционерами, пошел на крайний риск. С одной стороны, бельгийцы были не готовы к внезапным активным действиям голландской армии. Принц Леопольд, лишь недавно вставший во главе Бельгии, еще не имел реальной власти, на которую он мог бы опереться. С другой стороны, подобный акт неприкрытой агрессии шел вразрез с обещаниями, которые взял на себя голландский монарх, и даже несмотря на то, что формальный повод к войне у него был, реакцию стран-участниц конференции предсказать заранее было бы невозможно.

В Лондоне не ожидали возобновления военных действий, и последовавшее за ними изменение обстановки требовало времени для выработки новых решений. Голландская армия между тем развивала наступление на Брюссель. Лондонский кабинет, который во многом строил свою внешнеполитическую линию на спекуляции возможным началом войны в Европе, неожиданно для себя оказался непосредственно перед лицом подобной опасности. Было очевидно, что одними уговорами, как раньше, остановить голландского монарха не удастся, что нужен скоординированный ответ, но ни в Пруссии, ни в Австрии, ни в России главы государств не

имели желания мешать королю Голландии (ведь фактически он защищал целостность своей страны в строгом соответствии с Венским соглашением 1815 года и договоренностями, достигнутыми в январе 1830 года). Кроме того, не было возможности сделать это (войска всех трех дворов были заняты борьбой с мятежниками в Польше и Италии). Сама Англия не могла оперативно воздействовать на короля Вильгельма. Даже на то, чтобы провести военную демонстрацию силами флота, могло не хватить времени. Всю сложность ситуации осознавали не только в Лондоне, но и в Брюсселе, которому непосредственно угрожала опасность оказаться полем битвы в самое ближайшее время.

Голландские войска имели решающий перевес не только в количестве войск (всего голландская армия насчитывала 70 000 человек против 35-40 000 человек в бельгийской армии), но и в организации ведения боя и в дисциплине. Пребывая в полной уверенности в том, что независимость Бельгия защищена обещаниями Лондонской конференции, бельгийское правительство не озаботилось подготовкой страны к обороне, хотя перерыв в боевых действиях длился не менее полугода. Бельгийская армия была до крайней степени плохо оснащена, дисциплина была на низком уровне, неоднократно были стычки между солдатами и обираемым ими местным населением. Организационно войска делились на две пограничные армии: Маасскую, численностью до 15 тысяч человек, дислоцированную у Гассельта, и Шельдскую армию, численностью до 17 тысяч человек, дислоцированную у Антверпена. Между армиями была большая территория, незащищенная войсками. Этим и воспользовался принц Оранский, вклинившись между бельгийскими армиями и нанеся им поражения поодиночке. Через шесть дней после начала войны, 8 августа, в генеральном сражении у Гассельта, была полностью разгромлена Маасская армия. Король Леопольд, приняв командование Шельдской Армией, попытался прикрыть направление на Брюссель, однако в ходе сражения 12 августа принц Оранский смог окружить Шельдскую армию, а голландский авангард под командованием принца Саксен-Веймарского подошел к окраинам

Брюсселя. Королю и национальному конгрессу было некуда бежать. Не дожидаясь наступления подобной кризисной ситуации, король Леопольд сразу после разгрома Маасской армии принял решение обратиться за военной помощью к Франции, чьи войска стояли на границах Бельгии. Для Франции подобный запрос о помощи был настоящим подарком. Можно предположить, что осознавая, что после перемен в политике Лондона, конференция потеряла свою целостность и способность оперативно влиять на события, французское правительство во главе с Казимиром Перье могло вернуться к честолюбивым планам возвращения бельгийских территорий в состав Франции. В любом случае, получив просьбу о помощи от короля Леопольда, французские войска не заставили себя долго ждать и уже 10 августа вошли на территорию Бельгии в качестве «спасителей» от голландской агрессии. Опередив на один день голландскую армию, 13 августа 50 тысяч французских солдат вошли в Брюссель.

Главкомандующий нидерландских войск принц Оранский благоразумно решил не ввязываться в борьбу с французской армией под командованием маршала Жерара и начал поспешный отход на исходные позиции. Лишь вернувшись в Голландию, принц Оранский получил ноты Лондонской конференции с требованием немедленно прекратить боевые действия. Практически вся военная компания продлилась не более 10 дней²³⁰.

Несмотря на свою скоротечность и кажущуюся неудачность для Голландии, военная кампания оказала большое влияние на дальнейшее развитие событий. Действия нидерландского короля значительно повлияли на позицию, занимаемую британским кабинетом. Дело не в том, что впервые были подвергнуты сомнению решения конференции о прекращении огня и год дипломатических усилий по мирному разрешению бельгийского кризиса. Все недовольство со стороны Лондона действиями Нидерландского монарха отошли на второй план перед новыми опасениями по поводу политики Франции, вызванными военным вмешательством войск маршала Жерара. И

²³⁰ Большая Военная Энциклопедия в 18 томах. том 4. Сытин Л.Д. под ред. К.И. Величенко, В.Ф. Новицкого, А.В. фон Шварц и др. СПб, 1912 г. С.455–456.

хотя французское правительство поспешило загладить инцидент и как можно скорее вернуть французских солдат на родину, на участников конференции произвело впечатление и то, с какой легкостью Франция нарушила свои же принципы невмешательства, и то, как быстро французы смогли взять большую часть Бельгии в свои руки. Под впечатлением от августовских событий лорд Пальмерстон изменил свою позицию в сторону намного менее лояльного курса по отношению к бельгийским революционерам. Великобритания поддержала предложения России отказаться от июльской программы из 18 пунктов и вновь сесть за стол переговоров для выработки окончательного механизма разделения Нидерландского королевства.

Военный пыл нидерландского монарха также повлиял и на позицию русской дипломатии. Если в течение августовской скоротечной кампании симпатии Петербурга, как уже было показано, были на стороне голландских войск, то в течение сентября-октября 1830 года ситуация меняется. Виной тому послужила политика голландского короля Вильгельма, который после кампании 10 дней полагал, что военный путь решения споров с Бельгией является самым эффективным, и всячески препятствовал ведению переговоров. «Действительно, война, кажется, и является той целью, к которой направлены помыслы короля»²³¹. Петербург, стремившийся с самого начала работы конференции не допустить начала войны, крайне негативно отнесся к подобной перемене в политике голландского монарха. Но что крайне возмутило русских дипломатов, так это тот факт, что король Вильгельм добивался не новой бельгийско-голландской войны, но войны в масштабах всей Европы. «Он хочет ее развязать и втянуть в нее все державы»²³². Реакция русских представителей на конференции на подобные намерения голландского монарха была предсказуемой. «...всякий раз, когда агрессия или несправедливые притязания могли вот-вот стать причиной войны, мы заявляли о необходимости принять эту войну и вести ее самым решительным образом. Но есть большая разница между такой политикой и

²³¹ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде 9 (21) октября 1831 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.531.

²³² Там же

системой, позволяющей вовлечь себя в войну не ради каких-то национальных российских интересов, не ради национальных интересов Голландии, не ради ее чести, не ради разрешения какой-либо европейской проблемы, а из-за чьих-то личных расчетов, из-за сожаления о том, чего уже не исправишь, ради исполнения неосуществимого в данный момент желания»²³³. В результате позиция Петербурга в деле защиты интересов Голландии заметно изменилась. Не отказавшись от обещания «добиться пересмотра условий урегулирования бельгийско-голландского конфликта в пользу Голландии»²³⁴, русские дипломаты все же смягчили свою позицию по многим спорным вопросам и признали необходимость ультимативной формы нового договора как для Бельгии, так и для Голландии. Подобное изменение позиции Петербурга, совместно со стремлением Лондона не допустить повторения августовских событий и попадания Бельгии в состав Франции стали ключевыми факторами в процессе принятия заключительного решения Лондонской конференции.

При выработке нового заключительного соглашения Петербург ставил перед своими представителями на конференции следующие задачи:

«1) отвергнуть требования, выдвинутые бельгийцами на основании 18 статей от 26 июня. (Речь идет о договоре в 18-ти статьях от 26 июня 1830 года).

2) обеспечить Голландии удобные границы и превратить ее в компактное государство, способное оказать сильное сопротивление французской революции, быть опорным пунктом для Германии и, следовательно, служить одной из гарантий европейской системы;

3) Добиться для нидерландского короля территориального возмещения за часть Люксембурга, которую необходимо было уступить, чтобы улучшить границы Голландии;

²³³ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде 9 (21) октября 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.531

²³⁴ Вице-канцлер К.В.Нессельроде посланнику в Гааге Н.Д.Гурьеву Царское село, 17(29) августа 1831 г. // Там же. С.447.

4) Произвести раздел долгов таким образом, чтобы не только спасти ее (Голландии – прим.М.М.) финансы от грозящего им краха, но и предоставить ей реальные компенсации за те жертвы, на которые она пошла при создании Соединенного Нидерландского Королевства.

5) Добиться того, чтобы все эти преимущества были торжественно гарантированы ей пятью державами»²³⁵.

При анализе этих задач прекрасно видна вся трансформация позиции Российской империи по бельгийскому вопросу за год переговоров. Если в январе 1831 года Петербург был уже готов признать факт разделения Бельгии и Голландии, а страной-основой европейской стабильности вместо единого Нидерландского Королевства планировалось сделать исключительно Бельгию, то в сентябре Петербург, видимо, пытается разделить эту роль между Бельгией и Голландией. Именно этим объясняются пункты 2 и 3 в изложении целей русской дипломатии при разработке заключительного соглашения. Русские представители на конференции полагали, что при передаче Голландии Венлоо, Маастрихта, берега Мааса, части Лимбурга и всей немецкой части Люксембурга, страна «приобретает территорию более однородную, более богатую и имеющую тем большее значение, что ее легко защищать, и к тому же она облегчает оборону прежних голландских владений, которые ранее отделяла друг от друга»²³⁶. При передаче части Люксембурга из ведения Германской конфедерации во власть голландского монарха, стороны руководствовались мнением: «что при нынешнем положении дел безопасность Европы, не может зависеть от Великого герцогства Люксембургского, но зато связана с состоянием территориальных владений Голландии...»²³⁷. Тот факт, что Германская конфедерация, которая формально не принимала участия в событиях, согласилась добровольно передать часть германских земель в Люксембурге, подтверждает высказанное мнение о разделении функций оборонительной системы Европы

²³⁵ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 9 (21) октября 1831 г//Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005.С.527-528.

²³⁶ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 9 (21) октября 1831 г// Там же. С.528.

²³⁷ Там же

между Бельгией и Голландией. Германские представители заявили, что усиление Голландии «означает усиление Германии и что таким образом всякий выигрыш Голландии будет в высшей степени выгоден и для Германии»²³⁸. Таким образом, заключительный акт до некоторой степени возвращал стороны к Венскому соглашению 1815 года. Пусть и разделенное на 2 части, Нидерландское королевство должно было хранить мир в Европе.

Значительные территориальные уступки в пользу Голландии не могли быть безвозмездными. Конференция выдвинула голландскому монарху следующие требования: свободное судоходство по реке Шельда, обязательство не разорять торговлю Антверпена чрезмерными лоцманскими сборами, позволить Бельгии построить новую дорогу в направлении Ситтарда, а также не чинить препятствия бельгийским судам на водном пространстве между реками Шельда и Рейн и обращаться с ними как с голландскими судами²³⁹.

Голландскую сторону более всего не устраивали два последних требования, то есть строительство бельгийцами новой дороги и свободное судоходство бельгийских судов. Русские представители на конференции не разделяли недовольство голландских дипломатов и поддерживали предъявленные Голландии требования. Свое решение русские дипломаты объясняли следующими соображениями: возможность строительства новой дороги и само строительство - это разные вещи. Строительство новой рельсовой дороги в 30-е годы 19 века было делом недешевым и небыстрым. Русские дипломаты прекрасно понимали, что деньги на строительство дороги Бельгия, вероятнее всего, получит от Великобритании или Франции, но понимали они также, что само строительство займет не менее 10 лет, за которые многое может измениться. «Таким образом, шансы на успех весьма сомнительны и отдалены»²⁴⁰.

²³⁸ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 9 (21) октября 1831 г// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005.С. 528.

²³⁹ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 9 (21) октября 1831 г//Там же. С.530

²⁴⁰ Там же

Что касается свободного судоходства бельгийских судов, то русские дипломаты видели в этом не убыток для голландской казны, но, напротив, огромный плюс. «Но следует помнить о том, что бельгийского судоходства пока нет и еще долго не будет. Следовательно, поощрять, как это предусмотрено, торговлю между Антверпеном и Роттердамом значит поощрять голландское торговое судоходство и обеспечить ему преимущества»²⁴¹. Кроме того, русские представители совершенно справедливо напоминали голландцам, что бельгийцам разрешается свободно плавать исключительно до Рейна, таким образом, на всех речных путях «от Роттердама или Дордрехта германская торговля находится полностью в руках Голландии».²⁴² То есть и в этом пункте для Голландии было более преимуществ, чем недостатков.

Следует отметить, что «принятие положений, о которых идет речь, настойчиво требовала Англия, выдвинув его в качестве неперемennого условия своего согласия на территориальное и финансовое урегулирование»²⁴³. Интерес Великобритании к Бельгии легко объясним. Лондон хотел вовлечь новое государство в Европе в сферу своего экономического влияния. В лице молодого бельгийского государства Англия получала не только новый рынок сбыта своих промышленных товаров, но и новый путь поставки своей продукции на рынки центрально-европейских государств в обход непредсказуемой Франции и завышенных таможенных пошлин Голландии. В Петербурге прекрасно это понимали и решили использовать как разменную монету при подготовке заключительного решения конференции. В обмен на согласие русских представителей на включение указанных экономических требований к Голландии Петербург ждал от Великобритании поддержки в разрешении одного из сложнейших вопросов, а именно вопроса долга Нидерландского королевства Российской империи.

²⁴¹ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 9 (21) октября 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005.С.530.

²⁴² Там же

²⁴³ Там же

Сложность этого вопроса главным образом заключалась в том, что в договоре между Российской империей и Нидерландским королевством просто не было статей, регулирующих выплату долга в случае разделения страны не в результате иностранного вторжения. Пользуясь этим, бельгийские представители неоднократно давали понять, что не считают Бельгию ответственной за действия нидерландского монарха, который на русские деньги строил крепости в бельгийских землях, а значит и долг платить они не собираются. Возложить же весь долг на Голландию значило ввергнуть страну в экономический кризис. Петербург не только не хотел таких последствий, но более того, полагал, что Голландия вправе получить компенсацию за те жертвы, на которые государство пошло ради объединения с Бельгией, и тратя 15 лет ресурсы на повышение обороноспособности страны. Без поддержки Великобритании было бы трудно навязать бельгийцам невыгодные для них условия. Заручившись же поддержкой Лондона, русские представители в результате сложных переговоров пришли к соглашению, в результате которого долг делился примерно поровну между Голландией и Бельгией, однако на Бельгию были возложены еще дополнительные отчисления в пользу Голландии²⁴⁴.

При выработке заключительного соглашения русская дипломатия столкнулась с очередным препятствием. Когда казалось, что все главные проблемы были уже решены, были найдены точки соприкосновения с позицией Лондона, в ходе дипломатических переговоров удалось согласовать позиции стран-участниц конференции, удалось оказать давление на Бельгию, неожиданно мешать русским дипломатам стал нидерландский монарх. Окрыленный успехом своих армий в десятидневной кампании, он всячески затягивал переговоры, демонстрируя неискренность своих попыток обрести мир для Голландии. В Петербурге понимали, что его дипломаты достигли максимума уступок для Голландии, и любое промедление грозит обернуться отказом Лондона от своих обещаний, а значит, и пересмотром

²⁴⁴ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 9 (21) октября 1831 г// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005.С.532.

всех статей заключительного решения конференции. «Но, с одной стороны, г-н граф, наша совесть была спокойна, ибо мы осознавали, что обеспечили Голландии существенные выгоды; в то же время нам было ясно, что если не придать нашим решениям бесповоротный характер для обеих сторон, то каждое письмо принца Леопольда будет иметь результатом их новое изменение, что мы окажемся, таким образом в порочном круге и чем дольше затянутся переговоры, тем больше будут пугать Англию потери Бельгии и представления Франции»²⁴⁵.

Упорство нидерландского монарха могло повредить его же собственной стране. Кроме того, оно могло повредить и Петербургу, так как бросало тень подозрения в неискренности на русских представителей. Их могли обвинить в том, что они покрывали намерения голландского короля начать новую войну. В результате Петербургу пришлось согласиться с предложением Великобритании уравнивать в тексте заключительного соглашения голландского и бельгийского монархов. Хотя это может показаться несущественным, но фактически русские дипломаты согласились ради разрешения конфликта поставить в один ряд легитимного монарха и восставших против его власти революционеров. Россия обещала защищать интересы Голландии, и русским дипломатам пришлось их защищать, фактически борясь с действиями короля Голландии. «...после тщательного обсуждения мы совместно с уполномоченными Австрии и Пруссии решили бесповоротно закрепить полученные результаты в тот момент, когда, по нашему мнению был достигнут крайний предел тех уступок в пользу короля нидерландского, которые вообще были возможны. Отсюда несколько жесткая форма ультиматума в обращении как к Голландии, так и к Бельгии»²⁴⁶.

Пятая задача, поставленная перед русскими дипломатами «добиться того, чтобы все эти преимущества были торжественно гарантированы ей

²⁴⁵ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 9 (21) октября 1831 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.532.

²⁴⁶ Там же

пятью державами»,²⁴⁷ была достигнута подписями всех держав под заключительным соглашением. 2 (14) октября 1831 года уполномоченные пяти держав подписали протокол содержащий «окончательные условия отделения Бельгии от Голландии, а также определили порядок разрешения всех проблем, вытекающих из провозглашения независимости и нейтралитета Бельгии»²⁴⁸. Указанные решения содержались в приложении к протоколу в виде 24 статей, из-за чего соглашение вошло в историю в виде «Программы 24 пунктов».

После августовских событий конференция утратила доверие к обещаниям как бельгийской, так и голландской стороны, из-за чего в текст окончательного договора были добавлены статьи, определяющие действия стран-участниц конференции в случае нарушения соглашения. «Если король отвергнет ультиматум Лондонской конференции, она ограничится тем, что воспрепятствует возобновлению военных действий и предоставит Голландии до тех пор, пока она не примет согласованное урегулирование, нести двойное бремя непомерного долга и содержания бесполезной армии»²⁴⁹.

Условия достаточно жесткие, но у русских дипломатов не было уверенности в том, что они смогут остановить голландского монарха в его честолюбивом желании вернуть Бельгию. Существовало опасение, что непредсказуемые действия короля Вильгельма могут дестабилизировать обстановку: «Если же король пойдет еще дальше и начнет войну, мы не сможем отвечать за то, какие решения тогда примет английское правительство»²⁵⁰. В подобной ситуации Петербург не собирался защищать нидерландского короля ни своей дипломатией, ни своими войсками. «После стольких потрясений и стольких усилий Россия нуждается в покое. Перспектива же всеобщей войны чревата для нас одними жертвами и не судит никакой материальной выгоды. Следовательно, необходимо избегать

²⁴⁷ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 9 (21) октября 1831 г./Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С. 528.

²⁴⁸ Протокол Конференции уполномоченных России, Австрии, Великобритании, Пруссии и Франции Лондон 2 (14) октября 1831 года//Там же. С.495.

²⁴⁹ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 9 (21) октября 1831 г./Там же. С.532.

²⁵⁰ Там же

этой войны до тех пор, пока это можно сделать, не идя на уступки, задевающие честь страны»²⁵¹. Таким образом, очевидно, что главной целью России была не возможная война между легитимным монархом и революционерами, а защита своих национальных интересов.

В отношении Бельгии были прописаны еще более жесткие санкции. «Если наши решения будут отвергнуты бельгийцами, конференция намерена предложить королю нидерландскому немедленно занять своими войсками территории, которые должны ему принадлежать и занять крепость Антверпен до тех пор, пока Бельгии и принц Леопольд не примут наших статей»²⁵². Особо следует подчеркнуть, что в качестве средства принуждения Бельгии выбирались именно голландские войска. Лондон не желал видеть ни одного французского солдата на территории Бельгии.

Брюссель крайне негативно отнесся к значительным изменениям в тексте заключительного соглашения по сравнению с текстом договора от 26 июня. Однако противиться действиям конференции принц Леопольд не решился и подписал документ.

Король Вильгельм, напротив, документ не подписал. Более того, лишь получив текст договора, он сразу же через принца Оранского пожаловался Николаю I на русских дипломатов. В своем письме король обвинял русских дипломатов в предательстве интересов Голландии, в том, что король теперь «без помощи союзников» должен отстаивать интересы своей страны. Король писал что он «оскорблен» ультимативной формой сделанных уполномоченными пяти великих держав предложений и не доволен содержанием многих пунктов самого соглашения²⁵³.

Письмо голландского монарха опередило официальный отчет Х.А.Ливена, и Николай I, не имея сведений от своего посла в Лондоне, был введен в заблуждение. Император в ответ на очередной доклад вице-канцлера написал, что он не может быть солидарен с позицией Х.А.Ливена и

²⁵¹Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный министр там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 9 (21) октября 1831 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005.С.531.

²⁵² Там же.

²⁵³ Примечание 2 к докладу вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I. 23 октября (4 ноября) 1831 г.// Там же. С.538.

А.Ф.Матушевича и будет воздерживаться от формального одобрения «24 статей»²⁵⁴. В ответ вице-канцлер К.В.Нессельроде заступился за своих дипломатов. Не отрицая того факта, что форма обращения к нидерландскому монарху была жесткой, вице-канцлер отметил, что это была вынужденная мера. «Они находились в чрезвычайно трудном положении. Надо сказать, что они одни на этой конференции искусно и решительно отстаивали интересы голландского короля, преодолевая, с одной стороны честолюбивые замыслы и недружелюбие Франции, и с другой – раздражение Англии – Чувство, которое нидерландский король, к несчастью, не переставал всячески возбуждать и усиливать с непостижимым и пагубным упорством»²⁵⁵. К.В.Нессельроде отдельно подчеркивал, что ни Австрия, ни Пруссия не проявляли никакой инициативы, чтобы помочь России. «В столь неблагоприятных условиях задача наших уполномоченных становилась почти невыполнимой»²⁵⁶. Что же касается тона соглашения, которое столь возмутило голландского короля, то вице-канцлер и в этом вопросе становится на позицию своих дипломатов. «Очевидно, что они могли спасти существо дела, лишь пожертвовав формой, что, добиваясь применения в отношении бельгийцев угрожающего тона, единственно способного на них подействовать, они должны были равным образом согласиться на включение в свою сопроводительную ноту нидерландскому королю некоторых выражений, которые нельзя не осуждать, но на которые их могла вынудить лишь настоятельная необходимость».²⁵⁷ К.В.Нессельроде особенно делает акцент на том, что условия урегулирования «в большей своей части были согласованны с голландскими уполномоченными, и те не выдвинули против них каких-либо возражений...»²⁵⁸. Кроме того, вице-канцлер показал императору неискренность политики голландского короля. Вильгельм I не собирався с самого начала подписывать договор, готовя Голландию к новой

²⁵⁴ Примечание 1 к докладу вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I. 31 октября (12 ноября) 1831 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.554.

²⁵⁵ Доклад вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I. 31 октября (12 ноября) 1831 г.//Там же.С.553.

²⁵⁶ Там же

²⁵⁷ Там же

²⁵⁸ Там же

войне, так как только она, по его мнению, могла способствовать решению задач, стоящих перед ним. Таким образом, он вел в Лондоне переговоры «о способах укрепления мира с тайным намерением спровоцировать войну»²⁵⁹. Все это ставило русских дипломатов, которые всеми силами старались предотвратить новую войну в Европе, в затруднительное положение. «Чтобы спасти всеобщий мир, они, возможно, рискнули навлечь на себя неудовольствие в.в-ва».

Очевидно, оправдательная речь К.В.Нессельроде повлияла на точку зрения Николая I. В своем ответе он сообщает королю Вильгельму I, что он может разделить его недовольство ультимативной формой договора, но не его содержанием. Русский император особенно отметил, что с его точки зрения, российское правительство считает результаты Лондонской конференции, в целом, удовлетворительными, соответствующими тем условиям, в которых она работала. Он полагает, что российские уполномоченные весьма достойно защищали на конференции интересы Голландии, обеспечив ей «надежные границы и справедливый раздел государственных долгов», и заслужили «законное право на доверие нидерландского правительства»²⁶⁰.

Таким образом, интрига нидерландского короля по разжиганию недоверия между русскими послами и правительством не удалась. Истинной ее причиной был то, что согласно заключительному договору Лондонской конференции, в случае, если Брюссель принимает условия договора, то конференция подтверждает создание независимого бельгийского государства. Разумеется, в случае демарша русской дипломатии, подобное признание могло быть отложено или же вовсе не состояться. Кроме того, принц Оранский достаточно откровенно высказывался, что видит единственный путь спасения только во всеобщей войне²⁶¹. Николай I не раз отмечал, что ему самому неприятно, что бунтовщики в Бельгии одержали

²⁵⁹ Примечание к Докладу вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I. 31 октября (12 ноября) 1831 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005.С.554.

²⁶⁰ Вице-канцлер К.В.Нессельроде 1-му секретарю в Гааге Д.И.Долгорукому. Москва, 17 (29) ноября 1831 г.// Там же. С.602.

²⁶¹ Доклад вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I. 12 (24) ноября 1831 г.//Там же. С.589.

верх и теперь необходимо вести с ними переговоры. Однако развязывать всеобщую войну ради их свержения он не собирался²⁶². Николай I был согласен, что если нидерландский король все-таки навлечет на свое королевство войну с Англией и Францией, Россия не должна будет вступать в эту войну. «Наше географическое положение не позволяет нам оказать ей действенную помощь...посему Россия не в состоянии предоставить королю никакой иной помощи, кроме морального воздействия на Францию и Англию...»²⁶³.

На очередном заседании конференции 2 (14) ноября 1831 года дипломаты приняли протокол, в котором говорилось, что поскольку Бельгия полностью и безоговорочно признала условия ее отделения от Голландии, то уполномоченные приняли решение подписать договор об образовании Бельгийского Королевства²⁶⁴.

Отчасти подстраховываясь от новых интриг нидерландского монарха, отчасти понимая, что будущий договор - это венец усилий конференции и необходимо обосновать его появление в свете постоянных жалоб голландского правительства, дипломаты России, Австрии и Пруссии выступили в тот же день с совместным меморандумом. В тексте этого меморандума²⁶⁵ дипломаты подчеркивают законность предоставления независимости Бельгии на основании как заключительного договора от 2(14) октября, не принятого Голландией, так и соглашений, принятых ранее всеми сторонами, в том числе и голландскими представителями. Отдельно разбираются все претензии короля Вильгельма I и доказываются их полная несостоятельность. Специально подчеркивается, что «король Нидерландов никогда не владел Бельгией по праву наследования или завоевания; что это право завоевания целиком и полностью принадлежит Австрии, Великобритании, Пруссии и России, которые использовали его для присоединения Бельгии к Голландии, и после того как, с одной стороны

²⁶² Примечание 8 к докладу вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I. 12 (24) ноября 1831 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.590.

²⁶³ Доклад вице-канцлера К.В.Нессельроде Николаю I. 12 (24) ноября 1831 г.// Там же.С.589.

²⁶⁴ Протокол конференции уполномоченных России, Австрии, Великобритании, Пруссии и Франции. Лондон, 2 (14) ноября 1831 г.//Там же. С.567.

²⁶⁵ Меморандум уполномоченных России, Австрии и Пруссии. Лондон, 2 (14) ноября 1831 г.//Там же. С.557.

Голландия согласилась на разделение двух стран, а с другой – державы возместили расходы, которые она понесла, воссоединившись с Бельгией, эти державы вернули себе тем самым свое прежнее право»²⁶⁶. В заключении меморандума говорилось о том, что голландские национальные интересы не могут быть для дипломатов выше общеевропейских проблем. «Наконец, положение, в котором находятся уполномоченные Австрии, Пруссии и России, обязывает их проявлять особую заботу об европейских интересах высшего порядка»²⁶⁷.

На следующий день состоялось подписание документа ставшего окончательным итогом работы как всей Лондонской конференции в целом, так и отдельно русских дипломатов. 3 (15) ноября 1831 года был подписан договор между Россией, Австрией, Великобританией, Пруссией, Францией и Бельгией об образовании Бельгийского королевства²⁶⁸. В содержащихся в нем 27 статьях тщательным образом определялись все аспекты создания нового государства. В статье номер VII особо оговаривалось, что «Бельгия будет составлять в границах, означенных в статьях I, II, IV, независимое и вечно нейтральное государство. Она обязывается соблюдать такой же нейтралитет в отношении всех других государств»²⁶⁹. В связи с этим постановлением о «вечно нейтральном государстве» отдельно была принята «Конвенция между Россией, Австрией, Великобританией, Пруссией и Бельгией о ликвидации части оборонительных сооружений в Бельгии», в которой говорилось о целесообразности скрыть большую часть бельгийских крепостей²⁷⁰.

Король Голландии, разумеется, не признал этот документ. Более того, он прекратил выплаты долга России. Потребовалось еще несколько лет, ряд

²⁶⁶ Меморандум уполномоченных России, Австрии и Пруссии. Лондон, 2 (14) ноября 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар. отношения, 2005. С. 565-566.

²⁶⁷ Там же

²⁶⁸ Договор между Россией, Австрией, Великобританией, Пруссией, Францией и Бельгией об образовании Бельгийского Королевства. Лондон 3 (15) ноября 1831 г. // Там же. С. 567-579.

²⁶⁹ Там же. С. 575.

²⁷⁰ Конвенция между Россией, Австрией, Великобританией, Пруссией, Бельгией о ликвидации части оборонительных сооружений на территории Бельгии. 2 (14) декабря 1831 г. // Там же. С. 612

военных столкновений, чтобы убедить его, наконец, подписать документ и признать бельгийское королевство.

Русские дипломаты понимали, что итог работы конференции является не совсем тем, которого от них ждали. И дело было не в том, что Бельгия отделилась от Голландии, неизбежность этого была очевидна еще зимой 1831 года, а в том, что не удалось добиться мира. Было понятно, что нидерландский монарх не откажется от своих честолюбивых планов завоевать Бельгию снова. Доклад русских уполномоченных в Лондоне заканчивался красноречивыми словами: «Нам остается добавить к этому лишь одну нижайшую просьбу: чтобы, вынося суждение о наших поступках, император и его министерство были к нам столь же снисходительны, сколь велики были стоявшие перед нами трудности»²⁷¹.

Словно подводя итог своей деятельности в качестве уполномоченного Российской империи на Лондонской конференции, Х.А.Ливен писал в личном письме К.В.Нессельроде: «мы подписали договор с принцем Леопольдом, и буквально за неделю облик Европы изменился: как по волшебству, снова воцарилось доверие и спокойствие. Как только единство пяти держав обрело конкретную форму, как только кабинеты подтвердили свою твердую и искреннюю решимость сохранить мир, повсюду произошли самые ощутимые изменения...Опасность была у нас перед глазами, нам удалось найти средство избавиться от нее, и мир благодетельный для всех государств, был таковым в первую очередь для державы, чьи интересы нам вменялось в обязанность защищать»²⁷².

Таким образом, хотя заседания Лондонской конференции, посвященные вопросам Бельгии, еще проводились, главное, для чего созывалась конференция, было достигнуто: Европа избежала войны, и появилось новое бельгийское государство. Дальнейшие усилия русской

²⁷¹ Посол в Лондоне Х.А.Ливен и полномочный представитель там же А.Ф.Матушевич вице-канцлеру К.В.Нессельроде 4 (16) ноября 1831 г.//Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005..С.584.

²⁷² Личное письмо посла в Лондоне Х.А.Ливена вице-канцлеру К.В.Нессельроде. 15(27) декабря 1831 г.// Там же.С.637.

дипломатии в этом вопросе были направлены на примирении Голландии с Бельгией.

Выводы по главе 1.

Бельгийско-голландская война 1831 года стала кульминацией нового витка общеевропейского кризиса. Эта война была отражением кризисного состояния, в котором находилась Лондонская конференция, и логическим итогом политики Великобритании. Не в силах остановить военные действия, а затем, оказавшись перед реальной угрозой перехода бельгийских земель под контроль Франции, Лондон принял решение пересмотреть свою позицию по бельгийскому вопросу. Несмотря на противоречия между внешнеполитическими ориентирами Великобритании и Российской империи, английское правительство решило начать поиски компромисса и пойти навстречу Петербургу. Этому способствовало поведение Х.А.Ливена и А.Ф.Матушевича, которые ранее проявили выдержку и спокойствие, не стали преумножать противоречия между Петербургом и Лондоном и оставили саму возможность для сближения политики двух стран, чем и воспользовался лорд Пальмерстон. Однако следует отметить, что изменения в политике Великобритании носили лишь тактический характер. Английское правительство поняло, что существует единственный выход из сложившейся ситуации, чтобы не допустить захвата Бельгии Францией, а именно консолидировать усилия Великобритании и России в выработке проекта финального договора о разделении государств и договора о провозглашении независимого бельгийского государства.

Ноябрьский договор о создании бельгийского королевства был не только логическим завершением бельгийского кризиса, но и свидетельством истинных задач, которые ставили перед собой дипломаты Российской империи и Великобритании. Остальные участники конференции не играли главной роли в выработке статей договора, так как Пруссия и Австрия переложили ответственность за принятие совместных решений на русскую

дипломатию, а Франция после событий августа 1831 года не могла претендовать на активную роль в финальной части конференции.

Российская империя формально получала в лице независимой Бельгии практически тот же краеугольный камень системы европейской безопасности, что и ранее в лице единого Нидерландского королевства. Лишь вместо системы крепостей и военных гарнизонов появился документ, гарантирующий статус Бельгии как вечно нейтрального государства, подписанный всеми странами-участницами конференции (кроме Голландии). Однако тот факт, что Великобритания подписала этот документ, не вводил Петербург в заблуждение. Было очевидно, что Лондон не собирается защищать существующий порядок сил в Европе, а значит в действительности существовавшая система европейской безопасности – Четверной союз - перестала существовать. Также было очевидно, что Лондон вынужденно пошел на сближение с Россией, и отношения между странами перестают быть союзническими. Однако главное было достигнуто, Европа избежала новой общеевропейской войны, и Венская система 1815 года получило формальное подтверждение.

Не были забыты и исключительно российские интересы, которые были связаны с вопросом о нидерландском долге. В обмен на поддержку выгодных для Бельгии договоренностей по вопросам судоходства и строительства железной дороги Великобритания поддержала предложения Х.А.Ливена и А.Ф.Матушевича о разделе долга и о требовании его выплаты. Кроме того, русские дипломаты выполнили союзнические обязательства и по отношению к Голландии, которая получала территориальные приобретения.

Великобритания же получала в Бельгии новые рынки сбыта и новый путь проникновения своих товаров в центральные европейские государства. Кроме того, тот факт, что Франция также гарантировала статус Бельгии, фактически не продлевал действия Четверного союза, так как Франция формально сама становилась гарантом статуса Бельгии, а значит и частью системы безопасности в Европе.

Несмотря на то, что Голландия не подписала договор и впоследствии пыталась еще раз военными действиями присоединить Бельгию, свое предназначение конференция выполнила – договор о создании независимого бельгийского королевства был разработан и принят. На карте Европы появилось еще одно новое государство, уже с момента своего создания включенное в хитросплетения военно-политических союзов системы равновесия и баланса сил в Европе.

Позиция Российской империи по бельгийским событиям несколько раз менялась под воздействием внешних факторов. Если в сентябре-октябре 1830 года Николай I был готов исполнить свой долг союзника Нидерландского королевства и зондировал с помощью фельдмаршала И.И.Дибича почву для совместного выступления прусско-австро-русских войск для защиты территориальной целостности Голландии, то уже в ноябре того же года Российская империя отказывается и от военной интервенции, и от самой идеи неделимости Нидерландского королевства. Уже непосредственно в ходе работы конференции русские представители несколько раз были вынуждены изменять свою позицию, в частности, в случае с кандидатом на бельгийский престол или в случае с пробельгийским договором в 18-ти статьях от 26 июня 1831 года. Подобные изменения были продиктованы тем, что главной задачей русской дипломатии в бельгийском кризисе была не защита интересов голландского монарха, а, как уже говорилось, защита мира в Европе и существующего баланса сил в регионе. Поэтому Петербург согласился на участие в конференции, а затем и на создание независимого Бельгийского королевства. Главную цель русской дипломатии в период кризиса Николай I сформулировал следующим образом: «Сохранять на Востоке прочный мир, в Европе заботиться о спокойствии народов и скрупулезном соблюдении трактатов, его гарантирующих»²⁷³. Учитывая, что в памяти Николая I еще были свежи воспоминания о наполеоновских войнах, затронувших и Россию, и Европу, и

²⁷³ Инструкция вице-канцлера К.В.Нессельроде посланнику в Константинополе А.П.Бутеневу. 30 ноября (12 декабря) 1830 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005.С.191

то, что активная внешняя политика империи на южном и азиатском направлении вылилась в войны с Турцией и Персией, отвлекшие военные и экономические силы страны, становится понятно, почему Николай I стремился к миру в Европе и, тем самым, к безопасности европейских границ России. В понимании Николая I главным и важнейшим инструментом сохранения мира была система, созданная в ходе венских переговоров в 1815 году. Только единство позиций и согласованная политика стран, входящих в Четверной союз, являвшийся фактически системой европейской безопасности, могла сохранить мир и спокойствие в Европе. «Сохранять и даже укреплять их (России, Австрии, Пруссии и Великобритании – прим.М.М.) тесный союз и солидарность как необходимое условие и самый надежный залог спасения Европы...»²⁷⁴.

Бельгия с момента подписания Венских соглашений 1815 года стала ключевым элементом системы безопасности в Европе и оказалась включена в сферу интересов всех Великих Держав того периода. Бельгийская революция, а, следовательно, и изменение статуса бельгийских земель (так как провозглашалось новое, суверенное государство, свободное от обязательств Голландии) ставили под сомнение саму систему европейской безопасности, требовали незамедлительного ответа со стороны стран Четверного союза, а следовательно не могли остаться без внимания крупных европейских государств, среди которых были как формальные союзники России по Священному союзу (Пруссия и Австрия) и Четверному союзу (Пруссия, Австрия, Великобритания), так и очевидный противник русской дипломатии – Франция. Естественно, что в подобных условиях, не имея в силу географического фактора возможности оперативно влиять на события, Николай I в выстраивании своей внешнеполитической линии ориентировался на позиции своих формальных союзников, и в первую очередь Великобритании. После того как Пруссия и Австрия, отказавшись от идеи военной интервенции, переложили ответственность за принятие ключевых решений на русских представителей Х.А.Ливена и А.Ф.Матушевича,

²⁷⁴ Вице-канцлер К.В.Нессельроде посланнику в Берлине Д.М.Алопеусу 4(16) декабря 1830г. //Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Междунар.отношения, 2005. С.194

ключевым моментом в формировании позиции России стала политика Лондона. Оказавшись перед фактом систематического нарушения французским правительством своих обязательств (практически неприкрытой материальной и финансовой помощью брюссельским революционерам, высказыванием рядом французских политиков (граф Флао, генерал Себастиани) о готовности развязать общеевропейскую войну ради обладания бельгийскими землями), Петербург был вынужден искать союзников в дипломатической борьбе с Францией. Николай I считал, что единственным возможным выходом из сложившейся кризисной ситуации может быть единая позиция союзных дворов, с которой парижский кабинет будет вынужден согласиться. Безусловно, Петербургу была важна поддержка со стороны Пруссии и Австрии, но ключевым фактором, способным заставить Париж отказаться от своих планов и заставить мятежный национальный конгресс принять требования стран-участниц Лондонской конференции, могла стать лишь позиция Великобритании.

Изменения в политике Лондона, в частности отказ от обязательств перед Голландией, защита бельгийских интересов на конференции и отказ от своих прежних обязательств по Четверному союзу неизменно вызывали у Петербурга сожаление, но способов оказать реальное давление на Лондон у русских дипломатов не было. Не желая усугублять раскол между дипломатией Великобритании и России, все еще надеясь удержать Великобританию в Четверном союзе, русские представители соглашались в спорных ситуациях с дипломатами Лондона. Обозначив свое несогласие с рядом решений конференции, русские дипломаты не стали раздувать разногласия, а проголосовали за избрание королем принца Леопольда и за программу 18 пунктов. Эта политика дала свои результаты. В двух кризисных ситуациях (в декабре 1830 года и в августе 1831 года), когда вследствие неоднозначной политики Лондона возникла непосредственная угроза захвата Бельгии французскими войсками, Лондон поменял свою непримиримую позицию и пошел навстречу предложениям Х.А.Ливена и А.Ф.Матушевича. Таким образом, через тактику небольших уступок и

терпения Петербургу удалось заручиться поддержкой Великобритании при разработке заключительного соглашения и договора об образовании Бельгийского королевства. Однако делая уступки бельгийским мятежникам в угоду Великобритании, русские дипломаты не забывали и об интересах Голландии, добившись для нее согласно окончательному соглашению о разделении значительных территориальных и финансовых компенсаций. Франция, оказавшись перед лицом совместной позиции стран Четверного союза, была вынуждена смириться с утратой перспектив приобретения Бельгии, то есть фактически план Николая I сработал.

Бельгийский кризис показал Петербургу истинные интересы и внешнеполитические ориентиры его союзников по существовавшему на тот момент Четверному союзу. Если политика Пруссии и Австрии в целом соответствовала их союзническим обязательствам перед Российской империей, то с политикой Великобритании все было намного сложнее. Несмотря на то, что на завершающем этапе конференции России удалось найти точки соприкосновения внешнеполитических интересов с Великобританией и согласовать свои позиции, в целом события кризиса показали, что Великобритания в своей политике все более открыто пренебрегает союзническими обязательствами в пользу своих национальных интересов. Переговоры в ходе Лондонской конференции были примером того, как английские дипломаты и министерство иностранных дел несколько раз отказывались от своих обещаний или перед Нидерландским королевством (сам факт созыва конференции) или перед Российской империей и ее союзниками по Четверному союзу (договор в 18 статьях от 26 июня), или перед бельгийскими революционерами (программа 24 пунктов). Было очевидно, что Лондон ищет пути постепенного и осторожного сближения с Парижем как с единственным потенциальным союзником в военно-политическом противостоянии со странами Священного союза. В подобных действиях Лондона, несомненно, можно найти предпосылки будущего антирусского союза. Вместе с тем, очевидно, что события бельгийского кризиса стали лишь начальным этапом сближения Лондона и

Парижа, характеризующимся взаимным недоверием и страхом, чем и объясняется сближение политики Великобритании и Российской империи на заключительном этапе кризиса.. Создание колониальной империи, достижение экономической и военно-политической гегемонии в Европе стали основными целями лондонской политики, целями, которые, очевидно, входили в противоречие с желанием Петербурга сохранить в Европе мир и баланс военно-политических сил. Бельгийский кризис стал одним из свидетельств увеличивающихся противоречий во внешней политике Российской империи и Великобритании, одним из свидетельств завершения периода союзнических отношений и перехода Лондона к политике «свободных рук».

Не менее очевидно бельгийские события показали неискренность и враждебность политики Парижа. Несмотря на заверения нового французского короля в том, что Франция не стремится к войне или пересмотру сложившейся системы европейской безопасности, именно французские деньги и оружие привели к революции в Бельгии. Более того, Франция откровенно пренебрегла своими обещаниями и ввела свои войска, пусть и временно, в Бельгию. Для Парижа, стремящегося к активной роли в Европе и пересмотру невыгодных для него соглашений, Российская империя выступала естественным и главным противником. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что именно Россия в 1812-13 годах положила конец гегемонии Франции в Европе. События бельгийского кризиса явно показали, что Франция, при определенных обстоятельствах, готова бросить вызов России и странам Священного союза, что не осталось неотмеченным в Лондоне. Сложились предпосылки для складывания антирусского союза Великобритании и Франции. И хотя процесс внешнеполитического сближения двух бывших непримиримых соперников был долгим, истоки будущих антирусских соглашений следует искать именно в событиях бельгийского кризиса 1830-31 годов.

События бельгийского кризиса стали большим испытанием для союзников России по Священному союзу Пруссии и Австрии. В кризисной

ситуации правительства этих стран отказались от собственной активной внешней политики в вопросе бельгийской революции, и переложили ответственность за выработку позиции всего союза по бельгийскому кризису на правительство Николая I. Более того, именно пассивная позиция Пруссии и Австрии не позволили Священному союзу решить бельгийский вопрос самостоятельно, применив против восставшего Брюсселя силу. Однако в ходе конференции представители Пруссии и Австрии добросовестно выполняли свои союзнические обязательства перед Россией, а в совместном меморандуме от 2 ноября 1831 года оказали политическую и моральную поддержку русским дипломатам Х.А.Ливену и А.Ф.Матушевичу, на которых пала тень подозрения, разъяснив союзным дворам причины создания независимой Бельгии. Таким образом, бельгийский кризис показал, что союзнические обязательства внутри Священного союза продолжают выполняться, и истоки будущего раскола внутри союза кроются не в событиях кризиса 1830-31 годов, а в других событиях 30-х годов 19 века.

Роль и место бельгийского кризиса и событий, последовавших за ним, незаслуженно обделены вниманием отечественной историографии. Бельгийский кризис 1830-31 годов стал одним из поворотных пунктов внешней политики не только Российской империи, но и западноевропейских государств. Именно в ходе Лондонской конференции на примере Великобритании стало очевидно, что союзнические обязательства (Четверной союз) приносятся в жертву в пользу исключительно национальных интересов. Начинается новая эпоха истории складывания внешнеполитических ориентиров государств. Исключительно национальные интересы ставятся выше внешнеполитической традиции, становятся допустимыми союзы между бывшими непримиримыми врагами или предательство прежних союзнических обязательств и отношений. Примером этого стала политика Великобритании, которая не только изменила своим старым обязательствам, но и начала искать новых союзников из-за изменения существовавшего баланса сил.

Лондонская конференция оказалась свидетельством изменений, произошедших в Четверном союзе. Система общеевропейской безопасности не могла существовать, если в нее не входили Великобритания или Россия. Только эти две крупнейшие державы, обладавшие самым высоким в Европе военно-политическим могуществом, могли посредством дипломатии определять облик Европы и быть барьером на пути новых войн. Несмотря на стремление Петербурга сохранить существовавшую систему, амбиции Лондона толкали его на выход из союза, после прекращения, существования которого ставилась под сомнение сама Венская система. Именно события бельгийского кризиса 1830-31 годов стали одним из первых шагов Европы от Венской системы к Парижской системе 1856 года.

ГЛАВА 2. ВОССТАНИЕ В ПОЛЬШЕ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ.

2.1. Причины влияния восстания в Царстве Польском на внешнюю политику России.

В отечественной историографии существует устойчивая традиция связывать между собой бельгийскую революцию и польское восстание. По образному выражению журналиста 30-х годов XIX века: «Польша стала героическим бастионом европейской свободы».²⁷⁵ Польское восстание отвлекло внимание и ресурсы русского императора и вынудило его отказаться от планов интервенции в Бельгию. Как уже было показано в первой главе, позицию России по Бельгии определяло множество факторов, главнейшим из которых было стремление сохранить существующий баланс сил в Европе.²⁷⁶

Как правило, польское восстание принято рассматривать в свете внутренней политики России или в рамках двухсторонних русско-польских отношений. Восприятие польской революции как фактора, который влиял на выстраивание отношений России с зарубежными странами, не сильно отличается от мнения, высказанного полтора века назад бельгийским журналистом. Варшавское восстание, словно лакмусовая бумажка, показало отношение к России ее союзников и стран, которые позиционировали себя в качестве противников России. По словам короля Пруссии: «жизненные интересы всей Европы связаны с вопросом, решаемым на берегах Вислы».²⁷⁷ Для Российской империи это было не только восстанием в принадлежащих Петербургу польских землях, но так же и фактором внешней политики,

²⁷⁵ Цит. по В.М.Бокова, Н.М.Филатова Вступительная статья к сборнику «Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830-1831 годов». М.: Новое литературное обозрение, 2005 г. С.27.

²⁷⁶ См. главу 1

²⁷⁷ Вице-канцлер К.В.Нессельроде посланнику в Берлине Д.М.Алопеусу. 27 декабря (8 января) 1830 г. (1831 г.)// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.231

который необходимо было учитывать как в работе Лондонской конференции, так и в других переговорах с Великими Державами.

Особая роль, которую польские события играли в европейской дипломатии 1830-31 годов, связана не только с тем, что они лишили официальный Петербург возможности немедленного вооруженного участия в европейских восстаниях, но также с тем, какую роль сама Польша играла после 1815 года. По решениям Венского Конгресса герцогство Варшавское присоединялось к России. Став Царством Польским, территории, некогда составлявшие сердце Речи Посполитой, не только получили многочисленные вольности, о которых и мечтать не могли другие русские губернии, но также стали, наравне с Бельгией, символом договоренностей, подписанных в Вене. Фактически, в случае успеха восставших и создания ими независимого польского королевства, престол которого, согласно декабрьскому решению сейма, не мог занимать представитель дома Романовых, все решения Венского конгресса могли оказаться под угрозой пересмотра. Не только факт восстания против законной власти монарха, но и факт изменения своего статуса по результатам 1815 года, объединили в интересующий нас период Бельгию и Польшу в единый узел проблем, который необходимо было распутывать русским дипломатам. Изменение статуса Польши, так же как и изменение статуса Бельгии, могло обрушить систему, обеспечивающую Российской империи доминирующее положение среди других европейских держав.

Согласно той позиции, которую заняли зарубежные страны по отношению к событиям польского восстания, их можно разделить на 3 большие группы: страны, проявившие себя союзниками России, страны-противники России и страны, которые заняли нейтральную позицию, но однако часто симпатизировали той или иной стороне конфликта.

2.2. Страны-союзники России

30-е годы XIX века подвергли системы союзов, в которых состояла Российская империя, тяжелому испытанию на прочность. Вслед за июльской революцией во Франции последовали: революция в бельгийских землях нидерландского монарха, восстание в Польше, восстания в итальянских землях австрийского монарха, убийство главы греческого правительства И.Каподистрии, голландско-бельгийская война, волнения в Молдавии и Валахии. Не говоря уже о том, что всего через несколько лет начались турецко-египетский кризис (с 1832 г.) и Карлистские войны в Испании (с 1833 г.), в которые так или иначе были вовлечены Великие Державы.²⁷⁸ Если испытание бельгийским кризисом основательно сотрясло основы Четверного союза, то польское восстание являло собой совершенно отчетливую угрозу странам Священного союза. В первую очередь из-за того, что три ведущие страны этого союза последовательно в 1772, 1791 и 1795 годах делили между собой территорию Речи Посполитой. Именно против этих стран и должно было быть направлено все оружие восставших, стремившихся возвратить Польшу к ее границам 1770-го года.

Прусское королевство со всей серьезностью восприняло события, разворачивающиеся в Царстве Польском. Берлин предпринял ряд мер, которые были направлены на помощь России в подавлении польского восстания. К декабрю прусское правительство обязалось передавать русским дипломатом всю корреспонденцию, в первую очередь перлюстрированные письма, которые касались польских дел; были введены правила, препятствовавшие ввозу на территорию Польши оружия и провианта, и готовилось постановление о необходимости визирования виз для въезда в Польшу в русском посольстве в Берлине.²⁷⁹

Вместе с тем определенные опасения Петербурга вызывало то, что прусское правительство уклонялось от прямой военной помощи России, а

²⁷⁸ «История Дипломатии», под ред. В.П.Потемкина. Том 1. М.: ОГИЗ. 1941 г. С.407-425

²⁷⁹ Вице-канцлер К.В.Нессельроде посланнику в Берлине Д.М.Алопеусу. 27 декабря (8 января) 1830 г. (1831 г.)//Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.231

лидер восставших поляков Адам Чарторыйский заявил в варшавском сейме, что прусско-польская граница останется неизменной.²⁸⁰ Хотя официальный Берлин и отказывался комментировать это заявление, утверждая, что представители короля Пруссии Фридриха-Вильгельма III не поддерживают контакты с бунтовщиками, тем не менее, подобное заявление не могло не насторожить русское правительство. Становилось очевидным, что поляки собираются сконцентрировать все свои усилия на России и готовы рассматривать варианты сотрудничества с другими странами, в том числе входящими в Священный союз с тем, чтобы максимально ослабить позиции Петербурга. В переписке русских дипломатов появляется опасения, что поляки могут использовать для давления на Россию союзные ей дворы: «...вознамерятся, возможно, отвратить ее (расплату – прим.М.М.), прибегнув к заступничеству держав, связанных с Россией узами дружбы и доверия».²⁸¹ Опасения подтверждались информацией от агентов, нанятых в Берлине посланником Д.А.Алопеусом, о приезде в Берлин мятежного польского генерала К.И.Княжевича, который намеревался встретиться с прусским монархом и провести с ним тайные переговоры. Несмотря на то, что прусский король категорически заявил, что он не примет К.И.Княжевича как представителя польских мятежников и не вступит в тайные переговоры с Варшавой, развитие ситуации беспокоило Николая I.²⁸²

Именно прусский король был выбран лидерами польского восстания как инструмент воздействия на русского императора. Не достигнув успеха с поездкой к прусскому королю генерала К.И.Княжевича, поляки отправили в Берлин графа Т.Мостовского с особым заданием польского революционного правительства. Граф должен был убедить короля выступить посредником и смягчить непоколебимую волю Николая I вернуть Польшу в состав Российского государства. Д.А.Алопеус был убежден, что Фридрих-Вильгельм III не нарушит свой союзнический долг перед русским

²⁸⁰ Вице-канцлер К.В.Нессельроде посланнику в Берлине Д.М.Алопеусу. 27 декабря (8 января) 1830 г. (1831 г.)//Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.231

²⁸¹ Вице-канцлер К.В.Нессельроде послу в Вене Д.П. Татищеву и посланнику в Берлине Д.М. Алопеусу. 5 (17) января 1831 г. //Там же. С.231

²⁸² Там же

самодержцем. «Король не станет с ним встречаться и приказал своему министру принять его только для того, чтобы объявить ему, что он должен незамедлительно покинуть столицу».²⁸³ Интересно, что граф Т.Мостовский, не сумев получить аудиенцию у прусского короля, обратился за помощью к русскому посланнику Д.А.Алопеусу с просьбой о помощи. На это дипломат ответил, что не станет встречаться с ним, разве что тот: «...явится ко мне с изъявлением покорности своему законному государю и просьбой о разрешении на въезд в Россию как подданному и министру императора и короля...».²⁸⁴

Хотя в первые месяцы польского восстания, Пруссия и поддерживала Россию, в частности, запретив ввоз в Польшу оружия, боеприпасов и амуниции, прекратив денежные переводы в Варшаву и отказывая в аудиенции официальным эмиссарам восставших, тем не менее, Пруссия не собиралась отказываться от самостоятельной позиции в польском вопросе. Об этом, в частности, свидетельствует нежелание Берлина отозвать из Варшавы своего консула Шмидта, несмотря на позицию Петербурга. Прусский монарх хотел иметь собственные источники информации о событиях в Варшаве. Кроме того, несмотря на прямые запреты, оружие, и особенно деньги, продолжали поступать в Варшаву через прусские земли, что признавали и сами пруссаки.²⁸⁵

Однако в целом позиция Пруссии может быть охарактеризована как союзническая по отношению к России. Многие просьбы и пожелания императора находили отклик в прусском правительстве. «В этих сложных обстоятельствах берлинский и венский кабинеты постоянно выказывают императору свидетельства своей просвещенной политики и искренней дружбы. Оба кабинета единодушно отклонили попытки добиться их заступничества перед нашим двором, предпринятые эмиссарами варшавского правительства. Оба ответили, что единственный путь спасения, открытый

²⁸³ Посланник в Берлине Д.М. Алопеус вице-канцлеру К.В. Нессельроде. 20 января (1 февраля) 1831 г. //Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.246

²⁸⁴ Там же. С.247

²⁸⁵ Там же. С.248

для мятежников, состоит в безусловном подчинении воле их законного государя».²⁸⁶

Петербургский кабинет остро нуждался в сохранении своих союзнических отношений с Пруссией и даже был готов частично покрывать расходы, которые в этой связи появлялись у Берлина. Свидетельством подобного подхода могут послужить попытки Петербурга помешать переходу на территорию Прусского королевства беженцев из мятежных провинций. При этом соглашаясь взять на себя бремя расходов, русское правительство не уставало напоминать прусскому королю, что восстание в Польше это не только русская проблема, и что с ним необходимо разбираться сообща. «Само прусское правительство заинтересовано в том, чтобы преступление не осталось безнаказанным и главные вдохновители польской революции оказались не в состоянии возобновить свои преступные происки ни в Польше, ни в других странах».²⁸⁷

Желая оказать помощь русским войскам, которым приходилось бороться не только с поляками, но еще и с холерой и перебоями продовольствия, прусский монарх пошел на то, чтобы создать в своих землях базу снабжения для русских войск.²⁸⁸ Таким образом, можно констатировать, что уровень взаимодействия правительств России и Пруссии был достаточно высок, что не могло не сказаться на взаимоотношениях государств, которые, как уже было сказано выше, оценивались Петербургом очень высоко. Подобное развитие событий воспринималось Россией как должное, так как с точки зрения вице-канцлера К.В.Нессельроде, восстание «...грозило безопасности Пруссии в не меньшей степени, чем России».²⁸⁹

Вместе с тем, оказывая России всестороннюю поддержку в тех вопросах, которые не требовали прямого участия прусских войск в боевых действиях, правительство короля Фридриха-Вильгельма III всячески

²⁸⁶ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Париже К.О. Поццо-ди-Борго, послу в Лондоне Х.А. Ливену и послу в Вене Д.П. Татищеву. 9 (21) марта 1831 г. //Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.280-284

²⁸⁷ Вице-канцлер К.В. Нессельроде посланнику в Берлине Д.М. Алопеусу. 9(21) мая 1831 г.//Там же. С.288

²⁸⁸ Поверенный в делах в Берлине Ф.П. Мальтиц вице-канцлеру К.В. Нессельроде. 16(28) августа 1831 г. //Там же. С.447

²⁸⁹ Там же

стремилось не принимать открытого участия в конфликте. Даже вопрос о помощи прусской армии в организации инфраструктуры русских наступающих войск, вызвал отрицательную реакцию в Берлине, и потребовалось личное вмешательство Николая I, чтобы добиться разрешения прусского короля. Наиболее наглядно это проявилось в ситуации с Торнбургским мостом через Вислу, который был необходим русской армии для скрытной переправы и организации подвоза снабжения. Прусский король отклонил просьбу командующего русскими войсками фельдмаршала И.И.Дибича. Лишь прямая просьба императора Николая I привела к дозволению прусского правительства соорудить в своих землях понтонную переправу. Главным условием подобного соглашения было глубочайшая секретность договоренности.²⁹⁰ Можно предположить, что подобная осторожная политика Берлина во всем, что касалось прямых военных действий, связана с желанием сохранить внутренний порядок в королевстве, в котором могли начаться волнения поляков, поддерживаемых сочувствующими им либерально настроенными слоями общества.

Необходимо отметить, что после взятия Варшавы войсками под командованием И.Ф.Паскевича уровень взаимодействия между Петербургом и Берлином снизился. В частности, это было связано с массовым бегством польских мятежников на территорию стран, граничащих с Польшей, например, на территорию прусского королевства. В Пруссию бежало большое количество поляков, которые, с точки зрения русского правительства, запятнали себя военными преступлениями. Кроме того, многие лидеры восставших успели вывести из варшавских банков свои активы, что прибавило к проблеме принуждения Берлина к выдаче мятежников, вопрос о возвращении банковских активов.²⁹¹ По всем этим вопросам переговоры между двумя странами были очень сложными, смена настроений Берлина, который откровенно не торопился возвращать

²⁹⁰ Примечание 2 и 3 к письму главнокомандующего действующей армией И.И. Дибича вице-канцлеру К.В. Нессельроде 8(20) мая 1831 г. //Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.336

²⁹¹ Поверенный в делах в Берлине Ф.П. Мальтиц вице-канцлеру К.В. Нессельроде 27 сентября (9 октября) 1831 г. //Там же С.491

бунтовщиков и деньги, была сначала непонятна русским дипломатам. Отчасти подобную перемену удалось объяснить русскому послу в Вене Д.П.Татищеву, который в своих сообщениях высказал мнение относительно берлинской политики. С точки зрения русского дипломата, в правительстве короля Фридриха-Вильгельма опасались, что русский император, покончив с одной войной, вовлечет себя и своих союзников в новую. «Кажется, в Берлине в настоящий момент более всего опасаются того, что взятие Варшавы произведёт в С.-Петербурге впечатление, которое отнюдь не будет служить интересам сохранения мира в Европе, а Россия, избавившись от затруднений, вызванных восстанием в Польше, пожелает дать понять Франции, что источником всего зла в Европе является Июльская революция, и постарается вовлечь в такую политику Пруссию и Австрию в гораздо большей степени, чем того требуют интересы и позволяют возможности этих двух стран».²⁹² Подобные опасения привели к тому, что Берлин в своей политике старался обрести более самостоятельный внешнеполитический курс, чтобы иметь возможность, в случае если Николай I действительно войдет в роль «жандарма Европы» и пойдет военным походом против бельгийских и французских революционеров, отмежеваться от политики своего союзника. Не следует забывать, что Берлин в своих действиях во многом был ограничен сильным общественным движением внутри страны, активными действиями которого объяснялись многие шаги, не находившие понимания у Петербурга. Так, отказ выдать польских солдат, желавших остаться на территории Пруссии, объяснялся Берлином именно опасениями общественного мнения, выразителем которого в данном вопросе была либеральная партия.²⁹³ Кроме того, Берлин постоянно подтверждал, что готов вернуть России все имущество польских солдат, включая вооружение и орудия, но не может передать людей не только из-за опасений общественного

²⁹² Посол в Вене Д.П. Татищев вице-канцлеру К.В. Нессельроде 30 сентября (12 октября) 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.494

²⁹³ Поверенный в делах в Берлине Ф.П. Мальтиц вице-канцлеру К.В. Нессельроде 31 октября (12 ноября) 1831 г. // Там же. С.555

мнения, но и из-за того, что не имеет достаточно войск для того чтобы удержать в порядке или уничтожить польские подразделения.²⁹⁴

Но, несмотря на имевшие место непосредственно после взятия русским войсками Варшавы сложности в двусторонних отношениях, в целом можно охарактеризовать прусскую политику как союзническую, помогавшую Российской империи на разных периодах кризиса как дипломатическими усилиями, так и реальными действиями, в том числе обеспечивая снабжение русских войск и препятствуя военной и финансовой помощи польским мятежникам.

Другим союзником России, которого восстание в Варшаве не могло оставить безучастным, была Австрийская империя. Австрийский канцлер К. фон Меттерних в свое время отговаривал императора Александра I включать Польшу в состав России с теми широкими правами, как того хотел император: «...он умолял его превратить Великое герцогство Варшавское в российскую провинцию...».²⁹⁵ Император тогда не прислушался к замечаниям австрийского дипломата и наделил присоединенную Польшу многочисленными правами, противопоставлявшими этот регион остальной территории империи. Впоследствии это решение привело не только к нарастанию в русском обществе антипольских настроений,²⁹⁶ но и к прямому восстанию в Варшаве.

С момента начала восстания возникли опасения, что польские бунтовщики могут рассматривать Вену как способ воздействия на русскую дипломатию. Одновременно с миссией генерала К.И.Княжевича к прусскому королю в Вену был отправлен неизвестный Петербургу агент с целью заручиться поддержкой видных лиц при дворе австрийского императора.²⁹⁷ О том, что именно Вена была избрана лидерами восстания в качестве

²⁹⁴ Поверенный в делах в Берлине Ф.П.Мальтиц вице-канцлеру К.В. Нессельроде 13 (25) августа 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.445

²⁹⁵ Посол в Вене Д.П. Татищев вице-канцлеру К.В. Нессельроде 21 марта (2 апреля) 1831 г. // Там же. С.295

²⁹⁶ В.М.Бокова, Н.М.Филатова Вступительная статья к сборнику «Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830-1831 годов». М.: Новое литературное обозрение, 2005 г.

²⁹⁷ Вице-канцлер К.В.Нессельроде послу в Вене Д.П. Татищеву и посланнику в Берлине Д.М. Алопеусу. 5(17) января 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.231

приоритетного направления для создания давления на Николая I, говорит тот факт, что лидер восставших поляков князь А.Чарторыйский предложил польскую корону эрцгерцогу Карлу.²⁹⁸ И хотя канцлер Австрийской Империи К. фон Меттерних заверял Петербург, что диалог с мятежниками продолжения иметь не будет, все же сам факт подобных инициатив Варшавы не мог не тревожить русского императора.²⁹⁹ Примечательно, что миссия А.Чарторыйского не ограничивалась переговорами относительно будущего Польши. Лидер польских мятежников заботился также о своем благополучии, хлопоча о получении паспорта на вымышленное имя, готовя себе отходной путь на случай неудачи восстания.³⁰⁰ Естественно, это не могло входить в планы Николая I, который настоятельно требовал от Вены пресекать подобные переговоры и не тешить бунтовщиков надеждой уйти от наказания.

После того как в январе польский сейм принял постановление о детронизации Николая Павловича, вопрос о польском короле стал для польских мятежников сродни вопросу выживания самостоятельной Польши. С этой целью в Вену стали приезжать видные представители мятежной Варшавы, например, президент польского банка граф Л.Ельский, которые пытались соблазнить венский двор перспективой утвердить на престоле Королевства представителя династии Габсбургов. К.фон Меттерних решительно отверг польские интриги, пообещав России и впредь поддерживать союзный двор.³⁰¹

Подобное поведение Вены не могло не вызвать положительный отклик в Петербурге. «При уготованных нам польским восстанием прискорбных обстоятельствах и тягостных впечатлениях, ежедневно от этого проистекающих, ничто не могло бы лучше утешить императора, чем постоянно получаемые им от своих союзников свидетельства чистосердечной и искренней дружбы, а также полезное содействие, которое он находит с их

²⁹⁸ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Вене Д.П. Татищеву. 11(23) февраля 1831 г. //Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.263

²⁹⁹ Там же

³⁰⁰ Там же

³⁰¹ Вице-канцлер К.В.Нессельроде послу в Вене Д.П. Татищеву 2 (14) марта 1831 г. //Там же. С.272

стороны, - содействие тем более ценное, что оно носит совершенно добровольный характер».³⁰² К.фон Меттерних еще до взятия Варшавы предупреждал Николая I не делать резких шагов по отношению к бунтовщикам. Продолжая считать, что Польша должна стать частью Российской империи и что «Вследствие восстания поляки утратили все права на слободы, которые были им дарованы императором Александром...»³⁰³, канцлер однако считал, что это вопрос будущего, когда страсти вокруг Польши улягутся. Положение Австрии было тяжелее, чем Пруссии. Помимо Галиции, спокойствию Вены также угрожали венгерские и итальянские земли, и любая искра, вспыхнувшая в части империи, могла моментально перекинуться и в другие беспокойные регионы. Поэтому в своих официальных шагах Вена должна была соблюдать максимальную осторожность, чтобы не спровоцировать конфликт внутри страны. С другой стороны, Россия была самым верным союзником Вены в польском вопросе, который без участия Петербурга не мог быть разрешен положительно.

Австрия подверглась давлению не только со стороны варшавских мятежников, но и со стороны Франции. Париж обрушил на Вену дипломатическую атаку, стараясь любыми способами привлечь венский кабинет к проекту дипломатического демарша европейских стран против России, демарша, который должен был заставить Россию прекратить боевые действия в Польше. Без поддержки Вены демарш терял всякое значение, так как мог быть с легкостью отвергнут Петербургом. К.фон Меттерних отверг проект демарша, ссылаясь на то, что у Петербурга нет политических обязательств по отношению к Варшаве.³⁰⁴ Интенсивность внешнеполитического давления на Вену достигла такого размаха, что австрийский император просил о личной встрече с Николаем I, чтобы обговорить ключевые аспекты совместной политики.³⁰⁵ Следует отметить, что хотя встреча весной 1831 года не состоялась, тем не менее Петербург

³⁰² Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Вене Д.П. Татищеву 27 марта (8 апреля) 1831 г. //Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.300

³⁰³ Посол в Вене Д.П. Татищев вице-канцлеру К.В. Нессельроде 21 марта (2 апреля) 1831 г. //Там же. С.295

³⁰⁴ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Вене Д.П. Татищеву 27 марта (8 апреля) 1831 г. //Там же. С.300

³⁰⁵ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Вене Д.П. Татищеву 12 (24) апреля 1831 г. //Там же. С.304

считал Вену своим важнейшим внешнеполитическим союзником, связывая с ней многие ключевые аспекты дальнейшего развития Европы, в том числе претворение в жизнь идеи Николая I о сокращении вооружений европейских стран: «Посему мы с готовности присоединяемся к идее посвятить эту встречу вопросу о сохранении мира, результатом чего явилось бы взаимное сокращение вооружений сообразно нуждам каждого государства».³⁰⁶

Поддержка со стороны Австрийской империи не ограничивалась дипломатическими действиями в защиту русской политики в Польше, но также включала в себя меры по тыловому обеспечению и поддержке русских войск. С особым удовлетворением Петербургом отмечалась помощь Вены в выдаче тех бунтовщиков, которые пытались скрыться на территории Австрии, что в своих письмах отмечает генерал-майор Ф.Ф.Берг: «...генерал видел в безусловной выдаче повстанцев царскому правительству действительное средство опровержения утверждений самого Дверницкого и его соратников относительно тайной поддержки восстания со стороны австрийских властей».³⁰⁷

Активная позиция Австрии может быть объяснена опасениями того, что восстание, вспыхнувшее в Царстве Польском, может перекинуться на принадлежащую Австрии Галицию. Эти опасения лишь увеличивались в связи открытием все новых и новых фактов активного участия галицийского дворянства в военной и финансовой помощи польским мятежникам.³⁰⁸

Именно эта поддержка, все сильнее проявлявшаяся в общественном мнении отдельных регионов Австрии, заставила Вену сокращать свою помощь России. Из-за опасений мятежа в Галиции Вена стала препятствовать выдаче бунтовщиков русскому правительству. «...когда настал момент претворить в жизнь согласованные меры, венский кабинет пересмотрел свою собственную позицию, и обязанности, возложенные на

³⁰⁶ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Вене Д.П. Татищеву 12 (24) апреля 1831 г. //Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.304

³⁰⁷ Приложение 1 к рапорту командира 4-го резервного кавалерийского корпуса Ф.В. Ридигера управляющему Главным штабом е.и. в-ва и военным министерством А.И. Чернышеву 17 (29) апреля 1831 г. //Там же. С.316

³⁰⁸ Примечание 1 к письму посла в Вене Д.П. Татищева вице-канцлеру К.В. Нессельроде 5 (17) мая 1831 г. //Там же. С.332

него обстоятельствами...только соображения государственной важности, как-то: общественные настроения в Галиции и данные в связи с ними обещания Дверницкому могли вынудить это правительство отказаться от его немедленной выдачи...».³⁰⁹ Естественно, что подобный поворот в действиях Вены не мог найти понимания у Николая I. Само австрийское правительство осознавало, что выглядит не в лучшем свете в истории с польскими мятежным корпусом, но опасаясь волнений в Галиции, не решалось прибегнуть к более решительным мерам. К.фон Меттерних был вынужден констатировать, что в связи с указанными событиями политика Австрии по отношению к русско-польской войне теперь скорее соответствует «пассивному поведению», которое не тождественно формальному нейтралитету.³¹⁰

Опасение Вены были восприняты Петербургом с пониманием. Через официальные дипломатические каналы Николай I сообщил венскому кабинету, что «русские войска в случае необходимости придут на помощь австрийской и прусской армиям, чтобы засвидетельствовать перед лицом Европы нерушимое единство трех континентальных держав».³¹¹ Получив гарантии поддержки со стороны Петербурга, а также столкнувшись с тем, что польские бунтовщики, ранее сдавшиеся австрийским властям, нарушили свои обещания и вновь подняли оружие против русского царя, Вена согласилась выдать оставшихся военнопленных Петербургу, и спорный вопрос был разрешен.

Чем ближе русские войска под командованием И.Ф.Паскевича приближались к моменту генерального штурма варшавских укреплений, тем больше нарастала паника среди лидеров восставших. Понимая, что удержать столицу им не удастся, они в последний раз постарались прибегнуть к помощи Вены, справедливо полагая, что военная и политическая мощь Австрийской империи имеет большое значение для политики Николая I.

³⁰⁹ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Вене Д.П. Татищеву 28 мая (9 июня) 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.353

³¹⁰ Примечание 1 к письму вице-канцлера К.В. Нессельроде послу в Вене Д.П. Татищеву 28 мая (9 июня) 1831 г. // Там же. С.356

³¹¹ Посол в Вене Д.П. Татищев вице-канцлеру К.В. Нессельроде 17(29) августа 1831 г. // Там же. С.450

Однако понимая, что предыдущие переговоры с Австрией завершились неудачно, поляки сменили свою цель и уже просили не о том, чтобы представитель династии Габсбургов стал их королем и тем самым гарантировал их независимость, а лишь о том, чтобы Вена помогла лидерам поляков избежать наказания со стороны русских властей и убедила Николая I амнистировать мятежников, а самой Польше сохранить свои привилегии.³¹² Очевидное поражение бунтовщиков и отсутствие прямой угрозы внешней интервенции окончательно склонили Вену к России, и император Франц II отказал полякам. Естественно, что такой шаг вызвал самые положительные эмоции у петербургского кабинета. . «...заметите, с какой настойчивостью князь Чарторыйский с самого начала революции старался заручиться сочувствием и расположением Австрии...император Франц не согласится ни на какой шаг, способный ущемить суверенные права нашего августейшего государя или поколебать его дружеские чувства к нему...».³¹³

Не вызвало разногласий с Веной и совместное занятие войсками трех держав, Россией, Австрией и Пруссией, формально нейтрального к событиям польского восстания вольного города Кракова. По поводу этого события три двора выступили с совместным заявлением.

Последнее крупное внешнеполитическое событие, связанное с исследуемыми событиями, это дипломатическое наступление на Петербург Англии и Франции с целью гарантии прав Польши, прописанных по заключительному акту Венского Конгресса 1815 года. Очевидно, что совместное выступление европейских стран было связано с готовящимся Николаем I «Органическим Статутом Царства Польского», который ограничивал права и привилегии мятежного края. Позиция России и Австрии по этому вопросу совпадала, так как оба императора считали, что лучшей защитой будет единство позиций трех союзных держав: «..ибо ничто не может столь решительно положить конец претензиям французского правительства, как уверенность в полном единодушии трех великих

³¹² Посол в Вене Д.П.Татищев вице-канцлеру К.В. Нессельроде 21 августа (2 сентября) 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.455

³¹³ Там же. С.457

континентальных держав в жизненно важных вопросах...».³¹⁴ С целью достижения такого единства австрийский канцлер К. фон Меттерних предлагал созвать в Вене конференцию трех дворов «с целью укрепить монархическое начало путем единства высказываний и действий...».³¹⁵

Таким образом, подводя предварительный итог, можно констатировать, что позиция союзных России по Священному союзу стран, Австрийской империи и Прусского королевства, была союзнической по отношению к политике, проводимой Петербургом. При этом Вена проводила политику, более консолидированную с интересами Петербурга, чем Пруссия, во многом отстаивая на дипломатической арене интересы союза. Поддержка Пруссии и Австрии была связана не только с теми обязательствами, которые эти страны имели перед Петербургом, но еще и с тем, что проблема Польши была общей для всех стран, что прекрасно понимали и Вена, и Берлин. Очевидно, что они понимали также, что без России разрешить проблему независимой Польши, которая, как показывали события польских восстаний XVIII века, будет стремиться вернуть себе земли, принятые считать исконно польскими, невозможно. Эти земли на момент событий 1830-31 гг. давно уже были в составе Прусского королевства и Австрийской империи. Помощь союзных дворов проявлялась не только в сфере военно-материального обеспечения боевых действий русских войск, но также в пресечении материальной и финансовой помощи бунтовщикам, разведке и контрразведке, дипломатических действиях в поддержку политики Петербурга.

Для Николая I поддержка Пруссии и Австрии имела особое значение. Данная поддержка показывала, что курс, выбранный императором в его внешней политике, настроенный на максимальную консолидацию со своими союзниками и на взаимное доверие, является правильным и может принести в будущем большие дивиденды. В целом исследованные события

³¹⁴ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Вене Д.П. Татищеву и поверенному в делах в Берлине Ф.П. Мальтицу 25 ноября (7 декабря) 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.611

³¹⁵ Посол в Вене Д.П. Татищев вице-канцлеру К.В. Нессельроде 30 сентября (12 октября) 1831 г. // Там же. С.494

также показали, что Священный союз в данной ситуации проявил себя как военно-политический союз, имеющий четко выраженные интересы и принципы построения своего внешнеполитического курса.

2.3. Страны-противники Петербурга.

Польское восстание, словно лакмусовая бумажка, выявило отношение к политике России ведущих европейских держав. Наряду со странами, выступившими в это время в качестве союзников Петербурга, были также и страны, которые пытались использовать события восстания с целью ослабить европейские позиции Николая I. Это в полной мере соответствует манере поведения, которую избрали для себя Великобритания и Франция.

Франция после июльской революции 1830 года воспринималась Россией как угроза сложившейся после 1815 года системе международных отношений. После начала восстания в Варшаве Петербург предположил, что Париж может использовать сложившуюся ситуацию с целью ослабления влияния Николая I в Европе. Целью Парижа могло стать создание выгодных условий для пересмотра системы международных отношений, направленной против Франции, а также увеличение своего влияния на события, происходящие в бельгийских землях Нидерландского королевства. Опередить французское правительство и не дать ему воспользоваться сложившейся ситуацией силовыми методами Петербург не мог, поэтому на первый план вышли чисто дипломатические методы. Была предпринята попытка удержать Париж от опрометчивых действий, ему давали понять, что в благодарность Николай I будет готов смягчить свою позицию по признанию нового французского правительства. Предполагался своеобразный обмен на, как считал Петербург, взаимовыгодных условиях. «Если...правительство короля Луи-Филиппа с нетерпением ожидало подходящего момента, чтобы дать Европе гарантии безопасности и приобрести доверие императора, ему не следует упускать возможности

воспользоваться нынешними обстоятельствами».³¹⁶ Приглашая французское правительство к диалогу, русские дипломаты сразу же давали понять, что любое иное поведение приведет к значительным осложнениям в русско-французских отношениях.

Подобное предложение имело свои преимущества, учитывая, что и Франция, и Россия были очень плотно втянуты в проходивший параллельно с польскими событиями процесс урегулирования голландско-бельгийского кризиса, и взаимное сближение двух стран могло бы привести к продвижению в вопросе о статусе бельгийских земель. Делая подобное предложение Франции, Николай I не просто пытался «напугать» Париж, но предлагал реальный план действий, который мог способствовать улучшению двусторонних отношений. Тем более, что, по мнению русского императора, в сложившихся условиях «Французское правительство и само должно желать восстановления законного порядка в стране...».³¹⁷ Официальный Париж высказал понимание ситуации и обещал не вмешиваться в русско-польский конфликт.

Однако русский полномочный представитель в Париже граф К.О.Потто ди Борго, который много лет прожил во Франции и был прекрасно осведомлен о настроениях во французских правительственных кругах, немедленно усомнился в подобном поведении Франции. С точки зрения русского дипломата, необходимо было готовиться к противодействию со стороны французов.³¹⁸

Первоначально французское правительство неуклонно подтверждало свои заверения в том, что оно не будет вмешиваться во внутренние дела русского государства. Однако были отмечены появившаяся на страницах французских газет и журналов агитация в пользу независимой Польши и

³¹⁶ Вице-канцлер К.В.Нессельроде послу в Париже К.О. Потто-ди-Борго. 28 ноября (10 декабря) 1830 г. //Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.183

³¹⁷ Вице-канцлер К.В.Нессельроде послу в Париже К.О. Потто-ди-Борго 24 декабря 1830 г. (5 января) 1831 г. //Там же. С.229

³¹⁸ Комментарии 1 к письму вице-канцлера К.В.Нессельроде послу в Париже К.О. Потто-ди-Борго. 28 ноября (10 декабря) 1830 г. //Там же. С.184

статьи, поддерживающие революционную борьбу поляков.³¹⁹ Антираоссийская риторика французских газет была лишь началом враждебных действий французского правительства. Вскоре в Петербург стали поступать сведения о готовящейся в финских землях «большой диверсии», деньги на которую (фигурировала сумма в 20.000 фунтов стерлингов) выделяло французское правительство.³²⁰ Между двумя правительствами стало расти напряжение, выражавшееся во взаимных подозрениях и сопровождавшееся конфликтом интересов на международной арене. Встреча между представителем французского правительства герцогом Мортемаром и императором Николаем I не привела к улучшению ситуации. Любая попытка Парижа влиять на развитие русско-польской войны крайне остро воспринималась Николаем I, который неоднократно пытался дать понять французскому правительству, что в том, «что касается мер внутреннего характера...то в этом мы никому не обязаны давать отчет, и в вопросах такого рода император никогда не станет считаться с протестами какой-либо иностранной державы».³²¹

Рассматривая кризисную ситуацию в Польше как возможность лишить Россию того ведущего положения, которое она заняла по итогам наполеоновских войн, и получить преимущество в бельгийском кризисе, Франция стала открыто помогать польским бунтовщикам. С этой целью французы сами взяли на себя роль примирителя между Николаем I и Варшавой, пытаясь на переговорах с Россией добиться выгодных для поляков условий примирения с Петербургом. Столкнувшись с категорическим отказом Николая I, французское правительство постаралось принудить русского императора к миру с поляками. С этой целью Париж разработал проект дипломатического демарша европейских стран против Петербурга, по проекту которого планировалось заставить Николая I

³¹⁹ Вице-канцлер К.В.Нессельроде послу в Париже К.О. Поццо-ди-Борго 24 декабря 1830 г. (5 января) 1831 г. //Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.235

³²⁰ Вице-канцлер К.В. Нессельроде посланнику в Стокгольме П.К. Сухтелену 3 (15) февраля 1831 г.//Там же. С.235

³²¹ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Париже К.О. Поццо-ди-Борго 13 (25) марта 1831 г. //Там же. С.293

сохранить в неприкосновенности по итогам войны «политическое существование Королевства Польского».³²² Проект демарша провалился, так как французским представителям в Берлине и Вене не удалось убедить союзников России принять участие в этом демарше. Тогда же стало известно, что французское посольство в Вене поддерживало прямые контакты с мятежниками, в том числе с теми, которые укрывались на территории Австрии.³²³

Французское правительство не оставляло попыток примерить на себя роль миротворца в конфликте между русским императором и мятежной Варшавой. Воспользовавшись тем, что на территории России произошла вспышка холеры, от которой пострадали, в том числе и войска, подавлявшие польское восстание, французское правительство, прикрываясь гуманными целями сокращения потерь вследствие эпидемии и войны, вновь обратилось с предложением о посредничестве. Ответ русского императора был неизменен. «Если же...оно (французское правительство) действует заодно с польскими агентами, находящимися в Париже, и в самом деле вынашивает планы посредничества между императором и его взбунтовавшимися подданными, то его необходимо лишить всякой надежды на то, что подобное предприятие когда-нибудь может осуществиться»,³²⁴ «...е.и. в-во настойчиво просит французское правительство с должным пониманием отнестись к положению, в котором он находится, и раз и навсегда отказаться от надежды навязать ему любые планы посредничества, независимо от кого и в какой форме они могли бы быть ему предложены».³²⁵ Понимая, что французы не удовлетворятся этим отказом, русское правительство видит единственный путь к спасению ситуации в скорейшем продвижении войск И.Ф.Паскевича и в подавлении восстания. «...мы надеемся, что успехи наших войск в Польше

³²² Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Вене Д.П. Татищеву 27 марта (8 апреля) 1831 г. //Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.301

³²³ Примечание 1 к письму посла в Вене Д.П. Татищева вице-канцлеру К.В. Нессельроде 5 (17) мая 1831 г. //Там же. С.332

³²⁴ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Париже К.О. Поццо-ди-Борго 28 мая (9 июня) 1831 г. //Там же. С.358

³²⁵ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Париже К.О. Поццо-ди-Борго 24 июля (5 августа) 1831 г. //Там же. С.436

избавят в скором времени французское правительство от необходимости идти на новые уступки партиям, которые толкают его на вмешательство в это прискорбное осложнение».³²⁶

Упорство Петербурга и возобновившееся наступление русской армии заставляли французское правительство переходить к все более и более решительным акциям. Было значительно увеличено выделение денег польским бунтовщикам на закупку вооружений и боеприпасов, а также на подготовку большой диверсии против царского правительства в Финляндии.³²⁷ На территории Франции был практически создан центр для помощи польскому восстанию. Официальный Париж, уже не маскируя свою позицию, тесным образом сотрудничает с лидерами восстания: «Нам достоверно известно, что г-н Себастиани часто встречается с генералом Княжевичем и графом Платером, что он предлагает им свое посредничество для пересылки их корреспонденции так называемому национальному правительству в Варшаву, что он принимает их ноты, в которых они то просят о вмешательстве европейских держав в польские дела, то призвания польской независимости».³²⁸ Французское правительство фактически предоставило свои дипломатические службы для нужд бунтовщиков, пытаясь через своих дипломатов разрушить союз между Россией, Австрией и Пруссией, с тем, чтобы лишить Россию дипломатической и военной поддержки этих стран.³²⁹ Оказывая всеобъемлющую помощь польским мятежникам, настраивая против России ее союзников, выделяя деньги на проведение диверсий в одной из русских губерний, французское правительство шло на открытый конфликт с Петербургом. Официальные заявления Парижа, выдержанные в духе дружеского участия, никак не сочетались с политикой французских дипломатов, не только мирившихся с существованием созданного у них на глазах польского комитета, который

³²⁶ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Париже К.О. Поццо-ди-Борго 28 мая (9 июня) 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.359

³²⁷ Вице-канцлер К.В. Нессельроде посланнику в Стокгольме П.К. Сухтелену 6 (18) июня 1831 г. // Там же. С.369

³²⁸ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Париже К.О. Поццо-ди-Борго 17 (29) июня 1831 г. // Там же. С.387

³²⁹ Там же

открыто замышлял козни против России, обсуждал средства содействия польскому восстанию и его распространению, проводил подписки в пользу бунтовщиков, вербовал на эти средства офицеров, но и вообще всячески помогавшего полякам и вдохновлявшего их.³³⁰

Кроме прямого влияния на конфликт, которое пытались организовать французское правительство, была начата информационная война против России. Выходящие во Франции газеты были полны антирусской риторики. Польша изображалась бастионом европейской свободы, и все это делалось с молчаливого согласия правительства. Среди многочисленных газет, издающихся в столице Франции, не было ни одной, которая ежедневно не демонстрировала бы враждебного отношения к России, ожесточенного желания увидеть поражение правительства, чья великодушная политика дважды спасала Париж и Францию от справедливого гнева всей Европы, вооружившейся против нее.³³¹

Пытаясь как то противостоять информационной войне, развязанной против нее Францией, русское правительство опубликовало свое видение событий в *Journal de St.-Petersbourg* от 16 (28) мая. Однако статьи о злодеяниях бунтовщиков в Литве вызвали лишь усиление антирусской риторики в прессе. Ее масштаб поражал даже опытных дипломатов: «Все приличия, всякое представление о справедливости были забыты. Если бы мы находились в состоянии открытой войны с Францией, то и тогда французские газеты не могли бы обрушиться на нас с большим ожесточением и неистовством».³³²

Можно предположить, что подобной антирусской кампанией в прессе французское правительство преследовало две цели. С одной стороны, в массовом представлении создавался резко негативный образ России, что подготавливало общество к возможной войне против нее. Тем более, что с развитием бельгийского и польского кризисов большая европейская война

³³⁰ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Париже К.О. Поццо-ди-Борго 17 (29) июня 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.388

³³¹ Там же

³³² Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Париже К.О. Поццо-ди-Борго 30 июня (12 июля) 1831 г. // Там же. С.402

могла стать явью. С другой стороны, французское правительство создавало формальное оправдание своих шагов, которые были направлены против России, объясняя их требованием общественного мнения. Несмотря на такой изощренный прием, французскому правительству не удалось ввести в Петербург в заблуждение. Отношения между двумя странами все более и более накалялись и дошли до угроз в официальных бумагах: «Если французское министерство проявит безнадежную слабость и беспомощность, то мы не станем поддерживать его в ущерб собственным интересам и достоинству императора».³³³

Фактически французское правительство само себя загоняло в ловушку. Не имея желания непосредственно выступать на стороне поляков и объявлять войну России, но в тоже время щедро даря полякам обещания и надежды, Франция неуклонно двигалась к точке невозврата в русско-французских отношениях. Особенно сильно это проявилось после того, как в своей тронной речи французский король Луи-Филипп обещал: «...прежде всего обеспечить Польше, чье мужество пробудило к ней прежние симпатии французов, ту национальную самобытность, которая оказалась неподвластной времени и его превратностям» (надо отметить, что при этом прокомментировать русскому послу, что такое «национальное самобытность» французы не смогли).³³⁴ Французский король не мог не понимать, что поддержка польского восстания в его речи будет с негодованием воспринята в Петербурге, но обещания, данные полякам, и давление общественного мнения, не оставляли королю выхода. Тем более, что устное упоминание было самым большим, чем он на тот момент мог помочь Варшаве, к которой уже приближались русские войска. Любые более решительные действия, могли привести к объявлению войны, что обрушило бы власть Луи-Филиппа. С точки зрения графа К.О.Поццо ди Борго, «французские власти не имеют настоящей цели и бессильны не потому, что

³³³ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Париже К.О. Поццо-ди-Борго 30 июня (12 июля) 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.403

³³⁴ Посол в Париже К.О. Поццо-ди-Борго вице-канцлеру К.В. Нессельроде 14 (26) июля 1831 г. // Там же. С.418

воздержались бы от причинения нам зла, если бы могли достичь этого, не усугубляя еще более своего положения, а потому что не могут не учитывать того, что разрыв с Россией повлечет за собой всеобщую войну...».³³⁵

Последней попыткой склонить Россию к переговорам стала якобы произошедшая утечка информации из французского правительства о том, что Луи-Филипп готов в одностороннем порядке признать независимость Польши. «...генерал Себастиани будто бы проговорился, что если наш августейший государь никоим образом не примет посредничества Франции, она приступит к признанию независимости поляков...мы узнали о курьере, направленном г-ном Себастиани князю Чарторыйскому и будто бы доставившем полякам срочное извещение о том, что они должны во что бы то ни стало продержаться по крайней мере до 7 сентября, по н.ст., поскольку к этому времени будут сделаны решительные демарши в поддержку их независимости».³³⁶

В Петербурге со всей серьезностью отнеслись к подобной информации. Факт международного признания независимости Польши, если бы он состоялся, мог иметь самые непредсказуемые последствия и, безусловно, осложнил бы процесс подавления польского восстания и дальнейшего урегулирования ситуации в крае. Поэтому была принята решение не допустить подобного развития событий, в связи с чем И.Ф.Паскевич должен был форсировать штурм Варшавы, а российская дипломатия воспрепятствовать опасным инициативам Парижа. Принимая во внимания всю сложность ситуации, в которую пале-рояльский кабинет сам себя загнал, было принято решение выбрать максимально жесткий тон в переговорах с ним и приготовиться к крайним мерам, граничащим с состоянием войны. «...если пале-рояльский кабинет даст хоть идею Себастиани и на самом деле приступит к признанию Польши, это будет расценено нашим августейшим государем как действие подлинно враждебное России и Вам в таком случае в

³³⁵ Посол в Париже К.О. Поццо-ди-Борго вице-канцлеру К.В. Нессельроде 14 (26) июля 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.418

³³⁶ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Париже К.О. Поццо-ди-Борго 12 (24) августа 1831 г.//Там же С.444

соответствии с намерениями е.и.в-ва надлежит незамедлительно затребовать Ваши паспорта и вместе со всеми сотрудниками посольства и всеми подданными е.в-ва покинуть Францию».³³⁷

Успешный штурм войсками под руководством И.Ф.Паскевича польских укреплений под Варшавой и сдача города полностью ломали планы французского правительства. Попытка дипломатическими мерами спасти самобытность политической системы, возникшей в Польше после Венского Конгресса, ссылаясь на статьи заключительного акта, разбилась о категорическое требование Николая I, обращенное ко всем европейским делам, не вмешиваться в русско-польские отношения.

Французское правительство оказалось в очень тяжелом положении. Все надежды, которые лелеяли польские революционеры, основываясь на обещаниях и заверениях Парижа, развеялись в прах, столкнувшись с энергичными действиями Петербурга. Всякие предприятия, которые могли бы привести к войне или конфликту с Россией, стали решительно отменяться Парижем. О признании независимости Польши речь уже не шла. «Взятие Варшавы и блистательное подавление польского мятежа лишили военную партию веры в возможность успешной войны. В свете этого события они поняли, что вся континентальная Европа выступит против них, и стали вести себя скромнее».³³⁸

Однако признать тот факт, что целый год Париж давал полякам напрасные надежды, французское правительство не могло, особенно после официальных речей Луи-Филиппа о симпатии французов польской самобытности. С тем, чтобы, с одной стороны, продолжать оказывать видимую помощь полякам, а с другой стороны, привести в какой-то порядок массы прибывающих во Францию польских революционеров, сбежавших от наказания из польских земель, в Париже появился план создания «польского легиона». Агитация в войска этого легиона проходила не только во

³³⁷ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Париже К.О. Поццо-ди-Борго 12 (24) августа 1831 г. //Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.444

³³⁸ Личное письмо посла в Париже К.О. Поццо-ди-Борго вице-канцлеру К.В. Нессельроде 25 октября (6 ноября) 1831 г.//Там же.С.546

Франции, но и в других странах, например, в галицийских владениях австрийского императора.³³⁹

Реакция Петербурга была молниеносной. Франции было объявлено, что «...наш августейший государь рассматривал бы формирование такого легиона под названием польский как поистине враждебный акт в отношении России, не совместимый с поддержанием дружественных отношений между двумя странами»³⁴⁰, что должно было удержать Париж от резких шагов. Помимо этого, Петербург пытался препятствовать оттоку большого количества участников мятежа из Пруссии и Австрии во Францию, путем амнистирования некоторых групп участников, в частности, всех нижних чинов и унтер-офицеров, коим было дозволено вернуться в Польшу. «Нет сомнения, что для Пруссии, как и для нас, важно помешать формированию войска, существование которого не может не представлять опасности».³⁴¹

Подобные энергичные меры принесли результат. Французское правительство отказалось от своих намерений. Было официально обещано, что все поляки, которые эмигрировали во Францию, будут рассматриваться как беженцы и им будет недозволено создавать какие-либо военные соединения.³⁴²

Таким образом, французское правительство пыталось на всем протяжении кризиса оказывать помощь польским бунтовщикам. Через свои активные действия официальный Париж пытался максимально переключить внимание русской дипломатии с бельгийского кризиса на события, развивавшиеся вокруг мятежной Польши. Можно констатировать, что варшавское восстание дало французам исключительную возможность изменить невыгодный для них расклад внешнеполитических сил, который сложился после подписания в 1815 году венских соглашений. Несмотря на заверения в своей искренней дружбе и нежелании ввязываться в русско-

³³⁹ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Париже К.О. Поццо-ди-Борго 25 октября (6 ноября) 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.542

³⁴⁰ Там же

³⁴¹ Вице-канцлер К.В. Нессельроде поверенному в делах в Берлине Ф.П. Мальтицу 7 (19) декабря 1831 г. // Там же. С.630

³⁴² Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Париже К.О. Поццо-ди-Борго. 20 декабря 1831 г.(1 января 1832 г.)// Там же. С.641-642

польский конфликт, Париж с первых дней восстания стал оказывать военную и дипломатическую помощь Польше. Именно французская пресса запустила волну антирусской риторики, которая впоследствии была подхвачена журналистами других стран. Россия, понимая, что Франция, с одной стороны, открыто помогает польским бунтовщикам, угрожая тем самым интересам Российской империи, а с другой стороны, не решится на прямое столкновение с Петербургом и его союзниками, заняла активную позицию и всеми средствами препятствовала Франции в реализации ее планов. Подобное поведение помогло отразить дипломатические выпады Парижа. Однако доверие императора к кабинету короля Луи-Филиппа по всей видимости было окончательно подорвано.

В ходе событий, сопровождавших польское восстание, отчетливо стали видны, с одной стороны, возросшее значение общественного движения, а с другой стороны, желание правительств ряда стран использовать общественное мнение с целью денонсации существующих договоренностей. Примером такой страны является Великобритания.

Как уже было показано в первой главе, Николай I придавал большое значение консолидации позиции Российской империи и официального Лондона. Очевидно, что петербургский кабинет исходил из того, что Лондон не будет поддерживать попытки французского правительства использовать обстоятельства бельгийского и польского кризисов для ослабления России и изменения внешнеполитического баланса в Европе. Подобное предложение вполне сочеталось с первоначальной реакцией Лондона на польское восстание, но дальнейшее развитие событий наглядно показало русскому монарху все сложность политики, проводимой Лондоном. «Образ действий, которого английский кабинет придерживался в польских делах, неизбежно должен был породить сомнение в искренности его намерений».³⁴³

В отличие от Франции Лондон не спешил официально поддержать польских мятежников в их борьбе за независимость от Петербурга.

³⁴³ Вице-канцлер К.В.Нессельроде послу в Лондоне Х.А.Ливену 24 июля (5 августа) 1831 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.428-433

Формально не признавая польских мятежников, Лондон направил в Варшаву своего специального консула, официальной задачей которого была защита граждан Британии, проживавших в Варшаве. Понимая всю опасность такого шага, а также то, что: «...пребывание, даже временное, английского чиновника в Варшаве было бы равносильно в глазах Европы, равно как и самих восставших, признанию их независимости...»,³⁴⁴ Петербург поспешил взять на себя обязательства по защите этих подданных английской короны.

Не осталось без внимания Петербурга то обстоятельство, что в Лондоне попытались связать между собой революционные силы в Бельгии и Польше с тем, чтобы оказать давление на Россию. Так, в июле 1831 года в руки российского вице-канцлера попала информация о том, что мятежные поляки отправили в Брюссель, столицу мятежного бельгийского королевства, своего эмиссара, предварительно заручившись поддержкой этого предприятия со стороны лорда Пальмерстона.³⁴⁵ Попытка создать связь между революционерами в Польше и в Бельгии, а также потенциальная возможность признания независимости Польши со стороны мятежного Бельгийского королевства, служили русским дипломатам ярким свидетельством того, что для Лондона восстание в Польше представляет меньший интерес, чем бельгийские события. «Судьба Польши интересовала лондонский кабинет в очень малой степени. Сам государственный секретарь занимался польскими делами главным образом в угоду общественному мнению».³⁴⁶

Именно общественным мнением глава английского кабинета объяснял отказ от открытой поддержки действий Николая I в польских событиях и тайную помощь мятежникам. Отказавшись вслед за Австрией и Пруссией от идеи князя Талейрана принудить Николая I примириться с поляками, лорд Пальмерстон предупредил Петербург, что под влиянием общества он может

³⁴⁴ Посол в Лондоне Х.А. Ливен вице-канцлеру К.В. Нессельроде 29 мая (10 июня) 1831 г.// Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.359

³⁴⁵ Приложение 5 к депеше посла в Вене Д.П. Татищева вице-канцлеру К.В. Нессельроде. 6 (18) июля 1831 г. // Там же. С.411

³⁴⁶ Приложение 5 к депеше посла в Вене Д.П. Татищева вице-канцлеру К.В. Нессельроде. 6 (18) июля 1831 г.// Там же. С.411

быть вынужден резко изменить политику своего кабинета в отношении Петербурга. «...если в ближайшее время Россия не добьётся решающих успехов в польской кампании, британское министерство под давление общественного мнения уже осенью 1831 года вполне может быть вовлечено помимо своей воли и желания, в демарши, которые оно сегодня избегает».³⁴⁷

По мере продвижения русских войск в Польше и ввиду приближающегося краха восстания Великобритания все активней пыталась повлиять на события кризиса. Вместе с усиливающимися слухами о том, что при помощи английских и французских судов в тылу русских войск готовится диверсия³⁴⁸, появлялись и более яркие свидетельства перемены курса лондонского кабинета: «...он изменяет свою позицию и поведение и следует линии, прямо противоположной собственным самым определенным заверениям. Польских агентов в Лондоне принимают и оказывают им покровительство. Многие члены правительства щедро расточают им советы и слова ободрения. С их соизволения Королевство Польское и даже польские провинции России признаются потерянными для нее».³⁴⁹ Долгое время для петербургского кабинета подобная перемена была непонятной, тем более, что в августе и сентябре позиция Великобритании по другому спорному вопросу международных отношений – Бельгии, значительно смягчилась. Великобритания нуждалась в поддержке Российской империи в противовес Франции, которая использовала обстоятельство бельгийско-голландской войны 1831 г. в своих целях. Поэтому перемена в курсе Великобритании была не ясна для русского императора. Было сделано предположение, что Великобритания была завлечена Парижем в свой лагерь и поэтому отказывается от старых обязательств, препятствуя планам России в регионе: «Таким образом, Англия уже второй раз стала игрушкой в интригах Франции...».³⁵⁰

³⁴⁷ Приложение 1 к депеше посла в Париже К.О. Поццо-ди-Борго вице-канцлеру К.В. Нессельроде. 14 (26) июля 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.422

³⁴⁸ Поверенный в делах в Берлине Ф.П. Мальтиц вице-канцлеру К.В. Нессельроде. 20 августа (1 сентября) 1831 г. // Там же. С.422

³⁴⁹ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Лондоне Х.А. Ливену. 24 июля (5 августа) 1831 г. // Там же. С.428

³⁵⁰ Там же

Естественно, что оценивая причины изменения политики Великобритании таким образом, Петербург крайне негативно реагировал на подобное изменение. «Образ действий, которого английский кабинет придерживался в польских делах, неизбежно должен был породить сомнение в искренности его намерений».³⁵¹ Не следует забывать и о том, что Николай I расценивал восстание в Польше исключительно как внутрисоссийскую проблему и резко негативно относился к любой попытке влиять на конфликт извне. Сама идея вмешательства другой державы, будь то Франция или Великобритания, с негодованием отвергалась русским самодержцем. «Император никогда не вынашивал планов вмешательства во внутренние дела этой страны и тем паче не потерпит того, чтобы какая-либо держава вмешивалась в дело, разобраться в котором призван он один».³⁵²

Дальнейшее развитие событий и особенно падение Варшавы наглядно продемонстрировали Петербургу причину волнений Лондона, которые вызвали перемену в его курсе. «...первой реакцией разных членов администрации на это событие было крайнее удивление и даже чувство разочарования...оно проистекает не столько из искреннего сочувствия делу поляков, сколько из смутного страха по поводу того, каким образом Россия может воспользоваться своей победой. Английское правительство опасается, что Россия, с одной стороны, и Австрия и Пруссия – с другой, избавившись от затруднений, ограничивавших их свободу действий, станут вынашивать планы, представляющие угрозу сохранения всеобщего мира...».³⁵³ Таким образом, стало очевидно, что для Великобритании восстание в польских владениях русского императора главным образом представляло интерес в связи событиями в Бельгии, а не само по себе. Пока русские войска возвращали Польшу под контроль империи, военные силы трех союзных дворов – России, Австрии и Пруссии, были связаны и не могли влиять на события бельгийско-нидерландского противостояния. После подавления

³⁵¹ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Лондоне Х.А. Ливену. 24 июля (5 августа) 1831 г. //Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.428

³⁵² Там же

³⁵³ Посол в Лондоне Х.А. Ливен вице-канцлеру К.В. Нессельроде. 15 (27) сентября 1831 г.//Там же. С.480

восстания эти силы освободились, и в том случае, если бы Россия приняла решение ими воспользоваться, они коренным образом изменили бы расклад сил в бельгийском кризисе. Проанализировав ситуацию и поняв причины беспокойства Лондона, русские дипломаты поспешили заверить правительство Великобритании, что их страхи беспочвенны и «что Россия не заинтересована в новых войнах и хочет сосредоточиться на восстановлении внутреннего порядка».³⁵⁴ По всей видимости, заверения русских дипломатов успокоили власти Великобритании, которые отказались от открытой защиты права Польши на самостоятельность и сосредоточились на решении бельгийского кризиса.

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении польского кризиса было две страны, которые своими внешнеполитическими действиями пытались повлиять на его развитие и помешать усилиям Петербурга разрешить его скорейшим образом. Хотя в своем стремлении помешать России правительства Франции и Великобритании были едины, следует отметить, что причины, которые двигали действиями правительств этих стран, были разные. Франция пыталась влиять на события кризиса, исходя из желания максимально ослабить Российскую империю как одного из главных гарантов системы, установившейся после крушения империи Наполеона I в 1815 году, системы, которая была направлена против усиления могущества французского государства. Великобритания же проявляла интерес к событиям кризиса из-за того, что эти события активным образом влияли на урегулирование бельгийской проблемы, в которой принимали участие все Великие Державы. Пока Россия должна была разбираться с неожиданно возникшей польской проблемой, русская дипломатия была отчасти скованна в своих действиях в решении бельгийской проблемы. Из-за различия в причинах участия Франции и Великобритании в интересующих нас событиях различались и объем помощи, которую страны оказывали Польше. Если Франция оказывала значительную помощь полякам, собирая

³⁵⁴ Посол в Лондоне Х.А. Ливен вице-канцлеру К.В. Нессельроде. 15 (27) сентября 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.480

деньги, организовывая действия восставших, предпринимая дипломатические демарши против Российской империи, оказывая покровительство полякам, бежавшим из-под власти русского самодержца, то Великобритания ограничилась лишь слабыми дипломатическими попытками защитить конституцию Польши. Тем не менее действия обеих держав вызывали значительное беспокойство в Петербурге и привели к напряженности в двухсторонних отношениях, а также к утрате доверия Николая I к парижскому и лондонскому кабинетам.

2.4. Политика нейтральных стран.

Помимо Великих Держав, события, которые разворачивались вокруг польского восстания, затронули также многие более скромные страны как старого, так и нового света. Формально не входившие в систему европейских союзов, нейтральные страны также реагировали на события польского восстания. Изучения их реакции может дать необходимую информацию для понимания того, какое место в мире занимала Российская империя, и как ее воспринимало население других стран.

С момента начала кризиса ряд европейских государств занял позицию, сочувствующую политике Петербурга. В первую очередь, среди этих государств следует выделить Саксонию. Без официального запроса из России саксонские власти по собственному желанию попытались воспрепятствовать провозу через территорию своей страны контрабандой оружия, боеприпасов и денег для нужд варшавских мятежников. Подобная инициатива саксонского короля была радостно встречена в Петербурге. «Меры, принятые е.в-вом королем саксонским, чтобы помешать переправке оружия из Саксонии в Польшу, доставили нашему августейшему государю самое глубокое удовлетворение. Е.в-ву угодно усматривать в этих столь дружественных действиях свидетельство взаимности тех чувств, которое он всегда питал к своему августейшему другу и союзнику...».³⁵⁵ Добровольная

³⁵⁵ Вице-канцлер К.В. Нессельроде посланнику в Дрездене А.А. Шредеру. 29 апреля (11 мая) 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.325

помощь саксонских властей была очень полезна, так как Саксонское королевство рассматривалось мятежниками как один из удобных маршрутов транзита оружия на территорию Российской империи. Усиленные патрули позволили наладить регулярный перехват незаконного груза в достаточно больших объемах. Счет единиц оружия, предназначенного для ввоза на территорию Польши, переваливал за полторы тысячи винтовок, десятки ящиков боеприпасов. «...не проходит недели, чтобы не был перехвачен более или менее значительный незаконный груз такого рода».³⁵⁶ Саксонское королевство испытывало определенные трудности в связи со своей пророссийской политикой, что стало особенно заметно после подавления восстания в Польше, когда большая масса мятежников, страшась царского наказания, бежали за границу и использовали территорию Саксонии как перевалочный пункт. Офицеры польской армии, которые прибыли в Дрезден, оказывали влияние на настроение местных жителей, что вызывало трудности для саксонских властей.³⁵⁷

Казалось, что саксонский король Антон Благоклонный, который в том же 1831 году ограничил свою власть в Саксонии, даровав своим подданным конституцию, должен был сочувствовать делу польских мятежников. Особенно в свете того, что в эпоху Наполеона I Бонапарта саксонский дом был тесным образом связан с герцогством Варшавским. Можно предположить, что выбор в пользу России был обусловлен тем, что король Саксонии не хотел изменений во внешнеполитическом балансе сил, связывая с блоком стран Священного союза внешнеполитическое благополучие своей страны. Тем более, что удачное развитие революции в Польше, могло привести к «экспорту революции» в другие европейские страны, в том числе и в Саксонию, политическая ситуация в которой и так вынудила монарха добровольно ограничить свою власть в пользу народного представительства.

³⁵⁶ Посланник в Дрездене А.А. Шредер вице-канцлеру К.В. Нессельроде. 23 июня (5 июля) 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.396

³⁵⁷ Посланник в Дрездене А.А. Шредер вице-канцлеру К.В. Нессельроде. 13 (25) ноября 1831 г. // Там же. С.594

Другим неожиданным помощником Петербурга в обстоятельствах польского кризиса оказался Папский престол. С момента начала восстания ряд польских священнослужителей, в том числе два епископа, благословили восстание и стали собирать деньги и пожертвования в пользу мятежников. Петербург не мог напрямую повлиять на позицию католического духовенства, которое традиционно имело сильные позиции на территориях, ранее входивших в состав Речи Посполитой. Понимая щекотливость ситуации, русский посланник в Риме Г.И.Гагарин, предварительно заручившись поддержкой Петербурга, по конфиденциальным каналам обратился к папскому окружению с предложением издать энциклику, которая бы потребовала бы от польского клира не выходить за рамки своих духовных обязанностей и воздержаться от оказания помощи повстанцам.³⁵⁸ В результате активной деятельности Г.И.Гагарина в феврале папа Римский Григорий XVI направил в адрес сандомирского епископа апостольское послание, в котором призвал польский клир руководиться «заветами святого Павла...»,³⁵⁹ а затем и вовсе осудил восставших.³⁶⁰

Значительную тревогу русских дипломатов вызывала позиция Оттоманской Порты. Еще не полностью оправившись от поражения в русско-турецкой войне 1828-1829 гг., Империя Османов могла воспользоваться обстоятельствами с тем, чтобы попытаться взять реванш. Для русской дипломатии было необходимо удержать Порту от активных действий и вмешательства в конфликт. Задача усложнялась тем, что польские эмиссары, которых Варшава отправляла к иностранным дворам, пытались всеми силами втянуть Турцию в войну с Россией, справедливо полагая, что подобные обстоятельства значительно усилят шансы поляков на успех в борьбе за свою независимость.³⁶¹ Русским дипломатам предстояло противодействовать

³⁵⁸ Вице-канцлер К.В. Нессельроде посланнику в Риме Г.И. Гагарину. 23 февраля (7 марта) 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.267

³⁵⁹ По всей видимости, речь идет о 1 стихе из 13 главы послания апостола Павла к Римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены».

³⁶⁰ Вице-канцлер К.В. Нессельроде посланнику в Риме Г.И. Гагарину. 23 февраля (7 марта) 1831 г. // Там же С.267

³⁶¹ Вице-канцлер К.В. Нессельроде посланнику в Неаполе Г.О. Штапельбергу. 24 июля (5 августа) 1831 г. // Там же. С.438

польским агентам, которые получали финансовую и организационную помощь от Франции и действовали весьма активно. «Рвение, с каким эмиссары мятежного варшавского правительства стремятся продолжать во многих странах свои гнусные интриги, и ловкость, которые они при этом проявляют, обязывают представителей императора самым пристальным образом наблюдать за действиями этих агентов».³⁶²

К счастью для России, внутреннее состояние Османской империи не позволяло правительству этой страны проводить активную внешнюю политику в 1831 году. Имея собственных мятежников на Балканах, султан был обязан думать скорее о вопросах внутреннего порядка, а не об активной внешней политике. Этому же способствовала реформаторская деятельность Махмуда II, который был более сосредоточен на проведении внутренних реформ в Блистательной Порте и на борьбе с непримиримыми противниками его реформ среди наиболее радикальных представителей ислама. Нельзя не отметить, что восстание в Египте Ибрагим-Паши, которое также произошло в 1831 году, окончательно перечеркнуло все попытки польских мятежников втянуть Османскую Империю в войну с Россией. В результате, объявленная еще в январе 1831 г. «выжидательная позиция Порты», так и осталась без изменений вплоть до подавления восстания.³⁶³

Сложнее ситуация обстояла с северным соседом Российской империи – Швецией. Несмотря на то, в первые дни восстания король Швеции Карл XIV в своем личном письме выразил сожаление в связи с произошедшими событиями и сообщил, что его симпатии находятся на стороне русского царя,³⁶⁴ в Петербург стали поступать сообщения о враждебном отношении Швеции к России. Шведский посол в Лондоне Бьорншерн откровенно высказывал свои антироссийские взгляды. Официальное осуждение его слов со стороны Стокгольма³⁶⁵ несколько успокоило русских дипломатов, однако

³⁶² Вице-канцлер К.В. Нессельроде посланнику в Неаполе Г.О. Штапельбергу. 24 июля (5 августа) 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.438

³⁶³ Посланник в Константинополе А.П. Бутенев вице-канцлеру К.В. Нессельроде. 30 января (11 февраля) 1831 г. // Там же. С.225

³⁶⁴ Вице-канцлер К.В. Нессельроде посланнику в Стокгольме П.К. Сухтелену. 3 (15) февраля 1831 г. // Там же. С.255

³⁶⁵ Там же. С.256

становилось очевидным, что сочувствующие польским повстанцам силы собираются использовать Швецию в своих целях.

Худшие опасения Петербурга подтвердились, когда поступила информация о том, что эмиссар польского мятежного правительства граф Залуский прибыл в столицу Швеции с целью установить контакт со шведской оппозиционной партией и организовать восстание в Финляндии.³⁶⁶ Особое раздражение русского правительства вызвал тот факт, что на закупку вооружения и боеприпасов, а также их дальнейший транзит в финские земли для осуществления акции против русского правительства Залуский получил деньги от Франции.³⁶⁷ Угроза восстания в своих северных землях, в непосредственной близости от столицы империи, особенно в условиях вспышек холеры, и отсутствие спокойствия в крестьянской среде, не могла не волновать Петербург. Были приняты активные меры по выяснению серьезности намерений польского посланника и ближайших планов шведского короля, который имел большой кредит доверия у русского императора. «К тому же, полагаясь на мудрость и дружественное расположение стокгольмского двора к императорскому кабинету, мы предоставляем ему самому выбрать средства, к которым он сочтет нужным прибегнуть, дабы положить конец этим проискам и разговорам, не имеющим иной цели, кроме нарушения доброго согласия, существующего между двумя державами».³⁶⁸ Русский дипломат в Стокгольме П.Х.Сухтелен добился встречи с шведским монархом и известил его об опасениях Петербурга, подчеркнув, что Николай I смотрит на Карла XIV как на «„своего августейшего друга и союзника, будучи заранее убежден в том, что король примет надлежащие меры, чтобы с самого начала расстроить замысел, осуществление которого скомпрометировало бы как само шведское

³⁶⁶ Вице-канцлер К.В. Нессельроде посланнику в Стокгольме П.К. Сухтелену. 6 (18) июня 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.369

³⁶⁷ Там же

³⁶⁸ Вице-канцлер К.В. Нессельроде посланнику в Стокгольме П.К. Сухтелену. 3 (15) февраля 1831 г.//Там же. С.256

правительство, так и оказалось бы гибельным для спокойствия одной из провинций Империи».³⁶⁹

Шведский король незамедлительно отреагировал на беспокойство Петербурга. Карл XIV заверил, что с его точки зрения, угроза подготовки восстания не является реальной, но для успокоения своего союзника, король запретил вывоз из Швеции оружия, а также транзит оружия через территорию своей страны и взял под строгий контроль выпуск оружия на трех оружейных заводах, которые были расположены непосредственно в Швеции. В результате П.К.Сухтелен сообщал в Петербург, что он «...вышел от е.в-ва с чувством убежденности в его искреннем желании быть полезным императору; король надеется, что польское восстание будет в скором времени полностью подавлено».³⁷⁰

В результате своевременного вмешательства русской дипломатии удалось расстроить франко-польские планы поднять восстание в еще одной части Российской империи. Но даже в такой стране, которая заняла столь дружественную позицию по отношению к России, как Швеция, газеты пестрили статьями, осуждавшими Россию и чернившими ее действия в Польше. Развязанная французами антирусская кампания в прессе набирала свои обороты и затягивала в свою орбиту все больше и больше Европейских стран. Размах этой информационной войны был столь велик и разрушителен, что не обращать на нее внимания было больше невозможно. Русские дипломаты пытались потребовать пресечь антироссийскую риторику в многочисленных газетах и журналах от правительств стран, где они издавались. Например, российский МИД обратился к правительству Испании с требованием ограничить поток публикаций, содержащих в себе: «...не так называемые информационные статьи, а политические статьи дискуссионного

³⁶⁹ Вице-канцлер К.В. Нессельроде посланнику в Стокгольме П.К. Сухтелену. 6 (18) июня 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.369

³⁷⁰ Там же

характера, продиктованные бессмысленной ненавистью ко всему связанному с Россией».³⁷¹

Несмотря на то, что официальный протест был отклонен, в частной беседе, которая состоялась между русским посланником П.Я.Убри и испанским королем Фердинандом VII, последний выразил полную поддержку делу русского императора. «Он выразил свою привязанность к императору и со своей стороны с похвалой отозвался о воодушевлении, проявленном русским народом во время восстания в Польше и не вызвавшем у короля удивления; он высказал свое восхищение и глубокое удовлетворение тем, что этот злосчастный мятеж подавлен».³⁷² Испания, находившаяся на пороге Карлистских войн, не могла себе позволить такие авантюрные действия, какие предпринимала Франция. Антироссийская риторика испанских газет обусловлена тем, что собственных журналистов, которые освещали бы русско-польский конфликт, у испанских изданий не было, и испанская пресса брала за основу тексты французских авторов.

Внимание, которое русские дипломаты обращали на публикации в западной прессе, было связано не только с тем, что эти публикации подрывали авторитет России и чернили ее в глазах зарубежной общественности, но и с тем, что публикации в газетах влияли на политику этих стран. Антироссийские заголовки усиливали в них антироссийские настроения, что неизбежно приводило к тому, что активная часть общества начинала оказывать давление на власть страны, чтобы она проводила более жесткую политику по отношению к России. Правительства же зарубежных стран могли использовать подобные настроения своего общества с тем, чтобы отказаться от прежних договоренностей во внешней политике или же отказаться вмешиваться в работу организаций, которые способствовали деятельности польских мятежников. Примером страны, где разыгрывался подобный сценарий, были США.

³⁷¹ Нота временного поверенного в делах в Мадриде Г.А. Четвертинского государственному секретарю Испании Сальмону. 23 августа (4 сентября) 1831 г. // Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.459

³⁷² Посланник в Мадриде П.Я. Убри вице-канцлеру К.В. Нессельроде. 21 сентября (3 октября) 1831 г. // Там же. С.486

С момента восстания в Варшаве официальные власти США устами государственного секретаря Ливингстона заявляли, что если бы Россия была унижена и ослаблена «Соединенные Штаты более всех других держав были бы удручены таким исходом».³⁷³ Но заявления правительства США совершенно не совпадали с настроениями и идеями, которые навязывались американскому обществу со страниц газет и журналов. Статьи были полны яда и желания поражения русским войскам, осуждались решительно любые действия петербургского кабинета. Тон этих статей был таким, что российский представитель в США был удивлен тем, что «...лица, являющиеся здесь выразителями или, лучше сказать, регуляторами общественного мнения, осмеливаются столь яростно возводить клевету на нацию, о которой имеют весьма слабое представление».³⁷⁴ Подобные статьи стали приносить свои плоды. В июне 1831 года в крупных американских городах, например, в Филадельфии и Нью-Йорке, были созданы ассоциации negociантов и адвокатов, выступавших в поддержку поляков.

Русские дипломаты понимали, что в сложившихся условиях развязанная против России информационная война может иметь политические последствия, так как негативное общественное мнение неизбежно начнет оказывать влияние на правительство Соединенных Штатов. Поэтому русские дипломаты, расценивая отношения с государственным секретарем США как доверительные, откровенно заявляли ему о своих опасениях. «...насколько мы далеки от желания контролировать мнения отдельных людей, настолько де и в праве ожидать, что действия и линия поведения дружественного нам правительства всегда будут соответствовать чувствам доверия и доброго согласия, которые связывают его с Россией».³⁷⁵

Правительство США не поддержало проект дипломатического демарша, который был подготовлен князем Талейраном. В целом линия

³⁷³ Поверенный в делах в Вашингтоне К.Ф. Остен-Сакен вице-канцлеру К.В. Нессельроде. 5 (17) июня 1831 г. //Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.366

³⁷⁴ Там же

³⁷⁵ Вице-канцлер К.В. Нессельроде поверенному в делах в Вашингтоне К.Ф. Остен-Сакену. 24 июля (5 августа) 1831 г. //Там же. С.440

поведения американского правительства соответствовала тем ожиданиям, которые имел официальный Петербург. Но истерия, развязанная вокруг подавления польского восстания, не могла не привести к росту в американском обществе антироссийских настроений. Созданные в июне общественные организации в пользу Польши в августе провели митинг в Нью-Йорке в поддержку польского восстания. Главной целью митинга было создать большое общество, которое должно было «должным образом выразить сочувствие и обеспечить поддержку населения Нью-Йорка доблестному народу Польши».³⁷⁶ На митинге высказывались опасные для Российской империи мысли не только о сочувствии борьбе поляков за независимость, но и о незаконном характере власти русского императора, который использует свое положение для угнетения других народов. Следовательно, Россия является врагом людей, главным нравственным ориентиром которых является свобода и равенство. «долгом, а также преимуществом свободных людей является выражение поддержки своим иноземным собратьям, которые борются против угнетения за свои неотъемлемые права...мы одобряем героические жертвы и усилия поляков, их сопротивление незаконному захвату власти и осквернению веры императором».³⁷⁷ Эти заявления были не простой политической демагогией, за ними стояли реальные действия. Помимо сбора денег для нужд воюющей за независимость Польши, лидеры американских общественных организаций обратились с воззванием к американскому народу поддержать поляков и оказать давление на правительство, с целью изменения его внешнеполитического курса.

Разрешить сложную ситуацию смог удачный штурм Варшавы, который осуществил И.Ф.Паскевич. После падения Варшавы и фактического краха бунтовщиков дальнейшая деятельность подобных организаций в Америке не представляла опасности для русского правительства. Но тот поток негативной информации, который обрушился на Россию в американской

³⁷⁶ Поверенный в делах в Вашингтоне К.Ф. Остен-Сакен вице-канцлеру К.В. Нессельроде. 27 августа (8 сентября) 1831 г. //Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.462

³⁷⁷ Там же

прессе, не мог не сказаться на восприятии России в Америке, что, несомненно, сыграло свою роль в будущих событиях.

Выводы по главе 2.

Подводя итог, следует отметить, что восстание в Польше стало одним из ключевых событий не только во внутренней политике Николая I и в двухсторонних русско-польских отношениях, но также и во внешней политике Российской империи. Русская дипломатия оказалась перед необходимостью удержать международные силы, как государственные, так и общественные, от вмешательства в конфликт. В этом вопросе русским дипломатам предстояло действовать как привычными дипломатическими методами, так и осваивать новые формы, например, противодействие информационной войне, которая была развязана против России в зарубежной прессе. Поскольку русское правительство не было готово к подобному масштабу информационного давления на Россию, ему не удалось оперативно найти способы противодействия такой, отчасти, новой форме проведения внешней политики, хотя активное информационное обеспечение внешнеполитических действий стало практикой западноевропейской дипломатии со времен кардинала Ришелье. Во время польского кризиса 1831 г. информационная война приобрела новые свойства. Она не только способствовала созданию отрицательного образа России в глазах обществ зарубежных стран, но также, с одной стороны, давала возможность этим обществам самостоятельно влиять на конфликт путем сбора средств для нужд поляков, а с другой стороны, предоставляла возможность правительствам зарубежных стран, ссылаясь на недовольство своего общества, отказываться от прежних договоренностей и союзов. Примером последнего может послужить ситуация с Великобританией.

В то же время реакция иностранных держав на польское восстание служит наглядной демонстрацией их отношения к Российской империи и той роли, которую играла последняя в начале 1830-х годов. Два крупнейших союзника России по Священному союзу – Прусское королевство и

Австрийская империя, выступили с полной поддержкой действий Николая I, и оказали финансовую, военную и дипломатическую помощь Петербургу. Это объясняется не только тем, что позиции трех стран по главнейшим внешнеполитическим вопросам той эпохи совпадали, но еще и тем, что проблема Польши объединяла три страны, и восстание поляков в одной из них не могло оставить две оставшиеся без участия. Не стоит также забывать, что в той же мере, в какой Австрия была заинтересована в России для разрешения ситуации с новой властью во Франции, революционным брожением в итальянских землях и Галиции, так и Пруссия была крайне заинтересована в поддержке России в разрешении бельгийского кризиса, который непосредственно угрожал положению на границе Прусского королевства. Небольшое разногласие, которое проявилось между странами в конце русско-польской войны, было вызвано опасениями правительства германских стран относительно возможного похода русских войск в Европу и начала новой большой европейской войны. Данная ситуация была быстро урегулирована союзниками и единство держав было восстановлено. Что касается проблемы с выдачей пленных, то эти вопросы в основном касались технической стороны вопроса и гарантий жизни для поляков, что оперативно решалось путем двухсторонних консультаций между странами.

Были страны, которые пытались использовать обстоятельства кризиса против России. В первую очередь это касается Франции, которая стала подлинным европейским оплотом польской независимости и оказывала мятежникам помощь в максимальном объеме, предоставляя деньги, оружие и боеприпасы, дипломатическую поддержку и организовывая деятельность агентов польского правительства. В перспективе речь шла даже о признании независимости Польши, которое не состоялось только благодаря решительному и быстрому штурму варшавских укреплений. В понимании русских дипломатов именно Франция была главным возмутителем спокойствия, который обусловил столь пристальное международное внимание и участие других стран в событиях, происходивших в польских землях. Идейным вдохновителем антирусской политики Франции считался

князь Талейран, действия которого рассматривались как авантюрные и непродуманные: «...князь Талейран является вдохновителем их интриг...»,³⁷⁸ «князь Талейран обманывает польских мятежников, представляя свои фантазии как реальные действия».³⁷⁹ Попытки французского правительства подготовить диверсию в русских владениях, отторгнуть от России ее союзников, сопровождались заверениями короля Луи-Филиппа в искренней и сердечной дружбе. Естественно, это лишь укрепляло Николая I в его недоверии к парижскому кабинету и едва не привело к разрыву двухсторонних отношений между странами. Несмотря на то, что со времен Наполеона I Франция была в представлении поляков страной, всецело поддерживающей их право на независимость от России, тем не менее можно констатировать, что для Франции первостепенным вопросом было ослабление Российской империи как одного из сильнейших гарантов венской системы 1815 года, а не вопрос создания независимой Польши. Во многом судьба венской системы решалась в Лондоне, на переговорах о дальнейшей судьбе Бельгии. Именно французское правительство своими активными действиями связало восстание в Польше и революцию в Бельгии в единый узел внешнеполитических проблем.

Позиция Великобритании была сложнее. Пытаясь лавировать между двумя центрами – Парижем и Россией, с тем, чтобы в конечном итоге ослабить оба, Великобритания должна была аккуратнее подходить к ситуации в Польше. Будучи более заинтересованным в разрешении бельгийского кризиса, английское правительство, фактически не предпринимало открытых действий против России, тем более, что ситуация в Бельгии после вмешательства французских войск в бельгийско-голландскую войну, могло потребовать вооруженного вмешательства. Попытки защитить польское восстание не были столь явными и агрессивными, как это было в случае с Францией, и, возможно, действительно велись скорее в угоду

³⁷⁸ Вице-канцлер К.В. Нессельроде послу в Париже К.О. Поццо-ди-Борго. 17 (29) июня 1831 г. //Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005. С.388

³⁷⁹ Посол в Париже К.О. Поццо-ди-Борго вице-канцлеру К.В. Нессельроде. 14 (26) июля 1831 г. //Там же. С.422

общественному мнению, которое требовало от правительства Великобритании помочь мятежной Польше.

Интерес представляет реакция стран, которые формально не входили в систему союзов, возглавляемую Россией или Францией. Правительства большинства рассмотренных стран (Саксонии, Швеции, Испании, США) выражали свое сочувствие и поддержку той борьбе, которую против мятежников вел Николай I. В случае с главами Саксонии и Швеции дружеские слова подкреплялись конкретными действиями, которые в той или иной степени оказывали помощь Российской Империи. Отчасти неожиданным помощником выступил и Священный Престол, который обратился к полякам, призывая их к успокоению. Оттоманская Порта, хоть и не высказывала сочувствия Петербургу, но своим нейтралитетом препятствовала попыткам польских эмиссаров втянуть ее в войну.

Практически во всех странах наблюдалась одинаковая ситуация, когда официально правительства высказываются в поддержку действий России, в то время как общественные силы резко осуждают действия Петербурга.

ГЛАВА 3. РЕВОЛЮЦИЯ В БЕЛЬГИИ И ВОССТАНИЕ В ПОЛЬШЕ В ВОСПРИЯТИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

Революционные события 1830-31 гг., прошедшие в Бельгии и в Царстве Польском, оказали значительное влияние на формирование внешней политики Великих Держав и на развитие отношений Российской империи с ее международными партнерами. Детальному изучению этих вопросов посвящены первая и вторая главы настоящего исследования. Задача данной главы состоит в том, чтобы проследить реакцию русского общества на революцию в Бельгии и восстание в Польше. Эти события были в центре внимания руководства страны, что позволяет понять ориентиры внешней политики империи, в указанный период. Изучение проявления интереса общества к революционным событиям может помочь понять не только политику государства, но и отношение общества к такой политике.

Следует учитывать, что бельгийская революция и польское восстание происходили лишь по прошествии 5-6 лет с момента выступления декабристов, которое и по сей день принято героизировать, противопоставляя просвещенное дворянство и отсталое самодержавие, характеризуя этим конфликтом все правление Николая I. «...за созданным им «величественным частоколом» страдала многомиллионная рабская страна. Он не слышал и не хотел слышать этих стонов. Как не хотел слушать и слышать тех отчаянных смельчаков из его окружения, кто взывал к монарху от имени народа, от имени культуры и от имени России...».³⁸⁰ Если такой раскол в обществе на самом деле существовал во время правления Николая Павловича, то тогда общество должно было бы с воодушевлением отреагировать на революции, видя в них прообраз будущих изменений в своем Отечестве. В случае же, если реакция общества была иной, следовало бы с большей осторожностью относиться к популярному мнению относительно правления Николая I, приведенному выше.

³⁸⁰ В.С.Колесникова «Николай I. Лики масок государя: Психологические этюды». М.: ЗАО ОЛМА Медия Групп, 2008 г. С.264

Еще одним немаловажным аспектом является изучение восприятия русским обществом европейских стран в контексте революционных событий. В первой и второй главах исследования было показано, как менялось восприятие Николаем I и русскими дипломатами некоторых внешнеполитических партнеров России (например, Великобритании и, особенно, Франции). Представляется интересным проследить, имелись ли подобные изменения в восприятии этих стран представителями русского общества, которые не были профессиональными дипломатами, обладавшими большим объемом информации.

3. 1. Восприятие русским обществом революции в Бельгии.

Бельгийская революция 1830-31 годов, составлявшая в течение, как минимум, года одну из главных проблем русской дипломатии, не оставила глубокого следа в памяти современников указанных событий. Многие авторы на страницах своих дневников или мемуаров не упоминают об этих событиях даже вскользь. Простейшим объяснением этого может быть то, что события бельгийской революции в восприятии общества отошли на второй план перед польским восстанием.

Однако это не означает, что нельзя найти некие общие черты в тех немногих упоминаниях о Бельгии, которые позволили бы охарактеризовать восприятие этой революции в обществе. Главной характеристикой, которой бельгийскую революцию наделяли ее современники, проживавшие в России, была ее преемственность по отношению к революции во Франции. «В политическом быту опять новизна. По примеру революции во Франции, в Нидерландах открылись тоже мятежи: в Брюсселе несколько дней народ бастовал, грабя и сжигая дома ненавистных ему министров и других чиновников».³⁸¹ Обращает на себя внимание тот факт, что отсутствует описание причин революции, нет объяснения, почему народ ненавидел министров и чиновников, почему все произошло именно в Брюсселе. Конкретные обстоятельства революции в Бельгии или были неизвестны

³⁸¹ А.Н.Вульф. «Дневники»//«Поэт, Россия и цари /А.С.Пушкин,А.Н.Вульф,М.К.Мердер,Л.Н.Павлищев». М., Фонд Сергея Дубова, 1999 г. С.134

автору, или не волновали его, из-за чего причины революции были сведены до борьбы народа против власти без какого-либо оттенка национальных противоречий.

Разделяя мнение А.Н.Вульфа о преемственности бельгийского мятежа по отношению к июльской революции, граф И.О. де Витт составил донесение³⁸², в котором обосновывал свое мнение о неизбежности распространения революции из Франции. По мнению боевого генерала, в сложившихся условиях французы поспешат распространить свою революцию всюду и против всех, и ростки этой угрозы уже можно увидеть в Нидерландском королевстве.³⁸³

Еще больше акцентирует свое внимание на том, что бельгийская революция есть следствие революции во Франции, Константин Яковлевич Булгаков в своей переписке со старшим братом Александром Яковлевичем. «Как скоро замутят во Франции, то и в других землях пакости начинаются. Смотри-ка, и тихий Дрезден вздумал шалить! Принц Орлеанский умно и молодецки поступил; однако же бельгийцы-таки поставят, кажется, на своем».³⁸⁴ Но помимо того, что К.Я.Булгаков считал восстание в Брюсселе последствием французской революции, он в своих предположениях пошел еще дальше, полагая, что вся цепь революций и волнений в Европе, начавшаяся с июльской революции в Париже, есть не что иное, как заговор против России. «Все эти революции, возникающие в одно время в Париже, Брюсселе, Касселе, Брауншвейге, Гамбурге, Дрездене и пр., заставляют меня бояться, что они – следствие какого-либо обширного тайного заговора адского против спокойствия целой Европы. Якобинцы ли это или иллюминаты, не знаю».³⁸⁵

Как можно заметить, Николай I был не одинок, когда видел в июльских событиях во Франции угрозу для России. Тем более, что и сам Николай Павлович неоднократно высказывал мысль, что революция в Бельгии есть не

³⁸² Донесение гр.Витта о революции во Франции и ее влиянии на другие страны, о революционном волнении в Царстве Польском». Д.44.ф.109.оп.2 ГА РФ

³⁸³ Донесение гр.Витта о революции во Франции и ее влиянии на другие страны, о революционном волнении в Царстве Польском». Д.44.ф.109.оп.2 ГА РФ Л.2

³⁸⁴ Братья Булгаковы: письма/Александр Булгаков, Константин Булгаков. М.:Захаров, 2010 г.С.267

³⁸⁵ Там же. С.268

самостоятельное событие, а прямое следствие революционного брожения в Париже. «...но легко было предвидеть, что после подобного примера столь пагубной трусости цепь вытекавших отсюда событий и действий не могла оборваться на этом, и действительно, вскоре Брюссель последовал примеру Парижа».³⁸⁶ Сообразно этому, в восприятии Николая Павловича его непримиримая борьба должна была быть «не против Бельгии, а против всеобщей революции, которая все приближается».³⁸⁷

В то же время встречаются и иные мнения относительно революций во Франции и в Бельгии. В частности, в своем дневнике А.В.Никитенко³⁸⁸ не только не страшится революции во Франции, но и романтизирует ее и вслед за ней Бельгию. «Франции удалось оттолкнуть от себя руку, готовящуюся сковать ее цепями. В три дня в ней остались одни развалины от безумного деспотизма, который стремился в ней водворить Карл X. Пример Франции пробудил от сна южную часть Нидерландов. В Брюсселе происходили кровавые схватки».³⁸⁹

Восторг перед европейской революцией разделяет и А.Н.Вульф, остро и негативно реагируя на решение Николая I выдвинуть к границам империи войска. «С кем же мы будем воевать — не могу понять! Вероятно, эти движения имеют целью удержать дух мятежей, распространяющийся в средней Европе. Я чрезвычайно рад, что нас оставляют в покое, по всем причинам: раз, что я нисколько не хочу участвовать в угнетении человечества...».³⁹⁰ Справедливости ради следует отметить, что А.В.Никитенко и А.Н.Вульф принадлежали к одному кругу людей и себя реализовывали на литературном поприще (хотя А.Н.Вульф себя проявит в этом направлении несколько позже изданием своих мемуаров), что во многом и объясняет схожесть и определенную оригинальность их взглядов.

³⁸⁶ Николай I. «Моя исповедь Записка 1830 г.»//Император Николай Первый. Николаевская эпоха. Слово русского царя. Апология рыцаря. Незабвенный. Изд. подг. М.Д.Филин. М., Русский мир, 2002 г. С.180

³⁸⁷ Цит. по «История внешней политики России. Первая половина 19 века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г). Под. Ред. О.В. Орлик, В.Н. Виноградов. М., 1999. С.212

³⁸⁸ А.В.Никитенко «Дневник»//Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. Книга I-я (Серия Государственные деятели России глазами современников). СПб. Издательство «Пушкинского фонда», 2008.

³⁸⁹ Там же. С.291

³⁹⁰ А.Н.Вульф. «Дневники»//«Поэт, Россия и цари /А.С.Пушкин, А.Н.Вульф, М.К.Мердер, Л.Н.Павлищев». М., Фонд Сергея Дубова, 1999 г. С.140

Описывая слухи о восстании в Бельгии, Алексей Николаевич замечает, что «у нас же, кроме нового набора рекрут с 500 душ по 2, ничего не слышно».³⁹¹ Вторит ему и А.В.Никитенко: «Что у нас говорят о сих событиях? У нас бояться думать вслух, но, очевидно про себя думают много».³⁹² В исследовательской литературе имеется следующая информация о публикации в российских газетах информации о революционной Бельгии. О брюссельском восстании в 1830-ом году писали в «Вестнике Европы» и «Историческом, статистическом и географическом журнале». В «Вестнике» содержалось две заметки о революции (в номерах №15 и №16 за 1830-й год), которые сложно охарактеризовать как информативные. «Вследствие происходящих в Брюсселе беспокойных явлений с 25 числа августа (н.с.) прекращенных 27-го, в Гааге обнародована 7 сентября Королевская прокламация, в которой Его Величество приглашает своих верноподданных к тишине и с доверенностью ожидает решение созванных им Генеральных Штатов, коим поручено будет заняться рассуждением о мерах для успокоения умов и водворения спокойствия».³⁹³ В тоже время публикация в «Историческом, статистическом и географическом журнале» была более информативной. По мнению исследователя Г.А.Шатохиной: «В ч.4 за 1830 г. (№1-3) дана объективная картина брюссельских событий, а после публикации речи Короля Нидерландского Вильгельма на открытии заседания Генеральных Штатов была сделана такая редакторская сноска: «Помещаем сию речь – как исторический акт, свидетельствующий о духе происшествий в Нидерландах»».³⁹⁴

Намного более подробно бельгийское восстание и ход событий как на территории Бельгии, так и на территории Голландии, были освещены на страницах газеты «Северная Пчела». В 106-м номере газеты, вышедшем 4

³⁹¹ А.Н.Вульф. «Дневники»//«Поэт, Россия и цари /А.С.Пушкин,А.Н.Вульф,М.К.Мердер,Л.Н.Павлищев». М., Фонд Сергея Дубова, 1999 г. С.134

³⁹² А.В.Никитенко «Дневник»//Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания.Дневники.Письма. Книга I-я (Серия Государственные деятели России глазами современников). СПб. Издательство «Пушкинского фонда», 2008. С.291

³⁹³ Г.А.Шатохина. Бельгия по страницам русской периодической печати конца XVIII-начала XIX в.//Россия и Европа: Дипломатия и культура. Вып.2/Отв.ред. А.С.Намазова. Ин-т всеобщей истории. М., Наука, 2002 г. С.199

³⁹⁴ Там же. С.201

сентября 1830 года, находится подробное, разделенное на дни, описание начала мятежа в Брюсселе.³⁹⁵ Вплоть до ликвидации бельгийского кризиса, выпуски газеты содержали подробную информацию о ходе восстания в Бельгии, а также заметки о действиях как законного правительства, так мятежных генеральных штатов³⁹⁶. Принимая во внимание то, что «Северная пчела» издавалась значительным тиражом и была одной из наиболее востребованных газет своей эпохи, можно утверждать, что слабое отражение событий бельгийского кризиса в дневниковых записях, мемуарах и переписке современников не может быть объяснено отсутствием освещения бельгийских событий в материалах прессы.

Необходимо отметить, что и во власти в начале революционных кризисов 1830-х годов не было единого мнения относительно происходящих событий. В то время как Николай I был обеспокоен июльской революцией во Франции и опасностью ее распространения, глава внешнеполитического ведомства империи вице-канцлер К.В.Нессельроде был настолько спокоен относительно положения дел в Европе, что позволил себе на короткое время оставить пост министра иностранных дел. «На короткое время муж моей сестры князь Ливен оказался во главе министерства иностранных дел, граф Нессельроде...воспользовался присутствием князя Ливена, приехавшего из Лондона, для того, чтобы снять с себя ответственность. Тем более, что он считал, что в Европе положение дел настолько спокойное, что оно позволяло ему заняться собственным здоровьем».³⁹⁷ Как показало дальнейшее развитие событий, уверенность вице-канцлера была напрасной, и революция в Бельгии наглядно продемонстрировала всю сложность ситуации в Европе.

Граф А.Х. Бенкендорф отнесся к восстанию в Бельгии со всей серьезностью, несмотря на то, что оно, по его словам, «было лишь скромным и смешным подобием парижских событий».³⁹⁸ Но в бельгийских событиях его испугал не факт расползания революции, а то, что он отчетливо представил себе следующее место, где может вспыхнуть революционный

³⁹⁵ Северная пчела. №106

³⁹⁶ №106-156 за 1830 г. и №1-253 за 1831 г.

³⁹⁷ Бенкендорф А.Х. «Воспоминания 1802-1837». М., «Рос.Фонд Культуры», 2012 г. С.454

³⁹⁸ Там же. С.461

мятеж. Возможно, здесь сыграла свою роль специфика должности главы III-го отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, которую граф неизменно занимал с 1826 года. «Тем не менее, пример был опасен, в Брюсселе, как и в Париже, победила партия разрушения, во Франции, как и в Бельгии, законность была вынуждена отступить перед беспорядками, а монархия – перед идеями демократии. Разгоряченные легкими успехами в этих двух странах головы должны были вдохновить всех недоброжелателей и придать им смелости. Варшава была этим полна. Бездумное повторение французских доктрин уже в самом начале великой революции потрясло слабые головы поляков и привело к разделу Польши. Сейчас был произведен тот же эффект, послуживший сигналом к заговорам и к началу враждебных действий».³⁹⁹

Конечно, необходимо учитывать, что А.Х.Бенкендорф писал свои мемуары по прошествии некоторых лет, уже зная, какие последствия будет иметь французская революция, что позволило ему в своих воспоминаниях более точно расставить смысловые акценты, но сам факт того, что через бельгийскую революцию граф перекидывает мостик к восстанию в Польше, свидетельствует о его восприятии революции в Бельгии и восстания в Варшаве как единого следствия Июльских дней в Париже.

Точка зрения А.Х.Бенкендорфа не нашла поддержки даже в кругу его семьи. Его сестра княгиня Д.Х.Ливен, которая ко времени бельгийского восстания вместе со своим мужем вернулась в Лондон, не разделяла точку зрения брата. Будучи не просто женой русского дипломата в Великобритании, но и активным помощником своего мужа князя Х.А.Ливена, княгиня имела большие связи и знала многое, что было недоступно обычному обывателю. С точки зрения Д.Х.Ливен, революция, начавшаяся в Париже, ни при каких условиях не представляла опасности для России. «Во-первых, наша отдаленность, затем сравнительное невежество низшего класса, врожденная нам религиозность и преданность престолу, и самое главное, мы имеем монарха просвещенного, справедливого и вместе с

³⁹⁹ Бенкендорф А.Х. «Воспоминания 1802-1837». М., «Рос.Фонд Культуры», 2012 г. С.461

тем строгого и деятельного душой и телом, умеющего заставить бояться и в то же время любить себя».⁴⁰⁰ Хотя княгиня и допускает, что те договоры, которые имеет Петербург, могут заставить его начать движение, «нарушающее покой Европы».⁴⁰¹ Иными словами Д.Х.Ливен, обладая большим объемом информации, в том числе специальной дипломатической информации, понимала, что революции во Франции и в Бельгии являются угрозой Венской Системе 1815 года и могут в своем развитии привести к большой европейской войне. И война эта, по мнению княгини, будет в значительной степени инициирована Петербургом, который будет вынужден защищать сложившуюся международную систему.

О том, что революция в Бельгии может в конечном итоге докатиться до Польши, не верили не только в русском посольстве в Лондоне, но так же и в Варшаве. Как отмечал в своих воспоминаниях генерал-майор К.П.Колзаков, сын прославленного адмирала П.А.Колзакова, состоявшего при цесаревиче Константине Павловиче и проживавшего в тот момент в Варшаве: «О революционных движениях хотя и говорили в обществе, но уже это было не ново и так часто повторялось, что не обращали большого внимания на все эти демонстрации...».⁴⁰²

Когда в ноябре 1830 года произошло восстание в Царстве Польском, события в Бельгии были оттеснены на задний план перед лицом непосредственной войны, разразившейся в пределах Империи, и перед событиями многочисленных и ужасающих эпидемий, который и стали главным предметом внимания современников.

Таким образом, подводя промежуточный итог, можно сделать следующие выводы:

Во-первых: события бельгийской революции были широко освещены в прессе, в первую очередь в газете «Северная пчела».

Во-вторых: в общественном сознании революция в Брюсселе была не следствием внутренних противоречий, который раздирали Нидерландское

⁴⁰⁰ Княгиня Д.Х.Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. 1903 г. № 6. С. 693

⁴⁰¹ Цит. по Таньшина Н.П. Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2009 г. С. 95

⁴⁰² Колзаков К.П. «Записки и воспоминания 1815-1831» // Русская старина, 1873. – Т. 7. – № 5. – С. 591

Королевство, а последствием июльской революции, революционная волна которой перекрестилась через границы французского королевства. То есть, в восприятии российским обществом бельгийского восстания на первый план выходила именно вторичность, преемственность этого восстания по отношению к французской революции, а не самобытность бельгийского революционного движения.

В-третьих: несмотря на то, что многие воспринимали бельгийскую революцию негативно, как часть революционной волны, идущей от Парижа, негативно, опасаясь ее последствий для Европы, была также определенная прослойка русского общества, которая воспринимала революцию в Бельгии восторженно и противопоставляла свободы европейцев и несвободу России. А.В.Никитенко следующим образом характеризовал 1830-й год для России: «Истекший год вообще принес мало утешительного для просвещения в России. Над ним тяготел унылый дух притеснения. Многие сочинения в прозе и стихах запрещались по самым ничтожным причинам, можно сказать, даже без всяких причин, под влиянием овладевшей цензорами паники... Цензурный устав совсем ниспровержен. Нам пришлось удостовериться в горькой истине, что на земле русской нет и тени законности. Умы более и более развращаются, видя, как нарушаются законы теми самими, которые их составляют, как быстро одни законы сменяются другими и т.д. В образованной части общества все сильнее возникает дух противодействия, который тем хуже, чем он сокровеннее: это червь, подтачивающий дерево».⁴⁰³

В-четвертых: несмотря на понимание угрозы распространения революции, практически никто из современников не проецировал дальнейшее развитие событий от Бельгии к Польше и не представлял, что далекая бельгийская революция может вылиться в войну как на территории Империи, так и в масштабах всей Европы.

⁴⁰³ Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 1. — М.: Захаров, 2005.

3.2. Восприятие русским обществом восстания в Польше.

Восстание в Польше оставило глубокий след в историческом сознании русского общества. Размах сражений в Польше, как и сам факт открытого мятежа в пределах Империи, глубоко потряс Россию. Однако это не означает, что польскому восстанию уделено много места на страницах воспоминаний и переписки его современников. Многие видные люди той эпохи не оставили в своих дневниковых записях упоминания об этом событии (к примеру, А.В.Никитенко). Это можно объяснить тем, что польское восстание в сознании некоторых людей было оттеснено на второй план чудовищной эпидемией холеры, которая неумолимо приближалась и, в конце концов, ударила по Петербургу и Центральной России в 1831 году. Масштаб волнений и жертв, вызванных эпидемией, потрясал свидетелей (достаточно вспомнить упоминания о восстаниях в Москве и Петербурге, оба были урегулированы только после вмешательства царя, или о том, что от холеры скончался цесаревич Константин Павлович). Но многие современники событий все же оставили воспоминания или записи, которые позволяют понять, как в обществе была воспринята ноябрьское восстание в Варшаве, и какие оно имело последствия для поляков.

Обращает на себя внимание тот факт, что в восприятии современников варшавское восстание было абсолютной неожиданностью. Невольная участница русско-польской войны 1830-31 гг. княгиня Н.И.Голицына в своих воспоминаниях так описывала дни, предшествующие восстанию. «Каковым бы ни было господствовавшее тогда в Европе настроение и какой бы отзвук не имела Парижская революция, внесшая сильное возмущение в среду соседних народов, в Варшаве, однако, все были очень далеки, чтобы предвидеть нависшую над Польшей угрозу».⁴⁰⁴ Княгиня отмечает, что революционные события в западно-европейских странах не были секретом для поляков, что об этом всюду много говорили. Более того, Н.И.Голицына пишет о том, что, несмотря на настроения поляков, которые в тот момент

⁴⁰⁴ Война женскими глазами: русская и польская аристократки о польском восстании 1830-31 годов/ Сост., вступ. статья В.М.Боковой, Н.М.Фиатовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005 г. С.51

уже почти не скрывали разногласий с русскими, проживавшими и служившими в Варшаве, последние «жили среди них с чувством полной безопасности, так как ничто с их стороны не представлялось угрожающим».⁴⁰⁵ Подобное спокойствие во все более агрессивно настроенном окружении княгиня объясняет тем, что среди русских в Варшаве существовало устойчивое мнение, что поляки не рискнут бросить открытый вызов всей Империи. ««Они не посмеют», - говорилось тогда у нас».⁴⁰⁶ По мнению княгини, было бы вздором даже пытаться противостоять России, так как эта борьба с самого начала была бы неравной, и поляки не имели бы никаких шансов на успех в ней.

В то же время княгиня отмечает, что было выявлено несколько небольших заговоров, но состав их участников был настолько жалок, что давал основания полагать, «что слух о заговоре был пущен провокаторами с целью отвлечь наше внимание от более крупных подготовительных действий в Польше».⁴⁰⁷

О необоснованном спокойствии русских в Варшаве накануне революционного взрыва говорит и К.П.Колзаков, который вместе со своими родителями оказался свидетелем восстания в Польше. Автор отмечает, что никто не ожидал большой беды, и жизнь в Варшаве текла своим чередом. В возможность революции никто всерьез не верил, а кроме того: «обычное польское общество было по прежнему внимательно и всячески старалось успокаивать умы русских насчет какой-либо возможности восстания в Варшаве».⁴⁰⁸ Особенно удивительно спокойствие русского общества в свете того, что сам же автор воспоминаний приводит примеры открытых антигосударственных акций, которые происходили в Польше накануне восстания. «Появлялись плакаты, наклеенные на углах домов, с извещением о предстоящей революции в Варшаве».⁴⁰⁹ Казалось бы, что подобные происшествия должны были насторожить русские власти, но, напротив, по

⁴⁰⁵ Война женскими глазами: русская и польская аристократки о польском восстании 1830-31 годов/ Сост., вступ. статья В.М.Боковой, Н.М.Фиатовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005 г. С.51

⁴⁰⁶ Там же

⁴⁰⁷ Там же. С.52

⁴⁰⁸ Колзаков К.П. «Записки и воспоминания 1815-1831» // Русская старина, 1873. – Т. 7. – № 5. – С. 591

⁴⁰⁹ Там же

мнению властей, все это «...почиталось шалостями, так что не обращали на это особого внимания».⁴¹⁰ Несколько странное поведение цесаревича Константина, который не обращал внимания на сигналы о готовящемся восстании, а после восстания удалился из пределов Речи Посполитой, не предпринимая никаких попыток подавить восстание самостоятельно, привело к тому, что многие (в том числе Николай I) именно на него возлагали вину за случившееся. «Не я одна знала, что Государь не вполне одобрял пассивный образ действий Цесаревича в момент Варшавского восстания и обвинял его в том, что тот несколько растерялся перед силою мятежников, не напал на них и не попытался вновь захватить Варшаву...».⁴¹¹ Подобная точка зрения встречается и в современной литературе.⁴¹²

Особенно странным спокойствие русских властей в период, предшествующий восстанию, выглядит при изучении воспоминаний участников событий на стороне восставших поляков. Так, уже первые строки воспоминаний Н.Кицкой, бывшей непосредственным свидетелем и участником событий польского восстания, показывают настроения, которые преобладали в значительной части польского общества, и свидетельствуют о той опасности, которой подвергалась Империя. «Мои первые впечатления, как только я вышла из детского возраста, были связаны с бедственным положением страны, разорванной на части и разделенной между тремя жадными соседями».⁴¹³ За фасадом спокойствия и внимательного участия к интересам русских, о которых пишут Н.И.Голицына и К.П.Колзаков, скрывалась ненависть к России, которую агрессивно настроенные поляки винили во всех своих бедах. «Во сне и наяву слышала я стоны миллионов людей. Стоит ли удивляться, что я так горячо полюбила родину!».⁴¹⁴ Справедливости ради следует отметить, что польская аристократка не пытается объяснить, в чем выражались «стоны миллионов людей», или хотя

⁴¹⁰ Колзаков К.П. «Записки и воспоминания 1815-1831» // Русская старина, 1873. – Т. 7. – № 5. – С. 591

⁴¹¹ Война женскими глазами: русская и польская аристократки о польском восстании 1830-31 годов / Сост., вступ. статья В.М.Боковой, Н.М.Фиатовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005 г. С.159

⁴¹² Там же. С.25

⁴¹³ Там же. С.168

⁴¹⁴ Там же

бы объяснить, чем они были вызваны. Желание обрести собственную независимость оправдывает в глазах Н.Кицкой жертвы невинных людей, принесенные на алтарь польской независимости. «Всех, кто был без оружия, и просто случайных прохожих принимали за сторонников москалей».⁴¹⁵

Взгляды поляков на состоянии Польши с 1815 года были непонятны русским властям. Возможно, именно это непонимание и привело к тому, что сигналы о готовящемся восстании остались без надлежащего внимания. С точки зрения русских, Польша с 1815 года не страдала под русским гнетом, а напротив, пользовалась такими благами и привилегиями, которых не было во многих других частях Империи. Точную характеристику этой ситуации дал в своих воспоминаниях граф А.Х.Бенкендорф: «Следствием нашей слепоты об умонастроениях в Польше, которые были основаны на чувстве благодарности за те благодеяния, которые были сделаны императором Александром, а также на материальных выгодах и на географическом положении этой страны, был полностью укомплектованный парк артиллерии и наличие в полках двойного комплекта вооружений и обмундирований».⁴¹⁶ Польша получала огромные денежные средства, армия была прекрасно оснащена и подготовлена к современной войне. Все это делалось в течение 15 лет параллельно с созданием в Польше промышленности и перестройкой Варшавы, население которой выросло в два раза. Поэтому вполне естественно непонимание русскими властями тех претензий, которые имели к России агрессивные настроенные представители польского общества. Теперь же, не без грусти замечает граф, «нам пришлось сражаться против нашего собственного оружия, которое благородством и высоким доверием было отдано в руки наших смертельных врагов».⁴¹⁷

На это же обращает свое внимание и другой современник восстания, проживавший в Санкт-Петербурге, поляк О.А.Пржецлавский. С его точки зрения, в немалой степени в восстании виновато правительство России, которое слишком много привилегий дало польскому народу, забыв об

⁴¹⁵ Война женскими глазами: русская и польская аристократки о польском восстании 1830-31 годов/ Сост., вступ. статья В.М.Боковой, Н.М.Фиатовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005 г. С.168

⁴¹⁶ Бенкендорф А.Х. «Воспоминания 1802-1837». М., «Рос.Фонд Культуры», 2012 г. С.464

⁴¹⁷ Там же

особенностях его национального характера и об особенностях истории двухсторонних отношений Польши и России. «Нет, не оправдывать поляков, а лишь должно удивляться непринятию со стороны правительства мер, сделавшихся необходимыми для обуздания своеволия, удивляться долготерпению правительства».⁴¹⁸ Автор обращается в своем анализе к истории польского народа и показывает, что для поляков война была всегда важнее мира. Ради войны польская шляхта была готова нарушить мир и даже воевать друг с другом. Это выделяет поляков в сравнении с русскими и с другими европейскими народами. «Бальзак справедливо сказал: *«personne ne se bat pour son plaisir; les polonais seuls exceptés»* (Никто не воюет ради удовольствия; одни поляки составляют исключение)».⁴¹⁹

В этой связи О.А.Пржецлавский справедливо удивляется, для чего нужно было создавать и вооружать 40-тысячную польскую армию, особенно, «когда вместе с тем значилось в конституции, что армия эта никогда не будет выводима за границы края».⁴²⁰ Отказом от использования польской армии в войне на Кавказе или в русско-турецкой и русско-персидских войнах русское правительство, по мнению автора, само провоцировало восстание, так как, с одной стороны, поляки чувствовали собственную исключительность среди остальных народов Империи, а с другой стороны, их природной агрессии не было выхода. О.А. Пржецлавский не понимает, почему польская армия не использовалась правительством, но активно вооружалась и обучалась современной войне. Не принимает автор и опасений, что расквартирование польских офицеров за пределами Царства Польского вызвало бы многочисленные дуэли с русскими офицерами. Ссылаясь на немногочисленный опыт совместной службы поляков и русских в Севастополе и на Кавказе, О.А.Пржецлавский доказывает, что эти опасения были несостоятельны. Но, не оставляя своим вниманием период, предшествовавший восстанию, автор не забывает и о первых днях бунта, откровенно бросая обвинение великому князю Константину Павловичу в его

⁴¹⁸ О.А.Пржецлавский «Воспоминания»//Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.:Новое литературное обозрение, 2010 г. С.213

⁴¹⁹ Там же. С.214

⁴²⁰ Там же

бездействии и апатии по отношению к происходящим событиям. По мнению автора, именно поведение великого князя привело к катастрофе. «...кн.Друцкой-Любетский...упрашивал Его Высочество возвратиться в город и усмирить мятеж последовавшими за ним войсками. Великий князь отвечал «les polonais n'ont pas voulu de moi; je ne veux pas les connaître».⁴²¹ Несчастная фраза!...Эта фраза стоила боле года братоубийственной войны и жизни 200 000 сынов одного отечества».⁴²² О.А. Пржецлавский, как и многие представители русского общества, не могли найти логического объяснения поступкам Константина Павловича, видя в нем одного из главных виновников случившейся катастрофы. Было непонятно бездействие князя в день восстания и его отказ подавлять его на следующий день, так как в первые дни восстания Константин имел вокруг себя войско, количественно и качественно не уступавшее польскому. «Город был во власти беспорядков. И ничто не предпринималось, чтобы их остановить».⁴²³ В глазах современников подобное поведение князя сделало неизбежным начало крупномасштабной войны между Россией и Польшей. «Тогда уже вся надежда была потеряна и последовало то, что всем известно».⁴²⁴

О.А.Пржецлавский был не одинок, и среди поляков многие не приняли варшавское восстание. Известна история, когда шесть польских генералов, отказались нарушать данную Николаю I присягу, за что были зверски убиты толпой. «Первыми жертвами поляков, павшими в ходе этого преступного бунта, были приехавшие для того, чтобы остановить беспорядки военный министр граф Гауке, командующий пехотой Стас Потоцкий, начальник Генерального Штаба генерал Сементковский, генералы Трембицкий, Блюмер и Новицкий».⁴²⁵ Как видно по фамилиям генералов, сохранивших верность Царю, все они были поляками, но присяга для них оказалась важнее. К.П.Колзаков описывает реакцию на восстание старого польского генерала

⁴²¹ «Полякам я не понравился; я не хочу их знать» (фр)

⁴²² О.А.Пржецлавский «Воспоминания»//Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.:Новое литературное обозрение, 2010 г. С.215

⁴²³ Бенкендорф А.Х. «Воспоминания 1802-1837». М., «Рос.Фонд Культуры», 2012 г. С.462

⁴²⁴ О.А.Пржецлавский «Воспоминания»//Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.:Новое литературное обозрение, 2010 г. С.215

⁴²⁵ Бенкендорф А.Х. «Воспоминания 1802-1837». М., «Рос.Фонд Культуры», 2012 г. С.462

Салацкого, который, по его мнению, принадлежал к «партии здравомыслящих»: «Безумцы! Что они затеяли? О бедная наша Польша! Сколько жертв невинных снова падут!!...».⁴²⁶ К сожалению, здравомыслящих поляков оказалось меньшинство. Не стоит забывать и о том, что восставшие были очень агрессивно настроены против тех поляков, которые сохраняли лояльность русскому императору и даже после поражения восстания в изгнании продолжали выносить им смертельные приговоры.

Русское общество резко негативно отнеслось к польскому восстанию, видя в нем проявление черной неблагодарности и ненависти ко всему русскому. Часто в записках современников упоминается эпизод, когда Николай I сообщает о бунте в Варшаве гвардии.⁴²⁷ Николай I сообщил гвардейцам о восстании, об ужасах, творимых в Варшаве, об оскорблении, нанесенном не только ему, но и всему русскому государству. «С каждым словом императора внимание аудитории росло, с каждой минутой суровость уменьшалась, и после призыва гвардии к верности, все стремились притронуться к своему государю, все пытались выразить ему свою любовь и преданность».⁴²⁸ Восстание в Польше стало катализатором объединения общества и армии вокруг своего императора, так как в лице польских революционеров появился осязаемый противник. «Воскресала память о победе 1812 года, все сплотились вокруг Государя...и раздались единодушные возгласы о желании умереть за Царя и отомстить».⁴²⁹ Это описание тех же событий на Марсовом поле, но уже глазами другого участника событий, графини Н.И.Голицыной. В ощущении сплоченности и единения нации перед угрозой войны с ней полностью согласен А.Х.Бенкендорф: «молодые и старые, генералы, офицеры и солдаты. Все были глубоко взволнованы...».⁴³⁰ Видя сплоченность своего народа, Николай I заявил французскому полномочному министру в Петербурге барону де

⁴²⁶ Колзаков К.П. «Записки и воспоминания 1815-1831» // Русская старина, 1873. – Т. 7. – № 5. – С. 599

⁴²⁷ К примеру, в. Воспоминаниях Н.И.Голицыной, А.Х.Бенкендорфа, А.Н.Вульфа и др. в работе Н.К.Шильдера.

⁴²⁸ Бенкендорф А.Х. «Воспоминания 1802-1837». М., «Рос.Фонд Культуры», 2012 г. С.463

⁴²⁹ Война женскими глазами: русская и польская аристократки о польском восстании 1830-31 годов/ Сост., вступ. статья В.М.Боковой, Н.М.Фиатовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005 г. С.93

⁴³⁰ Бенкендорф А.Х. «Воспоминания 1802-1837». М., «Рос.Фонд Культуры», 2012 г. С.463

Бургоэну: «Вы были свидетелем, сударь, преданности моих войск, так знайте, что у меня таких людей сорок миллионов!». ⁴³¹

Разумеется, эта фраза Николая I, хотя и объяснялась обстоятельствами, при которых была произнесена, но все же являлась сильным преувеличением. Часть общества не только не страшилась революции, но, напротив, всей душой приветствовала ее. «Радикально настроенная молодежь – прежде всего школьная и студенческая (в числе прочих и молодой Герцен) – была полна энтузиазма». ⁴³² Были и те, кто равнодушно относился к восстанию. Особенно в этой связи примечательны мемуары А.Н.Вульфа, тем более, что он сам принимал участие в войне.

Пересказывая информацию о первых слухах о варшавском восстании, А.Н.Вульф более переживает не о том, что произошел мятеж против царя, а из-за того, что привычная петербургская жизнь прекратится из-за похода. «Все это слухи, которые еще не достоверны, но очень вероподобны, и, кажется, поход наш неизбежен...». ⁴³³ Потом на страницах дневника события польского восстания обрастают подробностями, причем автор не скрывает своего одобрения того, что власти не пытаются скрыть мятеж, а напротив сообщают о нем подданным во всех подробностях. Но чем неизбежней становилась отправка на театр военных действий, тем усиливается нежелание А.Н.Вульфа ехать. Примечателен тот момент, что он свое нежелание отправляться на войну, когда это касалось революции во Франции и в Бельгии, объяснял нежеланием становится палачом европейских свобод, то в случае с польским восстанием эмоции и объяснения были совершенно иными. «Этот поход мне не по душе; я готов сделать все возможное, чтобы избежать оно. Нужно же для этих безмозглых дураков переносить мне неприятности, которым совершенно все равно, Хлопицкий ли или Константин с ними возится». ⁴³⁴ Как видно, настроение совершенно иное. Нет

⁴³¹ Война женскими глазами: русская и польская аристократки о польском восстании 1830-31 годов/ Сост., вступ. статья В.М.Боковой, Н.М.Фиатовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005 г. С.93

⁴³² В.М.Бокова, Н.М.Филатова вступ.статья к сборнику «Война женскими глазами: русская и польская аристократки о польском восстании 1830-31 годов». М.: новое литературное обозрение.2005 С.28

⁴³³ А.Н.Вульф. «Дневники»// «Поэт, Россия и цари /А.С.Пушкин, А.Н.Вульф, М.К.Мердер, Л.Н.Павлищев». М., Фонд Сергея Дубова, 1999 г. С.144

⁴³⁴ Там же. С.152

ни слова о правах поляков, об их вольностях, о законности их желания иметь собственное государство, нет и критики императора, вместо всего этого лишь простое, понятное, человеческое желание сохранить существующий уклад жизни и собственное здоровье, а возможно, и жизнь. Однако оказавшись на войне и не перестав жалеть об этом и критиковать собственное начальство, А.Н.Вульф не отсиживался в тылу, а раз за разом демонстрировал на поле боя собственную храбрость. Он отправлялся в одиночку в разведку, вставал со своим подразделением в засаду за польскими укреплениями, не отступал под польскими пулями и ядрами под крепостью Замосцкой. За это он был представлен к следующему званию и к 4-й степени ордена Святой Анны. Впрочем, и к этому автор относился с огромным скепсисом.⁴³⁵ Разница в восприятии революции в Бельгии и в Польше в дневниках А.Н.Вульфа налицо. Сами поляки для него просто противники. Автор не задается вопросом о причинах восстания, справедливости требований поляков, они для него враги на поле боя.

Говоря о тех минусах русской армии, которые подмечал А.Н.Вульф, нужно отметить, что они упоминается и другими современниками, даже сугубо штатскими людьми. Главным недостатком было восприятие поляков как легких противников, убежденность в том, что неудача в войне с Польшей абсолютно немыслима и война будет закончена быстро. «Перчатками и шапками закидаем – говорили они».⁴³⁶ Подобная недооценка противника привела к поражению русских войск в битве под Сточekom, которая, по существу, была первой битвой русско-польской войны.

Польские мятежники понимали, что, даже имея хорошо вооруженную и обученную армию, в одиночку сражаться с Россией им будет слишком тяжело, поэтому надеялись на помощь европейских стран. «Если Европа даст нам погибнуть, если не уцелеем мы в неравной борьбе с северным колоссом, горе народам Старого Света».⁴³⁷ Обращает на себя внимание тот факт, что

⁴³⁵ А.Н.Вульф. «Дневники»// «Поэт, Россия и цари /А.С.Пушкин, А.Н.Вульф, М.К.Мердер, Л.Н.Павлищев». М., Фонд Сергея Дубова, 1999 г. С.167

⁴³⁶ Война женскими глазами: русская и польская аристократки о польском восстании 1830-31 годов/ Сост., вступ. статья В.М.Боковой, Н.М.Фиатовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005 г. С.93

⁴³⁷ Там же. С.169

Европа, по мнению польской аристократки, обязана спасти Польшу, что даже не поднимается вопрос об отсутствии противоречий между Европой и Россией, а напротив, присутствует твердая убежденность в антагонизме двух регионов. Во второй главе было показано, какое значение для Польши имела помощь западных стран, главным образом, Франции, и в меньшей, Великобритании, на всем протяжении кризиса. Факт вмешательства европейцев в русско-польский конфликт не остался без внимания современников событий.

Попытки французской и английской дипломатии повлиять на развитие событий были скрыты от большей части общества, поэтому главное раздражение русских вызвала антироссийская риторика западноевропейских газет, которая, как было показано во второй главе, достигла небывалого размаха в период польского кризиса. Несправедливая критика России задевала не только обывателей, но и самого Николая I. Так, в беседе с французским посланником бароном де Бургоэном Николай I заметил: «Да, я знаю, Европа несправедлива в отношении меня. Обоих нас, моего брата Александра и меня, подвергают ответственности за то, чего мы оба не делали. Не нам принадлежит мысль о разделе Польши...мы должны были принять дела такими, какими их передали нам».⁴³⁸ Подобные слова русского самодержца выглядят как попытка донести до иностранного дипломата свою правду, обосновать свои действия, постоянно осуждаемые европейской прессой.

Почти в то же время, буквально через полгода, в письме к князю Варшавскому И.Ф.Паскевичу Николай I высказывает уже диаметрально противоположную позицию. Очевидно смирившись, что антироссийскую риторику не побороть, император находит в ней подтверждение правильности своей политики. «Слава Богу, что у тебя все тихо и спокойно идет; это, верно, и бесит наших врагов; в особенности в Англии ругательства

⁴³⁸ Из беседы с французским посланником, бароном Бургоэном// Император Николай Первый. Николаевская эпоха. Слово русского царя. Апология рыцаря. Незабвенный. Изд. подг. М.Д.Филин. М., Русский мир, 2002 г. С.201

на меня превосходят воображение...».⁴³⁹ Возможно, русский самодержец стал спокойнее воспринимать нападки на себя в прессе, в любом случае, в 1832 году он уже мог не опасаться их как фактора, способного повлиять на процесс стабилизации ситуации в стране после польского мятежа.

Видимо, нападки на русское правительство достигли такого размаха в 1831-32 годах, что искусная в дипломатических интригах княгиня Д.Х. Ливен попыталась использовать свое влияние на лорда Грея с целью смягчения тональности английских газет. Следует отметить, что княгиня пользовалась большим влиянием в английском обществе и имела основания предполагать, что ее неформальная просьба будет услышана английскими властями. К сожалению для нее, ответ был резко отрицательным. Лорд Грей ответил ей: «Я полагал, что после такого долгого пребывания в Англии вам известно, что правительство не имеет никакой власти над газетами».⁴⁴⁰ После этого княгиня была вынуждена прекратить свои попытки обуздать английскую прессу.

Одну из самых ярких оценок антироссийской риторики в европейских газетах дал герой Отечественной войны 1812 года генерал-лейтенант Д.В. Давыдов. В своих «Записках о польской войне»⁴⁴¹ Д.В. Давыдов не только подробно описывает ход военных действий и обвиняет фельдмаршала И.И. Дибича в неудачах начального периода войны, но и обрушивается на западноевропейские страны за их позицию в русско-польском конфликте. Очевидно, что даже будучи непосредственно на театре военных действий и ведя бои с поляками, Д.В. Давыдов сталкивался с нелицеприятным мнением западных журналистов относительно действий России. «При всем том мнение иностранцев не перестает быть противным чести русского оружия».⁴⁴² При этом генерал подчеркивает, что в его восприятии те, кто в России поддерживают оценки и мнения западноевропейской прессы,

⁴³⁹ Из письма к князю И.Ф. Паскевичу // Император Николай Первый. Николаевская эпоха. Слово русского царя. Апология рыцаря. Незабвенный. Изд. подг. М. Д. Филин. М., Русский мир, 2002 г. С. 205

⁴⁴⁰ Цит. по Танышина Н.П. Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2009 г. С. 104

⁴⁴¹ Давыдов Д.В. Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о польской войне 1831 года / Сообщ. В.Д. Давыдов // Русская старина, 1872. – Т. 6. – № 10. – С. 309-405.

⁴⁴² Там же. С. 319

неотделимы от нее в своем стремлении нанести вред России, чему он пытается противостоять. «Я говорю, как было, а не так, как печаталось в польских, французских и английских газетах и разглашалось российскими общемирными гражданами».⁴⁴³ Автор объясняет нападки в прессе на Россию не столько политическим заказом, сколько данью европейской моде критиковать все, что связано с Россией. «Журналы, газеты, ветви левых сторон английского парламента и обеих палат Франции, проповедники модных идей, модные люди, модные дамы, модные фразы и все вообще модное, завопило и стало на дыбы на Россию,...».⁴⁴⁴ Проводя параллели между требованиями поляков, которые Европа считает законными, и положением народов Ирландии, Алжира, Индустана генерал вопрошает у невидимого оппонента: «Неужели законы справедливости, воспрещающие похищение чужого достояния, существуют лишь для одной России?».⁴⁴⁵

Д.В.Давыдов разрушает миф о единстве поляков в восстании, показывая на конкретных примерах, что восстала лишь часть, причем небольшая, поляков, высшая прослойка польского общества, крестьяне же остались равнодушными к восстанию и не поддержали его. В конце концов, свою заочную полемику с европейцами Д.В.Давыдов завершает словами, которые достаточно правильно, хоть и образно передают отношение к публикациям в европейской прессе. «Но корифеям большого света, повторяющим слова витий, палат и газетчиков, до правды дела нет; там, в Париже и Лондоне, в промежутках двух кадрилей, двух партий виста, двух бутылок шампанского, требовали самостоятельность Польши!».⁴⁴⁶

Интересное мнение относительно вмешательства европейцев в русско-польскую войну оставил А.С.Пушкин. По мнению русского поэта, Европа не может помочь полякам из-за европейцами же придуманного принципа невмешательства, который они упорно противопоставляли в своих газетах принципу легитимизма, проповедуемому в Петербурге. И оказавшись в

⁴⁴³ Давыдов Д.В. Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о польской войне 1831 года / Сообщ. В.Д. Давыдов // Русская старина, 1872. – Т. 6. – № 10. – С. 320

⁴⁴⁴ Там же. С. 321

⁴⁴⁵ Там же.

⁴⁴⁶ Там же. С. 327

ситуации, когда надо реально помогать Польше, власти Великобритании и Франции были связаны этим принципом по рукам и ногам. «По-видимому, Европа останется только зрительницей наших действий. Великий принцип возникает из недр революций 1830 года: принцип невмешательства, который заместит принцип легитимизма, поруганный от одного конца Европы до другого...».⁴⁴⁷

Творческим ответом А.С.Пушкина на информационную атаку европейской прессы стало стихотворение «Клеветникам России», где есть такие строки:

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы...
...Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...

Публикация этого стихотворения косвенно подтверждает то, что статьи в западной прессе задели русского поэта и вынудили его в привычном ему форме дать ответ. Современные исследователи подчеркивают, что многие другие русские писатели и поэты отмечали, что за плечами поляков стоит Европа. «Очень показательно, что даже пропольски настроенный Лунин воспринимал русско-польский конфликт как «семейный раздор», часть процесса славянского объединения, имеющий значение не только сам по себе, сколько акт противостояния России и Запада, стоявшего за Польшей».⁴⁴⁸

⁴⁴⁷ А.С.Пушкин письмо Е.М.Хитрово.февраль 1831 г. //Император Николай Первый. Николаевская эпоха. Слово русского царя. Апология рыцаря. Незабвенный. Изд.подг.М.Д.Филин. М., Русский мир, 2002 г. С.306

⁴⁴⁸ В.М.Бокова, Н.М.Филатова вступ.статья к сборнику «Война женскими глазами: русская и польская аристократки о польском восстании 1830-31 годов». М.: новое литературное обозрение.2005 С.31

Подавление восстания не принесло успокоения в настроения российского общества. Непонимание причин восстания и кровавость русско-польской войны вызвали в обществе всплеск антипольских настроений, которые не утихали не только сразу после взятия Варшавы, но и спустя годы. Княгиня Н.И.Голицына еще в декабре 1830 года пророчески произнесла: «Бомба была брошена и должна была разорваться. Русские и поляки никогда друзьями не будут, - с одной стороны, имеется антипатия, а с другой – зависть».⁴⁴⁹ Княгиня с грустью отмечает, что хорошее отношение к ней варшавского общества оказалось ложью, что поляки ненавидят русских и не испытывают к ним никакой благодарности. «я...постоянно слышала какой-то голос, который говорил мне, что рано или поздно нас задушат на улицах Варшавы».⁴⁵⁰

Уровень антипольских настроений в обществе настолько зашкаливал, что в момент холерных выступлений в Москве и в Петербурге даже косвенное свидетельство того, что человек, оказавшийся перед толпой, имеет отношение к полякам, могло стать для него роковым. В опубликованном рассказе очевидца холерного бунта 1831 г. в Петербурге есть описание поведения толпы, когда его заподозрили сначала в отравлении людей, а потом в том, что он «оборотень»: «Все кричали; тщетно я уверял, что я никакой отравы не имел и не бросал: толпа требовала обыскать меня. Я снял с себя фрак с гербовыми пуговицами, чтоб показать, что у меня ничего нет; — душа была не на месте, чтоб толпа не увидала иностранных журналов и в особенности польских, бывших в числе их».⁴⁵¹

Подобные настроения общества не могли не передаться государю. После о того, как мятежные поляки приняли решение о лишении Николая I польского престола, он напишет в письме своему брату Константину: «Кто из двух должен погибнуть, - так, как, по-видимому, погибнуть необходимо, -

⁴⁴⁹ Война женскими глазами: русская и польская аристократки о польском восстании 1830-31 годов/ Сост., вступ. статья В.М.Боковой, Н.М.Фиатовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005 г. С.94

⁴⁵⁰ Война женскими глазами: русская и польская аристократки о польском восстании 1830-31 годов/ Там же. С.95

⁴⁵¹ http://memoirs.ru/texts/IS_HvP_RA68_69.htm (действ. 31.05.2013)

Россия или Польша? Решайте сами. Я исчерпал все возможные средства, чтобы предотвратить подобное несчастье...». ⁴⁵²

Для себя, видимо, Николай I выбор сделал. В своей записке о Польше 1831 г. Николай I показывает свое новое отношение к проблеме польской государственности. «Польша постоянно была соперницей и самым непримиримым врагом России...Все, что делается, и все, что еще происходит в Польше, очевидно доказывает, что прошла пора великодушия; неблагодарность поляков сделала его невозможным, и на будущее время во всех делах касающихся Польши, все должно быть подчинено истинным интересам России». ⁴⁵³

Речь идет не только о введении карательных мер на территории, которая восстала против Империи и проявила сепаратизм. Проблема намного глубже и уходит в глубинное непонимание причин восстания и негативный исторический опыт отношений между Польшей и Россией. Главное, что у русского самодержца меняется отношение к польским территориям, это большое не привилегированная часть Империи и даже не равнозначная другим землям часть, а военный трофей русской армии. «Дело идет не только о том, чтобы лишить Польшу материальной возможности вредить России, но следует еще рассмотреть, какое вознаграждение может получить Россия за свои тяжкие жертвы и какие выгоды она может извлечь из обладания Польшей». ⁴⁵⁴

Восприняв бунт поляков как черную неблагодарность за те блага, которыми 15 лет Польша пользовалась, будучи частью Империи, Николай I следующим образом формулировал свое отношение к ним. «Благодарности от них я не ожидаю и, признаюсь, слишком глубоко их презираю, чтобы она могла быть мне в какую цену...». ⁴⁵⁵

⁴⁵² Из письма великому князю Константину Павловичу от 3 января 1831 г. //Император Николай Первый. Николаевская эпоха. Слово русского царя. Апология рыцаря. Незабвенный. Изд.подг.М.Д.Филин. М., Русский мир, 2002 г. С.182

⁴⁵³ Записка о Польше 1831 г. //Там же. С.185

⁴⁵⁴ Записка о Польше 1831 г.//Император Николай Первый. Николаевская эпоха. Слово русского царя. Апология рыцаря. Незабвенный. Изд.подг.М.Д.Филин. М., Русский мир, 2002 г. С.185

⁴⁵⁵ Из письма князю И.Ф.Паскевичу от 29 мая 1832 г. Записка о Польше 1831 г.//Там же. С.205

Как уже было сказано, Николай Павлович был не одинок в своих антипольских настроениях. Москва и Петербург ликованием встретили взятие Варшавы. Радость была всеобщая и искренняя.⁴⁵⁶ Публикация Манифеста о лишении Польши ее привилегий также была встречена с воодушевлением русским обществом. Так, известный русский литератор Н.И.Греч следующим образом высказался по этому вопросу, вспоминая, что он был резко против присоединения Польши к России в 1815 году: «Русские были огорчены дарованием исконным врагам нашим прав, которых мы сами не имели. Награждены были люди, лезшие на стены Смоленска и грабившие Москву, а защитники России, верные сыны ее, оставлены были без внимания...».⁴⁵⁷ По его мнению, от Польши Россия получала лишь беды, не только огромные финансовые вливания в Варшаву, которые истощили русскую казну, но еще и ненависть поляков ко всему русскому, подрывали единство страны. «А нравственное зло! Четыре миллиона изменников, закоренелых врагов наших, сделались русскими гражданами, дворянами: ядовитая жидкость влилась в жилы России, За одно должно благодарить поляков: они вскоре разочаровали Александра и заплатили России по-польски, злом за добро, оправдали предсказания друзей и недругов наших».⁴⁵⁸

О том, что после восстания в Польше между русскими и поляками возникла непреодолимая пропасть, упоминают в своей переписке и братья Константин и Александр Булгаковы. «Никогда не было большой симпатии между русским и поляком, но здесь теперь и последнее чувство охолодело к ним неблагодарным!».⁴⁵⁹ Обращает на себя внимание тот факт, что снова подчеркивается неблагодарность поляков. Видимо эта характеристика была определяющей в понимании восстания в Варшаве русским обществом.

В одном из своих писем К.Я.Булгаков полностью разделяет решимость правительства бороться с Польшей и в будущем лишить ее особого статуса в

⁴⁵⁶ Записка лица, доставившего генерал-адъютанту гр. Орлову депешу о взятии русскими войсками Варшавы, "о ликовании" петербургского населения по этому поводу. Д..59.оп.2.ф.109 ГА РФ

⁴⁵⁷ Н.И. Греч «Записки о моей жизни», М.: «Захаров», 2002 С.120

⁴⁵⁸ Там же

⁴⁵⁹ Братья Булгаковы: письма/Александр Булгаков, Константин Булгаков. М.:Захаров, 2010 г. С.305

Империи. «Добру не бывать! Поляки разрушили навсегда свое собственное благополучие...Нет, брат, надобно на них песочную дубинку Петра Великого».⁴⁶⁰

Влияние, которое оказало польское восстание на отношение к полякам в русском обществе, имело последствия и через несколько лет, после подавления восстания. Барон М.А.Корф, описывая в своих дневниках борьбу с графом С.С.Уваровым по вопросу о сокращении преподавателей польского языка в польских землях, полностью согласен, что поляки заслуживают подобное наказание и притеснений со стороны императорской власти. «Мятеж в западных губерниях, облагодетельствованных императором Александром, сохранивших свою веру, свои законы, свой язык и между тем наслаждавшихся всеми теми правами, как и коренные подданные России, естественно, должен был возбудить омерзение во всех людях благонамеренных, которые видели в нем не одно минутное заблуждение, но и весь характер подлой измены».⁴⁶¹ Эмоциональность высказывания М.А.Корфа велика, а тональность более чем резкая, и все это несмотря на то, что после восстания прошло уже несколько лет, а самого Корфа современные исследователи называют «просвещенным бюрократом»⁴⁶², т.е. представителем нового типа чиновничества с ярко выраженными интеллектуальными и творческими чертами характера. Следовательно, те настроения, которые были выделены и проанализированы в данной главе, были не сиюминутными и имели глубокие последствия в памяти русского общества.

Выводы по главе 3.

Подводя итог, следует отметить следующие моменты.

1. Несмотря на немногочисленность источников, можно констатировать, что революция в Бельгии и восстание в Польше были в той или иной степени известны современникам, и они могли составить свое

⁴⁶⁰ Братья Булгаковы: письма/Александр Булгаков, Константин Булгаков. М.:Захаров, 2010 г. С.305

⁴⁶¹ Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг./М.А.Корф. М.: Рубежи XXI, 2010 г. С.172

⁴⁶² См. И.В.Ружицкая «Просвещенная бюрократия (1800-1860-е гг.). М.:Институт российской истории РАН, 2009 г.

представление о данных событиях. Публикации в прессе относительно Бельгии были немногочисленны, но тем ни менее, способствовали тому, что в воспоминаниях и в частной переписке обсуждалась проблема бельгийского восстания, то есть нельзя сказать, что эта тема замалчивалась или отсутствовало в общественной дискуссии. Польское восстание не скрывалось правительством, и общество имело значительный объем информации как из официальных манифестов и обращений Царя, так и из газет и журналов, а также ходивших в обществе многочисленных и недостоверных слухах, о чем, в частности, свидетельствует в своих воспоминаниях А.Н.Вульф.⁴⁶³

2. В понимании причин возникновения мятежей в Брюсселе и Варшаве не было единства. Если бельгийскую революцию связывали с июльской революцией во Франции и рассматривали ее как опыт «экспорта революции» применительно к реалиям XIX века, то восстание в Польше была непонятно для общества и единственным популярным объяснением была неблагодарность и враждебность польского народа.

3. Обе ситуации сближает то, что в русском обществе находились антимонархически настроенные силы, которые приветствовали их и желали победы революционеров. Однако следует заметить, что некоторые сторонники европейских революций, которые слепо приветствовали триумф восставших в Париже и Брюсселе, не испытывали схожих чувств к польским бунтовщикам и не восторгались польской борьбой за независимость. Что особенно ярко видно на примере А.Н.Вульфа. Так же оба события объединяет то, что они стали абсолютной неожиданностью для большей части общества, которые не ожидали революционных потрясений ни в Европе, ни в пределах России.

4. В то время как революция в Бельгии мало интересовала русских современников событий, восстание в Польше, по понятным причинам, оказалось в центре внимания значительной части верхних слоев общества и вызвало большой отклик у остальных социальных групп, что можно наглядно видеть в ненависти к полякам, особенно ярко проявившейся летом

⁴⁶³ А.Н.Вульф. «Дневники»//«Поэт, Россия и цари /А.С.Пушкин, А.Н.Вульф, М.К.Мердер, Л.Н.Павлищев». М., Фонд Сергея Дубова, 1999 г. С.144

1831 года. Глубинные причины мятежа в Варшаве остались непонятными русскому обществу, которое увидело в нем абсолютную неблагодарность за все то добро, которое царская власть в течении 15 лет делала полякам. Одним из главных виновников восстания был объявлен Константин Павлович, которого общество и сам государь обвиняли в бездействии и апатии к происходившим событиям, отказе подавить восстание в зародыше и добровольное бегство с приближенными и верными войсками в пределы Империи. Очевидно, что лишь скоропостижная и трагическая смерть предохранила Константина Павловича от еще большего осуждения со стороны современников.

5. Как в случае с бельгийской революцией, так и в случае с ноябрьским восстанием в Варшаве, современники видели большую роль Европы. Бельгийским революционерам в принципе отказывали в самостоятельности, даже не пытались понять тех глубинных конфликтов, которые вынудили их взяться за оружие. Попытки объяснить их восстание или же сводились к обычной борьбе обывателей против неугодной им власти, или же доходили до подозрений в некоем тайном заговоре, который в себе объединил все восставшие страны с целью обрушить европейское спокойствие. В любом случае, у большинства современников отсутствовало понимание причин брюссельского мятежа и тех проблем, которые он создал для внешней политики Российской империи. Пристальное внимание европейцев к русско-польской войне, в частности многочисленные антирусские статьи в газетах и журналах, вызвало волну негодования у совершенно различных авторов. Император, чиновники, жена дипломата, писатели, военные все они возмущались не только тем, что Европа вмешивается во внутренний конфликт России, но и тем, что европейцы все мерят двойными стандартами. Довольно часто встречаются упоминания о судьбе Шотландии, Ирландии, Алжира и Африки, которые не интересуют западноевропейских газетчиков, хотя ситуация в этих регионах значительно хуже, чем в Польше.

6. Ярко выраженной реакции в русском обществе бельгийская революция не вызвала. Посещавший Голландию через 3 года после

указанных событий князь католический священник-иезуит И.С.Гагарин⁴⁶⁴ не упоминает ни о последствиях революции, ни об отделении Бельгии, ни о голландско-бельгийской войне. В воспоминаниях современников совершенно не отразилась работа Лондонской конференции по бельгийскому вопросу, что совершенно логично, учитывая отсутствие упоминаний о значении Бельгии для России. Напротив, польское восстание оставило глубокий след в общественном сознании и упоминалось даже через несколько лет после указанных событий. Для русского общества война в Польше стала одним из центральных событий правления Николая I, способствовала консолидации большей части общества вокруг фигуры императора и дала значительный толчок к формированию национального самосознания. В Европе эмигрантские польские общества Парижа и Лондона посредством агрессивной антирусской риторики начали формироваться резко негативный облик России в общественном сознании европейцев.

⁴⁶⁴ И.С.Гагарин. Дневник. Записки о моей жизни. Переписка. М.: «языки русской культуры», 1996 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внешняя политика Российской империи в первой половине XIX-го века продолжает вызывать неподдельный интерес у исследователей. Этот период собрал в себе и неудачи антинаполеоновские коалиций, и грозу 1812 года, и триумф русских армий, входивших в Париж, и участие в борьбе за свободу и независимость греческого народа, и спасение столицы давнего противника, Османской Империи, от мятежного египетского вассала, и внешнеполитическую изоляцию во время Крымской Войны, и многое другое. На фоне таких событий, которые имели определяющее значение для истории всего европейского региона, бельгийской революции и польскому восстанию, которые произошли с разницей в несколько месяцев в 1830-м г., было легко затеряться. А между тем они вызвали цепь внешнеполитических событий, которые практически привели к началу большой европейской войны, в неизбежности которой в 1831 г. мало кто в русском правительстве сомневался, как не сомневался в этом сам Николай I. «Его величество» глубоко убежден в том, что континентальная война неизбежна и что все сделанное до сих пор для поддержания мира могло лишь отсрочить столкновение»⁴⁶⁵ - писал в секретной инструкции граф А.И.Чернышев. К счастью, прогноз Николая I не оправдался, и европейский мир был сохранен.

В процессе решения задач, сформулированных во Введении, были сделаны следующие выводы:

Во-первых: революция в Бельгии поставила под удар все три внешнеполитических вектора, которые стояли перед русской дипломатией. Поддержка Францией бельгийских революционеров и реинкарнация во французском правительстве планов присоединения бельгийских территорий являлись прямой угрозой новой европейской войны. Провозглашенное отделение Бельгии от Голландии уничтожало существовавшую систему сдерживания Франции, которая опиралась не только на силу Четверного Союза, но и на мощь бельгийских фортификационных сооружений. А

⁴⁶⁵ Секретная дипломатическая инструкция, данная генерал-адъютанту Нейдгардту 4 апреля 1832 г.// Император Николай Первый. Николаевская эпоха. Слово русского царя. Апология рыцаря. Незабвенный. Изд.подг.М.Д.Филин. М., Русский мир, 2002 г. С.205

двоякая позиция Лондона, фактически отказавшегося от своих внешнеполитических обязательств по отношению к нидерландскому монарху, поставило под угрозу единение стран-союзниц. Оказавшись в столь непростых условиях, еще более усложнившихся после варшавского восстания, русская дипломатия была обязана быть гибкой и искать новые формы реализации своих внешнеполитических ориентиров.

Силовой план решения бельгийского восстания был достаточно быстро отвергнут, тем более что вызывает большие сомнения искренность желания Николая I начать воевать за интересы Вильгельма I. Возможно, речь шла об имитировании подготовки к войне, учитывая, что приведенные в боевую готовность подразделения никуда не двигались. Поэтому можно предположить, что вся подготовка была не более, чем аргументом в диалоге с Берлином и Веной о создании коалиционного войска, который вел фельдмаршал И.И.Дибич. Не стоит забывать, что Петербург так же, как Лондон, Вена и Берлин, был обязан защищать Нидерландское королевство согласно существовавшим договорам, а именно следование своим обязательствам было одним из главных ориентиров для правительства Николая I.

Окончательно отказавшись от возможности применения силы против бельгийцев, а союзники России после восстания в Варшаве прекратили переговоры по этому вопросу, Петербург соглашается участвовать в Лондонской конференции. Приняв необходимость отделения Бельгии от Голландии, русская дипломатия проявила гибкость и продемонстрировала способность менять форму достижения внешнеполитических задач в сложных временных и ситуационных условиях. Для Петербурга сохранение Бельгии в рамках Нидерландского королевства не было самоцелью, это было формой сохранения системы, нивелировавшей французскую угрозу. Поняв, что старый вариант решения этой проблемы (в виде присоединения Бельгии к Голландии) перестал работать, русские дипломаты стали искать новый. Он заключался в поисках приемлемых условий возникновения и существования Бельгии как независимого государства, что и было главным предметом

дипломатических дискуссий. В конечном итоге, усилия русских дипломатов не прошли даром. Бельгия, созданная как самостоятельное и независимое государство, сохранила свою роль краеугольного камня в системе сдерживания французской агрессии. Она становилась вечно нейтральным государством, этот статус обеспечивался всеми Великими Державами, в том числе и Францией. Фактически, спустя год после революции Бельгия, пусть и в качественно ином виде, продолжила играть свою роль главного барьера между Францией и центральными европейскими державами, но уже на новом уровне, так как теперь даже Франция, которая хотела присоединить Бельгию, признала и гарантировала ее независимость. Это был значительный успех русской дипломатии, который до настоящего диссертационного исследования не получил адекватной оценки в современной историографии.

Во-вторых: события польского кризиса, последовавшего за варшавским восстанием 1830 года, продемонстрировали еще один аспект внешней политики Российской империи. С одной стороны, они наглядно показали Петербургу истинные и далеко не всегда доброжелательные намерения и отношение к нему дворов ведущих мировых государств, а с другой стороны, проиллюстрировали, что не всегда есть совпадение между внешнеполитическим имиджем государства и общественным мнением относительно него.

Страны, в соответствии с их реакцией на польское восстание, в диссертации впервые разделены на тех, кто помогал Российской империи, на тех, кто мешал ей, и на тех, кто сохранил свой нейтралитет. Тому, что внутренний конфликт внутри империи, получил огромный общественный резонанс, сильно способствовала политика Парижа, который стремился использовать затруднительное положение России в собственных целях. Понимая, что вмешательство французов в конфликт может иметь самые пагубные последствия, Николай I всеми силами препятствовал официальному признанию независимости Польши со стороны Парижа. Ситуацию значительно облегчало то, что Лондон занял выжидательную позицию, будучи намного больше заинтересован в удачном разрешении

бельгийского вопроса, в котором ему была необходима помощь России. Это, в свою очередь, позволило Петербургу избрать максимально жесткий тон в переговорах с Парижем, вплоть до угрозы разрыва отношений. Находясь на пороге разрыва отношений с Россией, Париж упустил время для признания Польши, и русские войска взяли Варшаву.

Союзники России по Священному союзу выполнили свои обязательства и оказали России помощь в полном объеме, отразив дипломатические атаки Парижа. Разумеется, нельзя исключать того, что Карл фон Меттерних вел свою игру, но в условиях кризиса он поддержал Петербург, что было с воодушевлением воспринято русским правительством.

Мировая пресса, обрушившаяся на правительство России с многочисленными нападками, совершенно не учитывала реальное развитие русско-польских отношений и тех действий, которые предпринимал Петербург. Понимая, что негативное общественное мнение может быть использовано правительствами западноевропейских стран в качестве объяснения отказа от своих обязательств, Петербург пытался противостоять этой информационной войне, но, как показано в диссертационном исследовании, борьба эта была безуспешной. Фактически соответствия между политикой, проводимой Петербургом, и восприятием этой политики в Европе не было.

В-третьих: революционные события в Бельгии и в Польше не прошли незамеченными для российского общества. Хотя внимание к европейскому кризису и мятежу внутри страны не было одинаковым, и Польша интересовала общество в значительно большей степени, тем не менее, обе революции вызвали интерес у современников. В диссертации выявлены и проанализированы несколько аспектов, которые их объединяли. Главное, что было общим в восприятии бельгийской революции и польского восстания, это непонимание их причин. Но если в случае с бельгийской революцией это было вызвано небольшим интересом общества к событиям в далекой стране, то в случае с Польшей это непонимание связано с непринятием обществом польского мировоззрения. В обоих случаях в

русском обществе была небольшая прослойка людей из высшего общества, с состраданием относившихся к революции и желавших поражения как нидерландской, так и русской армиям. Общество приписывало европейским странам враждебную политику и пособничество революционерам. Позиция, занятая Великобританией и Францией в отношении варшавского восстания, была с непониманием воспринята русским обществом. В оценке современниками негативное восприятие влияния зарубежных стран на события, перевешивало оценку роли русской дипломатии в период кризиса, тем более что в глазах современников далеких от дипломатических кругов, события в Польше воспринимались исключительно как внутреннее дело Империи. В диссертации показано, что такая оценка современниками стала важной составляющей историографической традиции, сохранившейся до наших дней, в рамках которой восстание в Царстве Польском описывается исключительно в контексте внутренней политики государства, при этом не рассматривается весь внешнеполитический аспект, который это восстание имело.

В-четвертых: национальные приоритеты Российской империи в интересующий нас период были сформулированы императором Николаем I и подразумевали основной целью внешней политики России сохранение мира в Европе. Главным средством достижения поставленной цели было провозглашено строгое следование тем договорам, которые были подписаны Россией и определяли границы Европы, а также сохранение единства мнений среди стран-союзниц. Последнему обстоятельству Николай I придавал особое значение, видя только в нем залог сохранения мира и спокойствия в европейском регионе. Созданная после 1815 года система была направлена против французской угрозы, и сохранение этой системы было главным ответом официального Петербурга на французскую революцию, которая однозначно была воспринята негативно. В то же время желание не начинать войну в Европе обусловило поиск мирного разрешения бельгийской проблемы, что и привело к активному участию русской делегации в Лондонской конференции 1830-31 гг.. В диссертационном исследовании в

контексте внешнеполитического кризиса начала 1830-х годов впервые сформулированы три вектора, которые доминировали в это время во внешней политике Российской империи: защита мира в Европе, сохранение антифранцузской оборонительной системы союзов, единение стран-союзниц.

Говоря о необходимости достижения единства позиций союзников, нельзя не отметить, что этот вопрос оказался самым тяжелым для русских дипломатов. Лондон все более тяготился русским влиянием в Европе и начал движение к официальному сближению с Францией в противовес Священному союзу. Понимая этот поворот в политике своего союзника, Николай I не стал акцентировать внимание на противоречиях в позиции двух стран, используя тактику мелких уступок и приказав своим дипломатам соглашаться с Великобританией по спорным вопросам. Благодаря этому удалось смягчить позицию официального Лондона, и в кризисные моменты, особенно во время вмешательства Франции в бельгийско-голландскую войну, Лондон обратился к Петербургу, боясь того, что Франция захватит Бельгию и вернет себе доминирование в Европе. Благодаря благоразумию русского правительства, удалось сохранить действие Четверного союза, пусть отчасти и формально. Это доказывает, что, по сути, Лондон не придерживался ни одной стороны, образно выражаясь, оставаясь над схваткой. Эта политика «свободных рук» резко отличалась от политики Лондона в период противостояния с Наполеоном и отчасти была не разгадана в Петербурге.

В-пятых: личное отношение Николая I к революциям было крайне отрицательным. Но вопреки популярному мнению, Николай I противопоставлял себя и собственное государство революции не как явлению, а как конкретной угрозе внешнеполитическому и внутриполитическому спокойствию Империи. Неприятие Николаем I новых французских властей было в значительной степени связано с тем, что правительство короля Луи-Филиппа ярко проявило свою двуличность, уверяя Петербург в искренней дружбе, в то время как именно Париж стал лучшим другом польских бунтовщиков, щедро снабжая их обещаниями, деньгами и

поддержкой. Позиция Лондона также была непонятна Николаю I, но он приписывал ее недружественному по отношению к России влиянию Парижа и старался сохранять дружеский тон в отношениях с Великобританией. Когда русская дипломатия нашла оптимальный вариант отделения Бельгии от Голландии при сохранении системы европейской безопасности, Николай I одобрил его, несмотря на то, что тем самым он одобрил достижения бельгийских революционеров. По мнению автора диссертации, это доказывает выдвинутый в работе тезис о первичности для Николая I интересов государства, а не собственного отношения к таким явлениям, как революция. В случае с Польшей Николай I проявил себя иначе. Причины, заставившие поляков восстать, были ему (как и большей части общества) не понятны, а само восстание было расценено как неблагодарность и наглядное подтверждение ненависти, которую поляки испытывали к русским. Этим объясняются резкие шаги правительства по подавлению мятежа и лишению Польши ее статуса. Расценивая конфликт как исключительно внутренний, русский самодержец резко негативно относился к любым попыткам влиять на него извне, полностью исключив возможность западной дипломатии оказывать подобное влияние.

Также в работе было опровергнуто упрощенное суждение об агрессивной политике Николая I, особенно применительно к революционным взрывам, сотрясавшим Европу. В своей внешней политике Николай I, как это было доказано в первой и второй главах данного исследования, исходил исключительно из оборонительных стремлений, всеми силами способствуя успокоению Европы и недопущению начала большой войны. Европейское спокойствие для русского императора было лучшим средством обезопасить европейские границы Российской империи и ее союзников, что неоднократно обозначалось императором как главная цель его дипломатии. Исследователи, говоря об агрессивных намерениях Николая I и приводя в качестве главного аргумента частичное приведение войск в боевую готовность в 1830 г., совершенно упускают из виду тот факт, что существовавшая система международных и двухсторонних договоров, которые были заключены еще

до воцарения Николая Павловича, требовали от него участия в боевых действиях на стороне своих союзников. Это обстоятельство стало для автора диссертации основополагающим при выработке собственной позиции в данном вопросе.

В работе также сформулирован вывод о недостаточной обоснованности еще одного популярного мнения насчет внешней политики России, а именно, что польское восстание 1830-31 гг. спасло Европу (и в частности Бельгию) от нашествия русских войск. Как было показано, подобное мнение появилось еще в XIX веке в западноевропейской прессе. Его ошибочность опровергается тем фактом, что когда войска под командованием И.Ф.Паскевича подавили восстание в Польше, переговоры по Бельгии еще не были окончены, и если бы у Николая I было бы желание подавить брюссельский мятеж, русские войска, повинаясь его воле, пошли бы в Европу. Этому опасались даже наши союзники по Священному союзу, не говоря уже о Великобритании. Поэтому подавив восстание в Польше, Николай I официально объявил, что война окончена и русская армия остается в пределах Империи. Новым в историографии является вывод автора о том, что Польша не спасла Бельгию, а лишь наглядно показала, что сама по себе бельгийская революция не имела большого значения для Петербурга.

Отвечая на главный вопрос данного диссертационного исследования, можно констатировать, что в результате проведенного анализа впервые была доказана гипотеза, высказанная во Введении, состоящая в том, что в восприятии русского правительства революция в Бельгии, восстание в Польше и последовавшие за ними события 1830-31 гг. были проявлениями единого международного кризиса. Это был кризис существовавшей системы европейской безопасности, который мог привести к пересмотру границ и баланса сил, установившихся в Европе после наполеоновских войн, что, безусловно, угрожало безопасности Российской империи. Наглядно подтверждают данную гипотезу и приведенные в диссертации примеры контактов между представителями незаконных правительств национального конгресса в Брюсселе и польского сейма в Варшаве, которые воспринимали

друг друга как соратников в своей борьбе. Это означает, что не только русское правительство и министерство иностранных дел, но и сами революционеры, из-за которых кризис и разразился, понимали неразрывную связь, которая связывала бельгийскую и польскую проблемы. Этой связью объясняется и то, что в представлении русского императора, дипломатов и общества это был единый узел проблем, в котором русское правительство было обязано использовать комплекс различных по своему характеру мер и средств (дипломатических, военных, неофициальных) с целью защиты интересов своей страны.

Автору работы принципиально важным представляется вывод о том, что механизм выработки внешнеполитических решений России с учетом внешнеполитических ориентиров, поставленных императором, характеризовался большой гибкостью, использованием как официальных, так и неофициальных форм воздействия на правительства и общественное мнение других стран. Опыт реакции России на события зарубежных революций в условиях крайне неблагоприятного международного общественного мнения, направленного против России и ее властей, может быть интересен в современных условиях, которые до некоторой степени напоминают ситуацию, с которой столкнулась николаевская Россия в начале 30-х гг. XIX века.

События 1830-31 гг. имели большое значение для внешней политики Российской империи. Они укоренили в Николае I недоверие к Франции и фактически сделали невозможным сближение двух стран. В то же время выполнение союзниками России по Священному союзу – Пруссией и Австрией - своих обязательств, напротив, способствовали доверию Николая I к правительствам этих стран, что в будущем будет иметь негативные последствия для России в свете австрийской политики на Балканах. Успех русской дипломатии укрепил убежденность Николая I в правильности своего внешнеполитического курса, который он делал максимально открытым для своих партнеров, предпочитая неукоснительно соблюдать существующие договоры и союзы, видя именно в этом залог своего успеха. Подобная

открытость и строгое следование международным обязательствам не всегда находили понимание у современников и, очевидно, способствовали международной изоляции России в годы Крымской войны. Правительство Великобритании также убедилось в правильности своего курса, который позволил ей без единого выстрела включить Бельгию в сферу своего экономического и дипломатического влияния, и далее продолжило практику проведения политики «свободных рук», занимая в соответствии со своими интересами попеременно ту или иную сторону. Основополагающим выводом диссертации, наряду с доказательством того, что в восприятии русского правительства революция в Бельгии, восстание в Польше и последовавшие за ними события 1830-31 гг. были проявлениями единого международного кризиса, является то, что фактически в исследованный период зародились или наглядно проявили себя те тенденции во внешней политике, которые станут определяющими до Парижской системы 1856 года.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

I. Архивные документы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

1. Ф.109. Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1826-1880.
2. Ф.728. Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего Дворца.
3. Ф.1126 Бенкендорфы. Алопеусы. Шуваловы.

II. Сборники опубликованных документов

4. Братья Булгаковы: письма/Александр Булгаков, Константин Булгаков. М.:Захаров, 2010 г.
5. Внешняя политика России 19 и начала 20 века: документы МИД РФ. Том 17. М.: Международные отношения, 2005.
6. Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830-1831 годов/ Сост., вступ.статья В.М.Боковой, Н.М. Филатовой. - М.: Новое литературное обозрение, 2005
7. Гершензон М.О. Эпоха Николая I в воспоминаниях и свидетельствах современников. М.: Захаров.2001
8. Император Николай Первый. Николаевская Эпоха. Слово Русского Царя. Апология Рыцаря. Незабвенный. Изд. Подг. М.Д. Филин. – М.: Русский миръ, 2002
9. Намазова А.С. Бельгийская революция 1830 г.М., 1979. Приложения: документы из архива внешней политики России. С.159-191
- 10.Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. Книга 1-я (Серия: Государственные деятели России глазами современников) - СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2008
- 11.Николай I. Муж. Отец. Император. М.,2000

- 12.Николай Первый и его время: Том 1, Том 2/Сост., вступит.ст. и коммент. Б.Н.Тарасова М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000
- 13.Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010 г.
- 14.«Поэт,Россия и цари / А.С.Пушкин,А.Н.Вульф,М.К.Мердер,Л.Н.Павлищев». М., Фонд Сергея Дубова, 1999 г.
- 15.Россия под надзором. Отчеты III-го Отделения, 1827-1869 гг. М., 2006
- 16.«Российский Архив»: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Альманах: Вып.XIII – М.: Редакция альманаха «Российский архив», 2004.
- 17.Русская старина, 1872. – Т. 6. - № 7. № 10; 1873. – Т. 7. – № 4, № 5; Т.8 №11

III.Мемуары

- 18.Бенкендорф А.Х. «Воспоминания 1802-1837». М., «Рос.Фонд Культуры», 2012 г.
- 19.Гагарин Иван. Дневники. Записки о моей жизни. Переписка. – М.: «Языки русской культуры», 1996.
- 20.Греч Н.И. «Записки о моей жизни», М.: «Захаров», 2002
- 21.Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг./М.А.Корф. – М.: Рубежи XXI, 2010
- 22.Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 1. — М.: Захаров, 2005.
- 23.Талейран Ш. М. Мемуары. Екатеринбург, 1997.
- 24.Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М.: «АИРО-XXI», 2008.
- 25.Хесс Эуген Русский дневник/ Пер.с нем.и прим.Б.И.Асварица. – СПб., Аxioma, 2007.

IV.Исследовательские работы

26. Айрапетов О.Р. «Внешняя политика Российской империи (1801-1914)». М.: Издательство Европа, 2006
27. Антонен Дебидур. Дипломатическая история Европы от Венского до берлинского конгресса (1814-1878). / Вст. ст. А.Л. Нарочницкого. — М., Государственное издательство иностранной литературы. 1947
28. Берг Н.В. Записки о польских заговорах и восстаниях 1831-1862 М.: Кучково поле, 2008
29. Бертран Л. История демократии и социализма в Бельгии с 1830 г. М., 1907.
30. Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 гг., тт.1-4, СПб, 1876
31. Борисов Ю.В. Шарль Морис Талейран М.: «Рипол Классик», 2003
32. Бородкин М. Венчанный рыцарь и его тернистый путь. Харьков, 1914
33. Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история, 2006, №5
34. Вылежский Ф.И. император Николай I и Польша в 1830 году. Материалы для истории польского восстания 1830-1831 гг. СПб, 1903
35. Выходчиков Л.В. Император Николай I: человек и государь. СПб изд-во СПбГУ, 2001
36. Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Чепелкин М.А., Чернов С.Л. — Н.С. Киняпина как исследователь внешней политики России XIX века // Вопросы истории. 2004 №12
37. Дебидур А. Дипломатическая история Европы (1814-1878): в 2 т. Ростов н/Д, 1995
38. Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы 1700-1918 гг. М.: изд. «Росспен», 2004.
39. Жолудов М. В. Англия, Россия и Бельгийская революция 1830 года. // Внешняя и колониальная политика Великобритании в XVIII-XX вв. Ярославль, 1993
40. Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. тт.1-2, СПб, 1908-1913
41. Зарин А.Е. Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб, 1913

- 42.История дипломатии. Под ред.В.П.Потомкина. Т.1. М., ОГИЗ. 1941
- 43.Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., Наука./Под ред. А.Л. Нарочницкого М., Наука. 1981
- 44.Кизеветтер А.А. Внутренняя политика императора Николая Павловича // Кизиветтер А.А. Исторические очерки. М., 2006
- 45.Киняпина Н.С.Внешняя политика России в первой половине XIX века. М., 1963
- 46.Киняпина Н.С. Внешняя политика Николая I //Новая и новейшая история, 2001, N 1 - 2.
- 47.Ковалевский Е.П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах. СПб.1868
- 48.Колесникова В.А. Николай I. Лики масок государя. М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2008
- 49.К истории революции в Бельгии.Ввод.статья А.Молока//Красный архив.Т 1.1941.
- 50.Красный архив. Исторический журнал.1922-1944. Аннотированный указатель содержания. Сост. Р.Я.Зверев. М.,1960
- 51.Молок А.И., Потемкин Ф.В. Европа в 1794-1847 гг. М., 1952
- 52.Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного союза. Харьков. 1892.
- 53.Назаревский В.В. Царствование императора Николая I.1825-1855. М., 1910
- 54.Намазова А.С.Бельгия. Эволюция государственности в XVIII-XX веках. Ин-т всеобщ.истории РАН. М.:Наука, 2008
- 55.Намазова А.С. Бельгийская революция 1830 г. М., 1979
- 56.Намазова А.С. Российские послы о бельгийской революции 1830 г.//Россия и Европа. Дипломатия и культура. М.,1995
- 57.Намазова А.С. Россия и Бельгия: диалог культур//Россия и Европа: Дипломатия и культура. Вып.2/Отв.ред. А.С.Намазова. Ин-т всеобщей истории. М., Наука, 2002

- 58.Намазова А.С. От революции к реформам: эволюция бельгийской государственности, 1787-1993 гг. Автореф.дис...док.ист.наук. –М.,2002
- 59.Нарочницкий А.Л. Международные отношения европейских государств от июльской революции во Франции до Парижского мира (1820-1856 гг.). М.,1946
- 60.Мильчина В.А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб:Ю 2006
- 61.Орлик О.В., Виноградов В.Н. История внешней политики России. Первая половина 19 века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г). М., 1999
- 62.Покровский М.Н. Русская история в сжатом очерке. М., Красный пролетарий, 1933
- 63.Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX веке. Сборник статей. Красная Новь.1923
- 64.Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М.,2000
- 65.Погодин М.П. Польский вопрос: Собрание рассуждений, записок и замечаний. М., 1867
- 66.Погодин М.П. Записки М.П. Погодина о политике России 1853-1854. // Русская старина, 1874. – Т. 10. - № 5, № 6.
- 67.Пресняков А.Е. Николай I. Апогей самодержавия. Л., 1925
- 68.Ревякин А.В. История международных отношений в Новое время: учебное пособие. М., 2004
- 69.Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII- начало XX вв. М., 2007
- 70.Ружицкая И.В. «Просвещенная бюрократия (1800-1860-е гг.). М.:Институт российской истории РАН, 2009
- 71.Сакун О.Ф.Деятельность российского посла Х.А.Ливена и его супруги Д.Х.Ливен в Лондоне. 1812-1834 годы//Новая и новейшая история. 2006.№6
- 72.Тальберг Н.Д. Николай I.Очерки истории Императорской России. М., изд-во Сретенского монастыря, 2000

- 73.Таньшина Н.П. Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М.:Товарищество научных изданий КМК, 2009
- 74.Татищев С.С.Внешняя политика императора Николая I.СПб., 1887
- 75.Татищев С.С. Император Николай и иностранные дворы. Ист.очерки. СПб., 1889
- 76.Татищев С.С. Из прошлого русской дипломатии. СПб., 1890
- 77.Тарле Е.В. «Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки. СПб, 1906
- 78.Тарле Е.В. «Падение абсолютизма в западной Европе и России»/Под.ред. и со вступ.ст. Ю.И.Семенова; Гос.публ.ист.б-ка России – М., 2011.
- 79.Тарле Е.В. Крымская война Т.1, М., 1941, Т.2, М., 1943
- 80.Тарле Е.В.«Талейран», М., 1957
- 81.Толстой Л.Н. Николай Палкин. Женева, 1891
- 82.Тюрин А.В. Правда о Николае I. Оболганный император. М., 2010
- 83.Уляницкий В. Дипломатия во время Восточной войны и Парижский трактат 1856 // Русский вестник. 1877.№12.
- 84.Фалькович С.М. Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономии Королевства Польского. 1815-1830. М.: «Индрик», 2010
- 85.Филатова Н.М. Русские и поляки в Царстве Польском (1815-1830): стереотипы взаимного восприятия // Россия – Польша: образы и стереотипы в литературе и культуре. М.:2002
- 86.Хобсбаум Э. Век революции.Европа 1789-1848. Ростов н/Д: изд-во Феникс. 1999
- 87.Чичерина Б.Н. «Об общих началах европейской политики и в особенности внешней политики России» // «Российский Архив»: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Альманах: Вып.XIII – М.: Редакция альманаха «Российский архив», 2004

- 88.Шатохина Г.А.. Бельгия по страницам русской периодической печати конца XVIII-начала XIX в.//Россия и Европа: Дипломатия и культура. Вып.2/Отв.ред. А.С.Намазова. Ин-т всеобщей истории. М., Наука, 2002
- 89.Шахмагонов Н.Ф. Император Николай Первый. М.,1999
- 90.Щебальский П. Восточный вопрос и дипломатия // Русский вестник 1886. №8-9.
- 91.Шильдер Н.К. «Император Николай I.Его жизнь и царствование». М.: Захаров, 2010
- 92.Шильдер Н.К. Два доноса в 1831 г.// Русская старина. 1898. №12
- 93.Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. М.: Мысль, 1984
- 94.Янковскиц Д.П. Личность императора Николая I и его эпоха. Варшава, 1897

- 95.Albrecht-Carrie R. The Concert of Europe (Documentary History of Western Civilisation). N. Y., 1968
- 96.Albrecht-Carrie R. A Diplomatic History of Europe since the Congress of Vienna (1815-1914). N.Y., 1973.
- 97.Bourne K. The Foreign Policy of Victorian England. 1830-1902. Oxford, 1970
- 98.Chamberlain M. British Policy in the Age of Palmerston. L., 1980.
- 99.Cromwell J.L. Dorothea Lieven. A Russian Princess in London and Paris, 1785-1857. Jefferson and London, 2007
- 100.Eric Hobsbawm. The Age of Revolution: 1789-1848.Abacus, 1962
- 101.Europe's Balance of Power 1815 1848/Ed. by A. Sked. L., 1979.
- 102.George Edmundson. History of Holland (Cambridge History Series). Cambridge University Press.
- 103.Histoire des relations internationales Sous la direction de P Renouvin P 1953

104. Huybrecht P. A. «Histoire politique et militaire de la Belgique: (1830 - 1831)», Paris 1856
105. Lincoln W. Bruce. Nicolas I. Emperor and Autocrat of All the Russias. Bloomington and London, 1978
106. Squire P.S. Metternich and Bismarck, 1807-1834// The Slavonic and East European Review. 1967, № 104
107. Webster O.K., The foreign policy of Palmerston 1830-1841, v.1-2. L., 1951
108. White Ch. Revolution beige de 1830. Vol.1-3. Bruxelles, 1836

✓